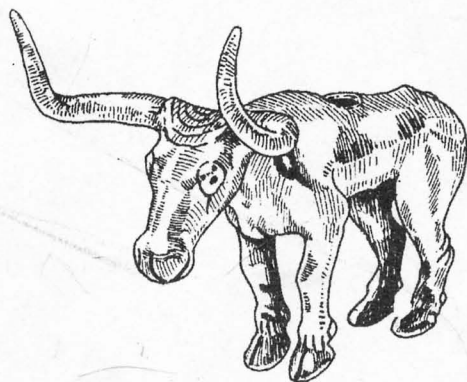

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ДРЕВНИЕ ОБЩЕСТВА КАВКАЗА В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

(ранние комплексные общества и
вопросы культурной трансформации)

Санкт-Петербург
1997

1997

THE INSTITUTE FOR MATERIAL CULTURE HISTORY
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**CAUCASIAN ANCIENT SOCIETIES
IN PALAEOMETAL EPOCH**
(early complex societies and
the questions of cultural transformation)

St.-Petersburg
1997

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ДРЕВНИЕ ОБЩЕСТВА КАВКАЗА
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА**
(ранние комплексные общества и
вопросы культурной трансформации)

Санкт-Петербург
1997

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ
Вып. 46

Печатается при поддержке

Российского гуманитарного научного фонда.

Проект 96-01-00004 “Культурная трансформация и ранние комплексные общества Восточной Европы”.

ПЛАНИРУЕМЫЕ ИЗДАНИЯ:

Часть 1. В. М. Массон. Палеолитическое общество Восточной Европы. СПб., 1996

Часть 2. Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла.

Часть 3. Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла.

**ВВЕДЕНИЕ: ДОУРАРТСКИЕ ДРЕВНОСТИ КАВКАЗА –
ПУТИ ПОЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

В XIX и начале XX веков стремительно развертывалось познание ранее почти забытой эпохи в истории человечества – эпохи древневосточных обществ. Одним из звеньев в этой цепи познания стало открытие урартской цивилизации. Часть Закавказья в VIII–VII вв. до н. э. была включена в состав этого древневосточного государства, и урартские древности, первоначально надписи, а затем и другие виды памятников были обнаружены в ряде мест региона (Пиотровский 1944; 1959). Вместе с тем новые находки показывали, что здесь в доурартскую эпоху развивались местные, достаточно высокоразвитые культуры.

К сожалению, в археологии Кавказа не получила особого развития историографическая традиция, в отличие, скажем, от среднеазиатской археологии, где это направление активно развивалось, в частности, ташкентской археологической школой и представлено целым рядом исследований, в том числе и диссертационных, как общерегиональной, так и более локальной тематики (М. Массон 1956; Лунин 1958; Литвинский 1954). На Кавказе, помимо деятельности местных исследователей, по большей части бывших в основном любителями, в дореволюционное время важное значение имела организация музейных собраний, в первую очередь Кавказского музея, ныне Государственного музея Грузии. Большую роль сыграл проведенный в 1881 г. в Тифлисе V Всероссийский археологический съезд. Как справедливо отмечал Б. Б. Пиотровский, “кроме тесной связи, установившейся между кавказскими археологическими учреждениями с московским археологическим обществом, съезд своей популяризацией древних памятников Кавказа возбудил интерес к древностям в широких кругах кавказской интеллигенции” (1949: 7). Московское археологическое общество, помимо экспедиционных работ, начало даже выпуск специальной серии “Материалы по археологии Кавказа”, где, кстати, был выпущен свод урартских надписей (Никольский 1911).

После революции, с образованием отдельных республик в Грузии, Армении и Азербайджане начался в сфере археологии подлинный информационный бум, набиравший начиная с 30-х годов все большие темпы. Он резко оборвался с распадом СССР и образованием независимых государств, которые, как и все СНГ, хотя, быть может, и в большей мере, стали погружаться в трясину экономического спада и политических неурядиц. Сведения о новых экспедиционных открытиях регулярно публиковались как в виде предварительных сообщений, так и в виде внушительных монографий. Так, например, можно отметить крупноформатные издания серии “Археологические памятники Армении”, публиковавшейся на довольно высоком полиграфическом уровне. Вместе с тем, получали все большее распространение издания на грузинском, армянском и азербайджанском языках с русскими и английскими резюме, а порой и вообще без таковых. Это безусловно разрывало научное пространство, возводило информационные барьеры на пути оперативного общения, шедшего порой лишь на уровне иллюстраций и подписей под таковыми. Ученые соседних республик, изучающие памятники одной и той же эпохи, а порой

одной и той же культуры, не могли полноценно пользоваться изданиями своих коллег, не говоря уже о мировом научном сообществе.

Для интерпретации новых археологических материалов первостепенное значение имели вопросы археологической систематики, организации памятников и коллекций в устойчивые блоки как исходные единицы и последующего анализа. Здесь прежде всего следует отметить для доурартской эпохи значимость работ Б. А. Куфтина, не только открывшего выдающиеся памятники, но и положившего начало их систематизации. Таково прежде всего выделение им раннеземледельческой куро-аракской культуры и триалетских комплексов или триалетской культуры (Куфтин 1941; 1943). В 60-х годах последовало открытие архаических памятников раннеземледельческой эпохи, обнаруженных в соседних районах Грузии и Азербайджана. Это привело к появлению двойного наименования новой культуры – Шому-тепе – Шулавери. Так были выявлены яркие культурные явления, охватывающие значительное число памятников и комплексов. В них, вместе с тем, обнаруживались и определенные внутренние различия, восходящие как к хронологическому положению, так и к локальному своеобразию. Для дальнейшей систематики наиболее удобной, во всяком случае на первых этапах, была бы традиционная для отечественной археологии трехчленная система – культурная общность – культура – локальный вариант. Стремление приложить эту схему к северокавказским материалам эпохи бронзы отразилось в появлении понятия майкопская и майкопо-новосвободненская культурная общность. Вместе с тем, совершенно ясно, что одно применение иерархических понятий еще не решает на уровне типологического анализа соответствующего членения материала на устойчивые группировки. В равной мере выделение по физико-географическому признаку локальных подразделений, как это предпринято в отношении куро-аракской культуры (Кушнарева, Чубинишвили 1970), еще не решало вопроса об этих локальных вариантах как устойчивых наборах типов артефактов. Ясно, что необходим типологический анализ всего массива богатейшей куро-аракской керамики и выявление именно на основании типологии керамических провинций. Это и должно привести в конечном итоге к обоснованному выделению в рамках археологической систематики локальных вариантов. В равной мере это касается и выделения археологических культур или культурных общностей. В сводной книге К. Х. Кушнаревой (1993) не без оснований используется понятие триалетской культуры. Намечающиеся в рамках этого огромного пласта временные изменения позволяют говорить о ранних этапах, один из которых, например, З. Э. Махарадзе (1995) выделяет в особую беденскую культуру. Слабая разработка археологической систематики ведет к тому, что один из основных исследователей памятников этого типа О. М. Джапаридзе предпочитает в последнее время осторожно говорить о “культуре ранних курганов” (1996). Триалети – это, разумеется, большое историко-культурное явление, но такое понятие отнюдь не снимает вопроса о необходимости строгой археологической систематики, основанной именно на типологическом анализе. Для памятников Закавказья поры палеометалла такое исследование на уровне современной типологии было предпринято лишь А. Е. Симоняном (1984). Слабость археологической систематики заставляет исследователей пользоваться самими различными понятиями помимо “археологической культуры”. Например, это и “северо-узбекская группа памятников”, и “памятники типа Кызыл-Банк” и многое другое. Это тем более печально, что богатейшие коллекции закавказских древностей открывают широчайшие возможности для типологических построений, особенно металлических изделий,

что могло бы способствовать не только систематике, но и решению вопросов культурогенеза, генетических и интерлокальных связей и взаимодействий.

Заметной заслугой советской археологии, как части советской исторической науки в целом, является целенаправленная установка на интерпретационные построения. Такова была первоначально довольно упрощенно трактовавшаяся установка на изучение производительных сил и производственных отношений, то есть по существу экономики и социальных структур в древних обществах (Массон 1996: 8). Для кавказского региона характерно особое внимание исследователей к характеристике земледелия и скотоводства эпохи палеометалла. Здесь конкретному анализу способствовали специальное изучение палеоботанических материалов (Лисицына, Прищепенко 1977) и орудий труда методом функционального анализа (Коробкова 1987). Определенные успехи были достигнуты и в изучении различных производств, в первую очередь, керамического и металлообрабатывающего. Эти новые подходы реализуются уже в самой структуре сводных работ. Так, в университетском курсе Б. Б. Пиотровского “Археология Закавказья” (1949) выделены специальные главы, такие как “Хозяйство эпохи бронзы”, “Ремесло эпохи бронзы” и отдельно “Культы и религия эпохи бронзы”.

В этой, в принципе прогрессивной сфере развития интерпретационных построений немалый вред нанесло упрощенное социологизирование и догматизм, организационно закрепляемые безудержной политизацией науки общественного сектора. Дело не в том, что сам по себе определенный поворот к социально-экономическим разработкам был неверен, а в той форме, в какой он стал применяться с середины 30-х годов, которую можно именовать формационным эволюционизмом. Выстраивалось линейное развитие, где за матриархатом должен был обязательно следовать патриархат, за разлагающимся первобытно-общинным строем – рабовладельческая формация. Перерывы постепенности, а тем более возвратные, попятные движения общественного развития практически не предусматривались. Сама понятийная сетка была примитивно упрощена, поскольку преподносилась в форме директивно утверждаемой схемы, догматическим образцом которой была знаменитая четвертая глава “Краткого курса истории ВКП (б)”, автором которой считался И. В. Сталин.

Психологический менталитет формационного эволюционизма распространился на археологическую периодизацию. Трехчленная система каменного, бронзового и железного веков стала рассматриваться не как археологическая систематика, разворачивающаяся во времени, а прямо как историческая периодизация, отражающая тот же, обязательно поступательный путь исторического развития. В свое время Г. Дениел упрекал Гордона Чайлда за “противоестественный брак” исторической периодизации, в данном случае схемы Моргана, с понятиями каменный, медный и бронзовый век” (Daniel 1968: 30–32). Такое стремление сказалось и на кавказской археологии. Так впервые открытая раннеземледельческая культура Куро-Аракса первоначально характеризовалась как относящаяся к поре энеолита или медного века. Одна из первых сводок, принадлежавшая перу Б. Б. Пиотровского (1949), так и называлась “Поселения медного века Армении”. Затем было объявлено, что эта характеристика занижает уровень развития местных племен, создавших эти комплексы, и что на самом деле речь должна идти не о энеолите, а о раннем бронзовом веке. В результате, когда были открыты более архаические раннеземледельческие комплексы типа Шому-тепе – Шулавери, чтобы не выйти за пределы рамки схемы, психологически восходящей к методологии формационного эволюционизма, их пришлось уже объявить “энеолитическими”. Между тем по основ-

ным культурным и хозяйственным параметрам основные памятники типа Шомутепе – Шулавери стадильно аналогичны, скажем, среднеазиатскому Джейтуну, как классической культуре раннеземледельческого неолита. Ясно, что схеме Томпсона не следует автоматически придавать черты исторической периодизации и что использование соответствующей терминологии в археологической систематике бывает весьма условно. Так, в археологии Малой Азии Дж. Мелларт выделяет период энеолита не с появления в каких-либо масштабах медных изделий, а с распространения расписной керамики.

Догматизированный формационный эволюционизм зачастую приводил к тому, что общие, “проходные” формулировки вроде рода, патриархальных или матриархальных отношений попросту прилагались к описаниям конкретных памятников, особенно если это осуществлялось в контексте историй отдельных республик, будь то Дагестана или Армении.

Перекосы политизации, нашедшие, в частности, отражение в дискредитации как “марристского” стадильного подхода, привели к тому, что исследователи порой старались вообще обходить тематику социологической интерпретации, для чего убогая понятийная сетка открывала ограниченные возможности, а новаторство было и непопулярно и попросту опасно в пору идеологических гонений. В этом отношении показательно, что, например, в книге, посвященной открытию новых богатейших курганов триалетской культуры, ярко рисующих особый статус элиты закавказского бронзового века, О. М. Джапаридзе (1976) вообще обошел эту тематику. Вместе с тем, с 70-х годов стала намечаться тенденция к конкретному анализу археологических реалий, отражающих древние социальные структуры. Это нашло отражение в проведенных в Ленинграде двух семинарах, посвященных древним поселениям и могильникам. Эти материалы частично нашли отражение в печати (Массон 1975). Стало популярным рассмотрение именно элитных гробниц кавказской археологии (Массон 1973; Кушнарева 1973; Кавтарадзе 1979). Были использованы оценки, определяющие трудовые затраты на возведение престижных гробниц, отмечена ранговая стратификация в рамках элитарной верхушки, поставлен вопрос о функциональном многообразии потенциальной власти лидера по материалам функционально значимых групп объектов в составе погребального инвентаря. А. И. Джавахишвили (1973) предложил социологическую оценку раннеземледельческого общества на основе анализа типов строений, объединенных в рамках поселка. Определенную роль сыграли и аналогичные разработки и интерпретационные построения, ведущиеся на среднеазиатских материалах, представленных в частности на сессии, проводившейся в Тбилиси, в докладе В. М. Массона “Среднеазиатско-кавказский социологический параллелизм” (1970).

Особого значения заслуживает вопрос культурологической интерпретации. Во-первых, именно материалы археологии, представляющие собой в основном музейную выборку древней материальной культуры, позволяют делать соответствующие оценки на массовых материалах. Во-вторых, эти же материалы благодаря своей яркости и массовости рисуют сложную картину неоднолинейной динамики древних обществ в той мере, в какой она отражена в оставленной ими культуре. Соответствующие разработки в кавказской археологии затрудняет усилившаяся с образованием СССР и отдельных входящих в его состав республик стремление рассматривать материалы и явления в рамках современных административных границ, разрывающих пределы древних, да и средневековых культурных и политических образований. По существу лишь Российская Академия наук старалась учитывать общерегиональный аспект соответствующих разработок. Такова, например, уже

неоднократно упоминавшаяся книга Б. Б. Пиотровского “Археология Закавказья”. Из последних публикаций можно назвать монографию К. Х. Кушнарева “Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э.” и соответствующий том фундаментального издания “Археология СССР” (Эпоха бронзы ... 1994), отражающий политические и информационные реалии на момент создания этого труда, организованного усилиями Б. А. Рыбакова и постепенно идущего к своему завершению.

Тематика культурологических разработок обычно оттеснялась стремлениями к изучению проблем палеоэтногенеза, что на одних археологических материалах является методологически и методически крайне сложным мероприятием. Тем не менее эта тематика считалась весьма актуальной, и ей посвящены многочисленные публикации (Джапаридзе 1976; Марковин 1974). Почти неизбежная при приоритете таких разработок прямолинейность, а порой и нарочитая предвзятость порождали конфликтное напряжение не только в научной сфере, но и шире, в обществе в целом. Это, впрочем, касалось большинство союзных, а порой и автономных республик Союза ССР. Разумная прослойка правящей элиты сравнительно поздно обратила внимание на этот аспект и пыталась в какой-то мере парировать его, выдвинув идею создания региональных обобщающих трудов. Таков был, например, проект многотомной “Истории Средней Азии и Казахстана”. Этот проект, уже далеко зашедший в своем осуществлении, был умело торпедирован в рамках тогдашней политической системы руководством Узбекистана. Правда удалось издать первый том “Истории Северного Кавказа” (История ... 1988). Но об издании общерегиональной “Истории Закавказья” вопрос даже не ставился – столь глубоки там были межнациональные противоречия, пищу для которых к стати давали и поверхностные разработки по палеоэтногенезу. Вскоре вместо такого общего научного труда разгорелись кровавые столкновения и военные действия.

Между тем культурологические разработки лучше многих других направлений могли бы показать реальную историю культуры отдельных народов в их взаимодействии и взаимообогащении что всегда было важнейшим фактором исторического прогресса. В равной мере они могут характеризовать и сложный прерывистый путь культурогенеза, своего рода аналог явлению пунктуализма современной биологии. Особое внимание вопросам культурогенеза в широком понимании стали уделять с 1981 г. археологи Ленинграда (Традиции и инновации 1981). Для кавказской археологии имело определенное значение проведенное в 1982 г. в Ереване совещание “Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа”. Там был поставлен вопрос о возможности пятных движений, своего рода ритмах культурогенеза. На конкретных материалах этот подход был рассмотрен М. Г. Гаджиевым, в полной мере реализовавшим его в монографии, изданной в 1991 г. Здесь выделена специальная глава, названная “Вопросы культурно-исторической интерпретации памятников эпохи раннего металла Северо-Восточного Кавказа”. Там было показано, что в пору становления культур среднебронзового века снизились темпы культурного и экономического развития общества, произошли застои и даже упадок (Гаджиев 1991: 238, сл.). Так реальный анализ конкретных материалов естественным путем выводил исследователей за рамки идеологии формационного эволюционизма на широкие просторы подлинного познания прошлого во всей его сложности и многообразии. Настоящим изданием авторы также стараются по мере возможности способствовать непредвзятым и нетрафаретным разработкам культурогенеза и социогенеза Кавказа как важнейшего макрорегиона Старого Света.

- ГАДЖИЕВ, М. Г. 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.
- ДЖАВАХИШВИЛИ, А. И. 1973. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа в V–III тыс. до н. э. Тбилиси.
- ДЖАПАРИДЗЕ, О. М. 1969. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси. На груз. яз. Рез. рус. и англ.
1976. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси. На груз. яз. Рез. рус.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. 1988. М.
- КАВТАРАДЗЕ, Г. Л. 1979. К социологической интерпретации “царских гробниц” // Материалы по археологии Грузии и Колхиды. Вып. 7. На груз. яз.
- КОРОБКОВА, Г. Ф. 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л.
- Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. 1982. Ереван.
- КУФТИН, Б. А. 1941. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси.
1943. Урартский “колумбарий” у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит // Вестник Государственного музея Грузии. XIII-V.
- КУШНАРЕВА, К. Х. 1973. К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. Вып. 134.
1993. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. СПб.
- КУШНАРЕВА, К. Х., Т. Н. ЧУБИНИШВИЛИ. 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.
- Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. 1994. М.
- ЛИСИЦЫНА, Г. Н., Л. В. ПРИЩЕПЕНКО. 1977. Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М.
- ЛИТВИНСКИЙ, Б. А. 1954. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. Сталинабад.
- ЛУНИН, Б. В. 1958. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917). Ташкент.
- МАРКОВИН, В. И. 1974. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгеев. Нальчик.
- МАССОН, В. М. 1970. Среднеазиатско-кавказский социологический параллелизм // Тезисы докладов Сессии, посвященной итогам археологических исследований. Тбилиси.
1973. Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые вопросы социологической интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
1996. Исторические реконструкции в археологии. Самара.
- МАССОН, М. Е. 1956. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // Труды САГУ. Новая серия. LXXXI. Ист. науки. Кн. 12. Ташкент.
- МАХАРАДЗЕ, З. Э. 1996. Поселение Чихиагора и проблема периодизации культур эпохи бронзы на территории Грузии // МАЕ.
- НИКОЛЬСКИЙ, М. В. 1996. Клинообразные надписи Закавказья // Материалы по археологии Закавказья. V. М.
- ПИОТРОВСКИЙ, Б. Б. 1944. История и культура Урарту. Ереван.
- 1949а. Археология Закавказья. Л.
- 1949б. Поселение медного века в Армении // СА. № XI.
1959. Ванское царство (Урарту). М.
- СИМОНЯН, А. Е. 1984. Культура эпохи средней бронзы северного района Армянского нагорья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- Традиции и инновации в развитии древних культур. 1981. Л.
- DANIEL, G. 1968. The first civilizations. The archaeology of their origins. London.

РАННИЕ КОМПЛЕКСНЫЕ ОБЩЕСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА

С победой аграрной революции – этого важнейшего рубежа в истории человечества, характеризующегося перестройкой всей хозяйственной деятельности древних обществ, в разных частях земного шара развиваются новые культуры. Их многообразие находилось в неразрывном единстве с конкретными формами производства, существовавшими в этих обществах. В свою очередь, характер производства предопределял формы и специфику развития общественных структур. Эта триада: культура, экономика и общественный строй – является основополагающей при изучении различных этапов развития любого общества. Первые земледельческие структуры явились своеобразной “стартовой площадкой” для долгого и тернистого пути, по которому через ранние комплексные общества человечество шло к великим древним цивилизациям. Характер развития ранних комплексных обществ разных регионов как бы программировал конечный результат этого пути: в одних случаях он завершался переходом к первым государственным структурам, в других – трансформировался в иные (негосударственные) социально-экономические объединения. С введением в научный оборот понятия “ранние комплексные общества”, возникшим как антитеза марксистским социологическим интерпретациям (сменившимся затем полным отходом от каких-либо трактовок общественных структур), открылись новые перспективы для изучения социогенеза и культурогенеза в историческом аспекте (Массон 1991; 1996). Понятие это, наряду с другими социологическими категориями (группа, племя, вождество, стратифицированное общество) широко используется, в частности, американскими археологами (Березкин 1991).

На основании археологических фактов устанавливается, что пути развития и формопроявления ранних комплексных обществ разнообразны и зависят от многих причин, обусловивших их особенности. Вместе с тем те же археологические источники указывают на существование общих закономерностей в этом процессе на разных континентах. В историческом плане ранние комплексные общества отличаются от предшествующих им примитивных сообществ усилением и иерархизацией организационных структур и их способностью концентрировать возможности для достижения прогресса в той или иной области жизнедеятельности; усилением социальных, политических и экономических структур; социальной иерархией, закрепленной наследственным правом; повышением роли центра и вождя – лидера в интеграции общества (Массон 1991; 1996). Примеров таких сообществ, идущих по пути урбанизации или исчерпавших свой потенциал, так и не дойдя до государственности, можно сегодня привести много. В силу определенной слабости социально-экономических структур и отсутствия жесткой централизованной власти, эти лишённые стабильности организмы были подвержены постоянным колебаниям, приводившим порой к их распаду (Там же). Тем не менее в них проявляется более высокий чем прежде уровень организационных возможностей, что в материальном выражении приводит к специализации различных производств, ориентированных, в частности, на получение престижных объектов; к иерархии поселений с выделением крупных центров; к стратификации общества, закрепленной в различных

сферах образа жизни; к возвышению лидеров с особыми функциями и образование рангов в верхних эшелонах власти.

На Ближнем Востоке ранние комплексные общества формировались на базе древнеземледельческих структур; здесь в его широких границах с удивительной наглядностью проявился закон неравномерности исторического развития – рядом с государственными образованиями существовали общества, не объединенные централизованной властью. Кавказ, особенно Закавказье, являлись частью этого обширного мира, что прежде всего проявилось в общих с окружающими его странами закономерностях развития его древней истории. Вместе с тем, исторический путь древнего Кавказа наделен присущими только ему особенностями, которые возникли под постоянным давлением нескольких факторов. Важнейший из них – природные особенности Кавказа. Специфика Кавказа заключается в его рельефе – 72% территории Закавказья покрыты горами. Его географическое и орографическое строение вместе с горным Дагестаном составляет единое целое с Армянским, Анатолийским и Иранским нагорьями. Для южной части Кавказа, расположенной в субтропической зоне, характерны высотная зональность, пестрота ландшафтов, полноводные реки и сухой континентальный климат (исключение составляет влажный, средиземноморский климат Колхиды). Иными словами, здесь четко просматривается прямая зависимость климата, гидрографии, растительности и почв от рельефа. Тесная взаимосвязь ландшафтных зон Кавказа, несмотря на их мозаичность, предопределяет восприятие региона как целого природного явления.

Южный Кавказ с его исключительно богатой флорой является родиной широчайшего спектра растений, в том числе злаковых, бобовых, плодовых. Огромную роль играла концентрация здесь богатейших сырьевых ресурсов (обсидиан, кремний, медь, сурьма, антимон и др.), тысячелетиями определявших производственный характер деятельности древнего человека.

В историческом плане ключевая роль Кавказа в системе окружающих его стран была обусловлена также его огромным значением как самостоятельного очага зарождения и развития производящего хозяйства, как крупнейшего центра металлургии, продукция которого имела постоянный спрос на ближних и дальних рынках, а также его расположением на скрещении путей Старого Света и степного мира. История показывает, что горы Кавказа отнюдь не являлись препятствием для постоянного общения с соседними регионами, в процессе которого Кавказ играл роль генератора многих новаций и проводника различных достижений в сфере материальной и духовной культуры. Таким образом, несмотря на определенные различия в ориентации областей, лежащих по разные стороны Большого Кавказа, и в культурной сфере регион должен рассматриваться как единое историческое явление.

Переход к производящей экономике завершился на Кавказе на рубеже VII–VI тыс. до н. э. Этот эпохальный сдвиг зафиксирован материалами многослойной стоянки Чох в высокогорном Дагестане (Амирханов 1985; 1987). Здесь, в неолитическом слое, покоящемся на мезолитических отложениях, обнаружены прочные каменные дома с очагами, земледельческие орудия, глиняная посуда и, главное, зерна хлебных злаков. Преемственность от мезолита к неолиту на Кавказе прослеживается также по стратиграфии западно-кавказской стоянки Даркетского грота, в неолитическом слое которого обнаружены кости домашних животных.

Открытие Чохской стоянки блестяще подтвердило неоспоримость положения ботаников относительно зарождения земледелия в горных субтропиках (Вавилов 1932: 12; 1965: 148–151). Кавказ они рассматривали как огромную экологическую лабораторию, где в течение тысячелетий формировались основные экотипы (Ва-

вилов 1960а; 1960б; Жуковский 1971: 31). На самостоятельный характер становления земледельческого хозяйства в кавказском регионе указывает четкая преемственность от мезолита к неолиту каменной индустрии Чохской (и Даркветской) стоянки, наличие в крае диких сородичей найденных здесь культурных растений, а также малые размеры последних, свидетельствующих о незавершенности процесса их культивации.

Определенное отставание во времени развития производящего хозяйства на Кавказе от аналогичных процессов в Передней Азии исследователи объясняют разной степенью интенсивности влияния средиземноморских климатических особенностей на переднеазиатскую и кавказскую зоны (Амирханов 1987). Около 8 тыс. лет назад климат на Кавказе становится теплым и влажным; именно в это время для человека наступает возможность оптимального использования флористических и фаунистических ресурсов, что и было реализовано на рубеже VII–VI тыс. до н. э. ранненеолитической общиной Чоха. К сожалению, горная зона Кавказа, где шел процесс зарождения и становления земледелия, обследована слабо и Чохское поселение пока остается единственным бытовым памятником такого рода.

Дальнейший процесс развития общества материализовался во множестве небольших селищ, обосновавшихся тысячелетием позднее по берегам малых рек в долинах и на равнинах Центрального и Юго-Восточного Закавказья; небольшие оазисы заселялись группами или “гнездами” селищ; по традиции продолжали использоваться отдельные пещеры и гроты. Открытые селища (группы Шулавери, Шому-тепе, Арухло, Мишарчай и др.) были застроены миниатюрными круглыми глинобитными домиками и хозяйственными клетушками, с примыкавшими к ним маленькими двориками. Застройка носила хаотичный характер (Кушнарева, Чубинишвили 1970; Джавахишвили 1973; Джапаридзе О. М., Джавахишвили 1971; Мунчаев 1975; Кигурадзе 1976; Ариманов 1987; Кушнарева 1993: 18, 172, 256–264; и др.); при строительстве домов организационное начало отсутствовало. Образ жизни общинников, судя по убранству домов и предметам быта, был примитивным — архаичные способы ведения аграрного хозяйства, первые шаги в придомном скотоводстве, охота, рыболовство, собирательство, лепка грубой посуды, изготовление каменных орудий и др. Бедность и монотонность убранства домов и содержимого захоронений свидетельствуют об отсутствии накоплений и имущественного расслоения как внутри общин, так и при межобщинных сопоставлениях. Это была модель архаичного общества с раннеземледельческим укладом хозяйства, имевшая десятки аналогов в Передней и Средней Азии (Умм-Дабагия, Телль-Сотто, Хассуна, Джейтун, Намазга и др.).

Резкий контраст между социально-экономическим и материальным комплексами раннеземледельческой (энеолитической) и куро-аракской (раннебронзовой) культурами Южного Кавказа долгое время являлся предметом дискуссий. Феномен куро-аракской культуры даже объяснялся отдельными исследователями пришлым характером ее носителей. Ход исторического процесса стал постепенно проясняться лишь с накоплением новой информации, в которой решающее значение имели итоги раскопок поселений. Механизм коренных изменений и сейчас недостаточно ясен, тем не менее основные звенья процесса все же реконструируются.

Новые веяния объясняются отнюдь не глобальной сменой населения, хотя этнические передвижения, расселение на Кавказе инокультурных групп и различные формы взаимодействий с окружающим миром постоянно влияли на ход исторического процесса в регионе. Есть, в частности, предположение о возможном проникновении населения из северо-восточных областей Малой Азии в Закавказье

в середине IV тыс. до н. э., ибо в дальнейшем, на протяжении тысячелетия здесь устанавливается стабильная культура, развивающаяся в соответствии с законами социально-экономического характера (Джавахишвили 1973: 37). Кардинальные перемены вызревали в недрах архаичных раннеземледельческих обществ по крайней мере в течение трех тысячелетий, реализуясь в неизменном повышении уровня развития производительных сил во всех сферах жизнедеятельности этих обществ. Сложные внутренние процессы становятся особенно ощутимыми в первой половине IV тыс. до н. э. (финал энеолита) и материализуются в памятниках типа Сиони, Лейла-тепе, Гинчи и др. (Менабде, Кигурадзе 1981; Гаджиев 1987; Алиев Н. Г. 1991). Открытые в последнее десятилетие на большей части Закавказья, где в эпоху ранней бронзы бытовала куро-аракская культура, памятники эти несут на себе признаки как энеолитической, так и раннебронзовой культур региона (Кушнарева 1993: 84). Их широкий территориальный разброс и бесспорная близость между собой позволили даже говорить о существовании в этот период некоей промежуточной культуры (Алиев Н. Г. 1991) или культурной общности, в которой следует искать истоки куро-аракской культуры (Менабде, Кигурадзе 1981: 11). Так постепенно заполняется вызывавшая долгие споры лакуна между этими двумя культурно-историческими образованиями.

В последней трети IV тыс. до н. э. в Закавказье формируется раннее комплексное общество, оставившее памятники куро-аракской культуры (Кушнарева, Чубинишвили 1970; Мунчаев 1975; Кушнарева 1993). Сформировавшееся на определенном витке исторического процесса, на местной основе, общество это представляло собой качественно новую структуру, наделенную рядом прогрессивных признаков и впитавшее в себя все достижения прошлого. Куро-аракская культура известна, главным образом, по материалам поселений, что в значительной мере облегчает социально-экономические реконструкции эпохи.

Феномен куро-аракской культуры заключается в ее долголетию, в огромной территории распространения и в удивительной устойчивости признаков. Для этого периода характерны процессы интенсивного расселения в связи с постоянно увеличивающейся численностью населения. Идет освоение всех вертикальных зон Кавказа. Уже сегодня зарегистрировано свыше 300 поселений и могильников, тогда как для раннеземледельческой эпохи счет идет на десятки. Ареал наивысшего распространения куро-аракской культуры охватил большую часть Закавказья, Северо-Восточный Кавказ, Восточную Анатолию, Северную Сирию и Палестину, Северо-Западный Иран (Мунчаев 1994: карта D); в последних трех регионах на позднем ее этапе бытуют три группы однотипных памятников, названных каразской, кирбет-керакской и яникской культурами (Kosay, Turfan 1959; Kosay 1971; 1972; Mesler, Stekelis, Avi-Ionah 1952; Burney 1959; 1961; 1964). Эти так называемые "культуры" являлись, фактически, локальными вариантами куро-аракской культуры; аналогичные варианты существовали на Северо-Восточном Кавказе и в Закавказье – области ее формирования и первоначального распространения (Кушнарева 1993: 56). Огромный ареал куро-аракской культуры с едиными для всей ойкумены признаками, с одной стороны, и локальными особенностями, с другой, побуждает рассматривать ее скорее как историческую (историко-культурную) общность. Меняя свои границы, она просуществовала почти тысячелетие и распалась вскоре после середины III тыс. до н. э.

В этот период старые места, как правило, забрасываются, наблюдается тяготение к крупным рекам. В низких долинах возникают многослойные тели-тепе (Кюль-тепе I, II и др.), на равнинах обживаются естественные холмы (Мохра-блур

и др.) и высокие берега рек (Квацхела, Шенгавит – рис. 1), в предгорья и горах – пологие склоны, террасы, мысы, скальные выступы (Амиранис-гора, Гарни, Самшвилде, Арич, Карнут, Караз и др.). Поселения находились на небольших расстояниях друг от друга и распределялись либо “цепочкой” либо “гнездами”. Такое расселение характерно для всех густонаселенных районов.

Рис. 1. План поселения Шенгавит

В отличие от хаотичной застройки раннеземледельческих селищ, теперь поселения характеризуются определенными планировочными принципами, которые, с одной стороны, зависят от приспособляемости к местности, с другой, – от выработанных общих канонов. В зависимости от традиций, существовавших в локальных группах, а также наличия тех или иных строительных материалов дома были круглыми либо прямоугольными, каменными либо кирпичными; разнотипными были также формы крыш (плоские, конические, куполообразные) и очагов. Площадь домов увеличивается, появляются общественные здания (святые места, места общих собраний, загоны для скота и др.).

В силу слабой изученности, могильники куро-аракской культуры дают значительно меньше информации. Для этой категории памятников характерна пестрота обрядовых групп, которые сосуществовали (подковообразные склепы, каменные ящики, грунтовые могилы). Вместе с формой домов, очагов и особенностями керамики они служат основанием для выделения локальных вариантов. Однако сопоставительный анализ погребений в границах культуры пока не проделан.

Наиболее ярким признаком куро-аракской культуры является разнообразная по форме, прекрасно вылепленная чернолощенная посуда “на розовой подкладке”; для нее характерны полусферические ручки с поперечным отверстием. Кроме высоких технологических качеств она обладает декоративной привлекательностью, свидетельствующей о высоком вкусе мастеров и запросах заказчиков. Эту же сферу характеризуют другие изделия из глины – зооморфные и антропоморфные очажные подставки, изделия мелкой пластики. Среди последних выделяются фигурки животных, воспроизводящих состав стада того времени.

На всех поселениях встречаются каменные и костяные орудия, часть которых несет на себе ранние традиции. Это соха, серпы, зернотерки, мотыги, топоры разных типов, напершия булавы, наконечники стрел, проколки, шилья. Подавляющее их большинство связано с земледелием – основным занятием населения. Среди них также представлены орудия, характеризующие такие виды производственной деятельности как скотоводство, охота, рубка леса, обработка шкур животных, изготовление орудий труда, ткачество, шитье одежды и др.

Если в финале энеолита металлические изделия представлены единичными находками, то местное металлопроизводство в эпоху ранней бронзы начинает обслуживать все сферы жизнедеятельности. На многих поселениях открыты металлообрабатывающие мастерские. В различных же памятниках куро-аракской культуры обнаружены сотни металлических изделий, изготовленных преимущественно из мышьяковистой бронзы. Начинается эксплуатация местных, а позднее и более удаленных месторождений. С этого момента Кавказ идет по пути превращения в мощный очаг металлургии, оказывавший на протяжении тысячелетий влияние на окружающие его страны.

Таковы главные материальные признаки куро-аракского феномена. К середине III тыс. до н. э. куро-аракская культура, занимавшая огромную территорию, достигла своего апогея. Тем более неожиданным представляется ее внезапный распад вскоре после пика расцвета. Вслед за этим появляются культуры нового облика. Трагедия этого явления вызвала долгие дискуссии (см. Кушнарева 1993: 92). Аргументов можно лишь сказать, что глобальной смены населения в это время здесь не происходило. В последующий среднебронзовый период наблюдается переориентация хозяйственной базы (значительно усиливается роль скотоводства и др.), свидетельствующая, в первую очередь, об исчерпании прежних ресурсов, поддерживавших стабильность земледельческого хозяйства в течение почти тысячелетия.

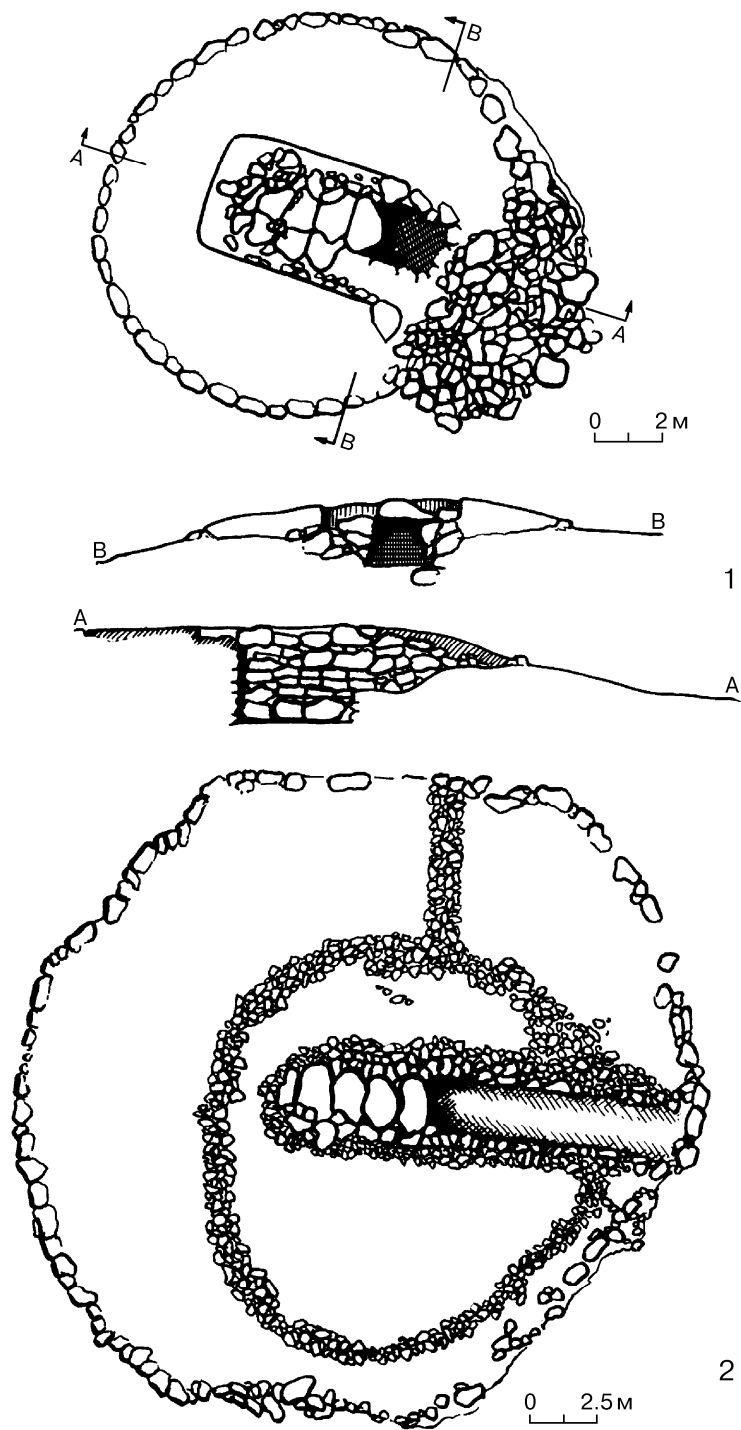

Рис. 2. Курганы Месхети (Гачкари 1 и 2)

Утверждают, что кризис хозяйства был вызван экстенсивным характером земледелия, неспособного прокормить разросшуюся массу населения (Киквидзе 1975: 23). При этом, однако, не учитывается фактор внешнего воздействия на общество Кавказа, тогда как археологически зафиксировано проникновение сюда инокультурных групп населения, особенно с юга; этот процесс продолжался на протяжении всего среднебронзового периода. Логично полагать, что передвижение в это время крупных этнических массивов на территории Передней и Малой Азии (История древнего Востока 1979) не могло не сказаться на судьбах Кавказа. Главной же причиной инновационных процессов, с нашей точки зрения, являются резкие климатические изменения (Долуханов 1984; 1985; и др.). В течении III тыс. до н. э. нарастает глобальная аридизация, вызвавшая большие социально-экономические последствия. На Армянском нагорье и в Закавказье этот процесс зафиксирован геологическими отложениями озер Ван и Севан (Гричук 1980: 61–76; Бальян 1984). Потепление климата привело к переориентации хозяйства, таяние же ледников, открывшее перевалы, способствовало проникновению на Кавказ мигрантов как с Севера, так и с Юга. В результате резко меняется облик культуры.

Однако это не значит, что наследие предшествующей эпохи оказалось исторически перечеркнутым. Ее огромные достижения были восприняты и использованы носителями среднебронзовых культур Закавказья. Нельзя забывать, что последние развивались без временного разрыва с куро-аракской культурой и в тех же территориальных границах. Археологические материалы свидетельствуют даже о кратковременном сосуществовании этих двух эпохальных культурных общностей. Это совмещение в одних и тех же слоях поселений Хошурская Нацар-гора и Цихиа-гора куро-аракских и более поздних беденских материалов (Махарадзе 1994; 1995; Орджоникидзе 1991), это также прослеженная преемственность в керамике и формах некоторых изделий металлопроизводства (Гогодзе 1972: 97; Джапаридзе О. М. 1981).

В последних веках III тыс. до н. э. на смену куро-аракской культуре приходит культура так называемых ранних курганов, знаменующая собой начало новой, среднебронзовой эпохи. В этот период, когда куро-аракские традиции еще не потеряли соевой силы, в процесс культуuroгенеза внедряется ряд новаций, большая часть которых бытует на протяжении всего среднебронзового периода (Путуридзе 1991). Теперь лидирующей отраслью хозяйства становится скотоводство. Это привело к дальнейшему освоению горной зоны, включая высокогорье. Низинные районы с их многоотраслевым аграрным хозяйством частично забрасываются. Значительно уменьшается количество поселений, что говорит о более подвижном образе жизни населения. Подсчитано, что в границах кармирбердской культуры (площадь примерно 45000 км²) на одно поселение приходилось четыре могильника (Симонян 1984). Коренным образом в эпоху средней бронзы меняется обряд погребения: на смену прежним обрядовым группам повсеместно приходят захоронения под курганной насыпью.

Культура ранних курганов известна главным образом по погребениям нерядового характера. Очаги этой культуры зафиксированы пока только на территории Грузии: Триалети, Бедени, Марнеули, Алазанская долина, окрестности Тбилиси (Джапаридзе О. М. 1975; 1994: 75; Джапаридзе О. М. и др. 1980). Курганы имели крупные каменно-земляные насыпи, перекрывавшие огромные наземные или грунтовые камеры. В больших курганах старшей группы (Триалети, Самгори, Марткопи) под насыпью иногда находился двойной деревянный сруб высотой до 2-х м (Марткопи). Инвентарь могил здесь еще ограничен, хотя в крупных курганах, в

которых основного покойника сопровождали насильно умерщвленные люди, уже встречается достаточно разнообразный набор инвентаря.

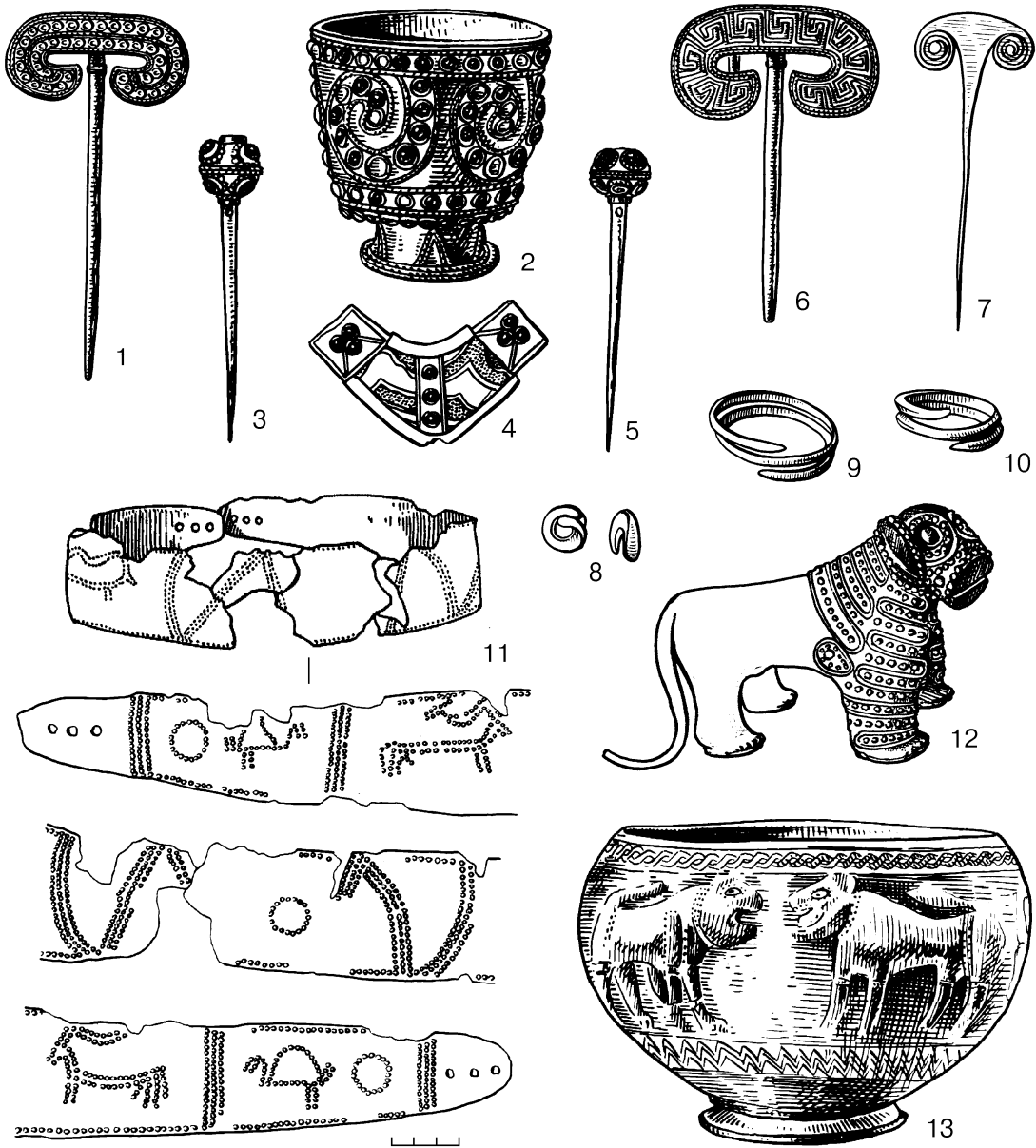

Рис. 3. Prestижные предметы из южнокавказских погребений III-II тыс. до н. э.:
1-5 – Триалети; 6 – Бедени; 7-11 – Квацхеле; 12 – Цнори; 13 – Кировакан

В младшей группе ранних курганов (Бедени, Цнори, Триалети) насыпи некоторых курганов (и погребальных камер) приобретают грандиозные размеры. В особо богатых могилах (Бедени, Цнори) стояли погребальные ложа в виде деревянных

настилов; знатного покойника сопровождали убитые люди, колесницы, шкуры животных, ковры, ткани, многочисленные сосуды и ювелирные изделия. В сравнительно небольших курганах обеих групп (Марнеули и др.) совершались одиночные захоронения, сопровождаемые скромным инвентарем.

К этому же периоду относится мощный слой на поселении Бери-кдееби (Глonti, Джавахишвили 1987), которое по последним данным трактуется как культовый памятник, вынесенный за пределы мест обитания.

Пласт ранних курганов на несколько столетий опережает среднебронзовые культуры в их прежнем понимании. Однако первые проявления новаций именно в этих погребальных комплексах, определившие характер всей последующей эпохи, а также их несомненная генетическая связь с классическими триалетскими погребениями “цветущей поры” закрепляет за ранними курганами прочное хронологическое место (XXIV–XXI вв. до н. э.) в качестве первого звена в развитии триалетской культуры. Дата подтверждается радиоуглеродным методом анализа.

На протяжении последующих столетий вплоть до середины II тыс. до н. э. в Закавказье бытовало несколько культур (Кушнарeва 1993: 92): на Западе – культура с архаичными признаками, восходящими к местным традициям (Микеладзе 1990; Пхакадзе 1993), на остальной, большей части региона – родственные между собой культуры (триалетская, кармирбердская и кизылванская), в силу ряда причин заметно отличавшиеся от западно-закавказской культуры; их объединяет общее происхождение, что позволяет их рассматривать как блок культур (Бочкарев 1982).

Наиболее яркая и хорошо изученная триалетская культура известна преимущественно по погребениям нерядового характера (Триалети, Зуржакети, Месхети, Кировакан, Карашамб; Куфтин 1941; 1949; Джапаридзе 1969; 1994; Джапаридзе и др. 1985; Оганесян 1988а; 1988б; 1990; Кушнарeва 1993: 100). Ее ведущими признаками являются крупные курганные насыпи, огромные наземные залы и грунтовые могилы, обряд кремации, деревянные колесницы и погребальные ложа, специфическая чернолощенная и расписная посуда, бронзовое либо серебряное парадное оружие, орудия труда, обсидиановые стрелы, уникальные ювелирные изделия (рис. 2; 3: 1–7, 13; 4; 5). Эти элитарные комплексы несут на себе отпечаток воздействия культур переднеазиатско-малоазийского круга. Рядовых общинников хоронили в небольших грунтовых камерах, перекрытых невысокими насыпями. Здесь нет кремации, покойников сопровождали сосуды и единичные металлические изделия.

В литературе долгое время преобладала точка зрения, что очагом распространения триалетской культуры является Южная Грузия. Однако локализация ранних курганов вдали от Триалети (р-н Тбилиси, Алазанская долина и др.) это опровергает. Пока, из-за отсутствия нужной информации, вопрос остается открытым. Территория бытования триалетской культуры в период ее апогея была огромной: на севере граница подходила к Большому Кавказу, на западе пролегла в предгорьях, примыкающих к Колхиде, на юге охватывала, фактически, все Армянское нагорье; есть основания предполагать, что Восточное Закавказье тоже входило в границы триалетской культуры (Кушнарeва 1992). В пределах этого пространства особая концентрация памятников наблюдается в Южной Грузии, в Араратской долине и в районе Нахичевана. Триалетская культура была, фактически, распространена на той же территории, что и куро-аракская, тогда как другие культуры этого времени локализовались на ограниченных пространствах. В пределах этой огромной территории существовали локальные группы памятников триалетской культуры, наделенные специфическими особенностями (Путуридзе 1983).

Памятники триалетской культуры отразили новый этап жизни общества – изменения наблюдаются как в сфере материального производства, так и в духовной сфере. Огромные сдвиги произошли в строительном деле, они реализовались в возведении грандиозных погребальных залов; о высоком уровне деревообрабатывающего ремесла, фактически не документированного материалами куро-аракской культуры, говорят сложные погребальные конструкции, ложа, носилки, колесницы, мебель, подносы, шкатулки и др.; некоторые предметы покрыты тонкой резьбой.

Самый массовый материал – керамика – значительно укрупняется, меняет формы, становится разнообразнее, совершеннее. Преобладает чернолощенная посуда разных размеров – от крупных “гидрий” до небольших мисочек, они украшены тончайшей резьбой, либо изящным гребенчатым штампом. В богатых курганах встречаются также красноангобированные крупные расписные “гидрии” с высокой шейкой; излюбленный мотив росписи – “схема воды” (спускающиеся углы, заполненные волнистыми линиями), разряженная изображениями свастик, “астральных тел”, змей, птиц и др.

Коренным образом меняются типы металлических изделий. При сохранении некоторых традиционных, куро-аракских форм (отдельные типы топоров, кинжальных клинков), появляются новые типы (асимметричные и изогнутые топоры, секиры, втульчатые копья, плоские “навершия”, котлы, крюки, долота, “рапиры”, булавки, подвески). Как правило, все эти изделия известны по богатым погребениям (рис. 6).

Высочайшего взлета достигает ювелирное искусство, которое в раннебронзовый период находилось на начальной стадии развития. Среди изделий – золотая и серебряная посуда, шкатулки, мелкая пластика и разнообразные предметы украшения (Джапаридзе Н. О. 1988).

Существует “короткая” и “длинная” хронология триалетских курганов “цветущей поры”. Согласно первой (Куфтин, Джапаридзе и др.), богатые курганы датировались серединой II тыс. до н. э., согласно второй – его первой половиной (Гогадзе и др.). Однако ни один из исследователей не ограничил время их создания первыми столетиями II тыс. до н. э. А между тем в свете новых данных (о которых будет упомянуто ниже) сегодня есть основания для отнесения богатых триалетских курганов именно к этому времени и пересмотру их хронологического взаимодействия с комплексами кармирбердской культуры (Арешян и др. 1990; Кушнарева 1995). Первое представляется тем более логичным если учесть, что культура ранних курганов, генетически связанная с классической триалетской, определяется как археологическими сопоставлениями, так и радиоуглеродными датами последними веками III тыс. до н. э.

Кармирбердская культура известна по памятникам южной зоны Закавказья; на западе ее граница достигает р. Ахурьян, на востоке – р. Акстафы, на юге р. Аракс. Наибольшая их концентрация наблюдается в Араратской долине. Кармирбердская культура также представлена преимущественно погребениями (Симонян 1982; 1984; 1987; Кушнарева 1993: 134; 1994: 106). Это подкурганые, перекрытые плитами грунтовые могилы, часто окруженные кромlexами (Кармир-берд, Верин Навер, Арич, Кети и др.). С триалетскими их роднит наличие курганной насыпи, чернолощенной и расписной посуды; хотя эта посуда отличается от триалетской относительно небольшими размерами, отсутствием вытянутых “гидрий” и мотивами орнаментальных фризов. В отличие от богатых триалетских могил, сооруженных с грандиозным размахом и содержащих предметы роскоши, кармирбердские погребения носят скромный характер; одиночные захоронения здесь сопро-

вождаются, как правило, сосудами и единичными металлическими предметами. Самым богатым и редким по составу находок оказалось женское погребение в могильнике Верин Навер – ключевом памятнике кармирбердской культуры. В нем, помимо жертвенных животных, находилось 7 сосудов, а также серебряные и бронзовые украшения (Симонян 1990).

Среди посуды кармирбердской культуры преобладают раздутые горшки с низким или невысоким горлом и глубокие округлые миски. Чернолощенная посуда украшена штампом (“шагающая гребенка”), образующим ленты, зигзаги, волноты; красноангобированная расписана широкими фризами с заключенными в них метопами в виде “бабочек” или “песочных часов”, косой решетки, заштрихованных треугольников; “схема воды” здесь не встречена ни разу. Единичные же находки металлических изделий представлены кинжальными клинками, восходящими к куроаракским, и булавами с завернутой или пирамидальной головкой.

Единственным исследованным бытовым памятником среднебронзового периода является поселение Узерлик-тепе в Мильской степи (Кушнарева 1959; 1965). Обнаруженная в его верхнем слое расписная посуда с иной, чем кармирбердская, орнаментацией (соединенные в гирлянды косо заштрихованные ромбы) концентрируется также в погребениях присеванских районов, что в свое время дало повод для выделения т. н. севано-узерликской группы (Мартirosян 1964: 56; Кушнарева 1993: 51) и даже культуры (Кушнарева 1985). Однако в ряде недавно открытых погребений могильника Верин Навер и в слоях поселений Айгеван, Мецамор, Джраовит (Симонян 198 ; Есаян 1981; Ханзадян и др. 1973) было зафиксировано совмещение расписных сосудов обоих типов. Если учесть сходство сопровождавшей их чернолощенной керамики, то следует сделать единственный вывод – оба комплекса какое-то время сосуществовали.

Поселение Узерлик-тепе демонстрирует быт населения в одном из самых засушливых районов Кавказа, где ведение земледельческого хозяйства было возможно лишь на базе хорошо продуманной оросительной системы. В результате двухсотлетнего существования здесь накопился 2-х метровый слой, насыщенный различными остатками. Прекрасный керамический комплекс состоял из парадной чернолощенной и расписной посуды, грубых лепных сосудов кухонного и тарного назначения; находки косточек винограда, зерен злаковых, зернохранилищ, серпов, зернотерок, ступок, а также костей домашних животных свидетельствуют о земледельско-скотоводческом укладе хозяйства; об обработке камня, ткачестве, металлообработке на поселении говорят многочисленные осколки обсидиана, недосверленные топоры и булава, деталь ткацкого станка, куски металла, льячек, отлитый, но нераскованный клинок. Это было замкнутое натуральное хозяйство, обеспечивавшее основные потребности жителей поселения.

Кармирбердская культура в свое время считалась самой ранней среди среднебронзовых культур региона; она датировалась временем, опережающим триалетские комплексы “цветущей поры” (Мартirosян 1964: 47–78; Симонян 1984; Кушнарева 1993: 151). Однако положение это недавно пересмотрено на основании совмещения в ряде погребений южной зоны (Ширавакан, Карашамб, Гехарт, Кети и др.) типичных расписных кармирбердских сосудов с керамикой позднебронзового века (Арешян 1990; Кушнарева 1995). При этом ни в одном случае последняя не сочеталась с посудой триалетского облика. Это говорит о хронологической близости (а на каком-то этапе и сосуществовании) кармирбердской культуры с позднебронзовой, бытовавшей здесь начиная с XIV в. до н. э. Распространение первой в южной зоне Закавказья, откуда происходит большое число памятников триалет-

ской культуры (Кушнарева 1994: табл. 27–29, 31, 32) отодвигает их хронологическую позицию в первые столетия II тыс. до н. э. Кроме того, приведенная аргументация указывает на смыкание во времени ранних курганов с генетически связанными с ними курганами “цветущей поры”. Эти два комплекса следует воспринимать как этапы развития триалетской культуры.

Таковы некоторые особенности материальных остатков VI–II тыс. до н. э., найденных на территории Закавказья. Картина состояния любого древнего общества – его быт, особенности системы труда, его социальная структура и духовная сфера, может быть восстановлена лишь в первом приближении. В основе процесса культурогенеза таких обществ, нашедших частичное отражение в археологических культурах, лежали те глубинные социально-экономические изменения, которые происходили в конкретной этнической среде в течение определенного отрезка времени. Эти две тесно взаимосвязанные линии развития – материальная культура и социально-экономический комплекс – являются проявлением единого исторического процесса. Но если изучение культурогенеза ограничивается анализом материальных остатков, то изменения в социально-экономической и духовной сферах требуют реконструированного подхода. Основой последнего является все тот же археологический материал, но рассмотренный под иным углом зрения. В определенной мере ключ к его интерпретации лежит в этнографических наблюдениях, заимствованных либо в той же этнической среде, сохранившей глубинные народные традиции (особенно это касается горских народов), либо в среде примитивных сообществ, находившихся до недавнего времени примерно на той же стадии развития, что и сопоставляемые с ними древние социально-экономические структуры. Опыт реконструкции таких структур у древних сообществ Кавказа в свое время осуществлялся и нами (Кушнарева 1990; 1993: 254; 1994: 133).

С момента перехода к производящему хозяйству и на протяжении всего рассматриваемого периода на Кавказе шел постоянный процесс расселения общин, вызванный давлением демографического фактора. Новый образ хозяйствования стимулировал рост населения; с его прогрессом численность населения увеличивалась. Оазисный или гнездовой тип расселения ранних земледельцев связан именно с этим явлением. Небольшие однотипные поселки или селища по мере разрастания членились, образуя по соседству новые родственные выселки. Так формировалось заселение оазисов, где образовывались компактные группы (“гнезда”) поселков.

Поселки были застроены маленькими глинобитными домами – жилищами малой семьи. В среднем в поселке площадью 1–1,5 га проживало 400 человек. Примерные подсчеты количества жителей сделаны для группы поселков в Шулаверском оазисе, занимавшем около 500 га. Исходя из ориентировочного количества домиков на каждом поселении и принимая во внимание численность малой семьи (4–8 чел.), было подсчитано, что число жителей на Шулаверис-гора – 800, на двух остальных поселениях оазиса – Дантреули-гора и Гадарчили-гора – по 200–250 (Джапаридзе, Джавахишвили 1971: 110).

Характерна скученность и хаотичность застройки, бедность и монотонность внутреннего убранства жилищ, отсутствие домов с более комфортным устройством, помещений особого назначения, а также незащищенность поселков и др.; эти же черты свидетельствуют о имущественном равенстве членов общин. Об уровне производства можно судить по экстенсивному характеру неполивного земледелия, придомному скотоводству, занятию охотой, рассредоточенности домашних промыслов, отсутствию мастерских и др.

Членов общин, помимо родства, объединяли коллективная собственность на землю и коллективный труд. Распределение продуктов питания, судя по хранилищам в каждом доме, было посемейным. О бедности и равенстве говорят также погребения. На могильнике Кюль-тепе, в частности, где было открыто 85 погребений, 54 (63,5%) оказались безинвентарными, что по принятой оценочной шкале (Алексин 1986) квалифицируются как бедные.

Этнографические примеры показывают, что организаторами в подобных обществах были старейшины (или советы старейшин), т. е. уважаемые члены общины, имевшие высокий авторитет в коллективе (Маретина, 1984: 43). При отсутствии материальных привилегий они имели лишь особый социальный статус, считаясь первыми среди равных (*primus inter pares*). В древних сообществах прижизненный статус таких старейшин, среди которых могли быть и женщины, материализовался, в частности, положением в их могилы неких символов – булава, жезл, ожерелье, зеркало, пояс (Чатал-Гуюк и др.). В упомянутом могильнике Кюль-тепе только в двух (из 85) погребениях находились навершия булавы и максимальное (до 4) количество сопровождающих атрибутов. Эти погребения, скорее всего, принадлежали старейшинам кюльтепинской общины.

Однако в среде этих объединений развивались предпосылки для формирования ранних комплексных обществ. На Кавказе на протяжении трех тысячелетий наблюдается постепенное повышение уровня развития производительных сил – накапливается агротехнический опыт, идут поиски новых видов производительной деятельности, новых материалов, технологий, совершенствуются типы орудий; первые шаги делает пашенное земледелие, появляются первые изделия из металла. Наиболее ярким предвестником исторического пути, по которому развивалось кавказское общество, явилась первая оборонительная стена на позднеэнеолитическом поселении Гинчи в горном Дагестане (Гаджиев 1987). Вместе с тем эти явления были лишь тенденцией на пути к образованию качественно новых социально-экономических структур, тенденцией, неспособной пока еще вызвать их к жизни. Кавказ и другие страны Передней Азии, где позднее сформировались первые комплексные общества, неизбежно должны были пройти все эти этапы раннеземледельческой стадии развития. Первые комплексные общества на Кавказе формируются скорее всего в эпоху ранней бронзы, знаменуя тем самым наступление новой эпохи. Просуществовав примерно тысячелетие, общество это оставило сотни разнообразных памятников. Характерной чертой всего периода является неуклонный рост численности населения, который ускорял процесс расселения, расширял границы обитания. В этот период идет освоение всех вертикальных зон Кавказа и обживание экологических ниш, пригодных для земледельческо-скотоводческого хозяйства. Приспособляемость к различным природным особенностям при сохранении условий для прогресса основных видов хозяйственной деятельности говорит о наступивших кардинальных преобразованиях в социально-экономической жизни общества.

Основой социальной структуры общества являлась большесемейная община, что в археологическом выражении закрепилось прежде всего в создании многокомнатных домов, где в каждом помещении проживала малая семья. Многокомнатные дома этого времени известны на многих кавказских поселениях (Самшвилде, Амиранис-гора, Сигитма, Верхний Гуниб). В одном из горизонтов поселения Шенгавит, например, открыт комплекс из 12 прямоугольных комнат, в который встроено одно круглое помещение, трактуемое как святилище (Джавахишвили 1973: 172). Общая площадь помещений (155 м²) и внутреннего двора (55 м²) составляла 210 м². Этот многокомнатный дом со святилищем был местом обитания большесемейной

общины. Судя по количеству таких святилищ (13), открытых на 1/15 площади поселения, в том же горизонте размещалось всего около 200 многоквартирных домов. Надо полагать, что занимавшие эти дома семьи были объединены в более крупные общественные структуры. На сельских же поселках, таких как Квацхела, где было всего около 35 домов, проживала одна большесемейная община.

Общины имели общее хозяйство – посевные поля, пастбища, охотничьи угодья, мастерские, хранилища, культовые центры. Труд был коллективным, распределение посемейным (Першиц 1960: 12; Семенов Ю. И. 1978: 68). Это одновременно хозяйственный, семейно-бытовой и идеологический коллектив (Данилова 1968: 59). Вместе с тем, со временем стабильность общины претерпевает изменения – устой равенства и братства постепенно нарушаются.

Многие из перечисленных явлений нашли отражение в поселенческих комплексах, которые демонстрируют значительное повышение уровня благосостояния общества, его иерархизацию, фиксируют процесс накопления прибавочного продукта; в результате высвобождаются рабочие руки из сферы производства продуктов питания и направляются на реализацию новых общественных нужд, таких как сооружение своеобразных суперцентров, оборонительных и ирригационных устройств, общинных хранилищ, культовых центров и пр. Теперь это планируемое объединение коллективных усилий, к которому привел многовековой опыт хозяйствования. Продуманность, рациональность, плановость читаются во всех материальных комплексах, начиная от “прицельного” выбора мест обитания, кончая внутренним убранством жилых помещений. Аргумент можно реконструировать большую роль в этих процессах лидеров и вождей разных рангов с разными, в том числе и военными, функциями, в руках которых сосредотачивались нити управления жизнью коллективов.

Экономические и родственные связи между общинами находят отражение в размещении поселений на местности – обычно на расстоянии 2–8 км друг от друга. Эти расстояния регламентировались, в первую очередь, размерами земельных и пастбищных угодий: в процессе сегментации общин и образования выселков нарезались новые участки земли, пригодные для хозяйствования. Размеры некоторых поселений значительно разрастаются. Формируется иерархия поселений. В “гнездах” располагаются по 6–10 поселений: маленькие селища (1–1,5 га), поселения среднего размера (3–5 га) и своеобразные центры (до 10 га), лидирующие в округе. В Эларе, например, вокруг центрального поселения разместилось несколько небольших родственных поселков; их объединял общий могильник (Ханзадян 1979). В прикаспийском районе северо-западного Азербайджана “гнездо” состояло из 10 поселений – 7 малых, 2 средних, 1 крупного (Ахундов 1987). Представительство в таких “гнездах” поселений всех трех уровней прямо указывает на иерархизацию общества. В крупных центрах проживало до нескольких тысяч человек, тогда как в сельских поселках типа Квацхелы число жителей составляло 200–300 человек. Площадь Арича – одного из крупнейших поселений того времени (12 га) приближается к площади таких центров Малой Азии как Чатал-Гуюк и Норшун-тепе. В первом, по подсчетам Мелларта, размещалось не менее 900–1000 домов. Исходя из среднего состава малой семьи (5–8 чел.), количество жителей Чатал-Гуюка могло достигать 4500–6000 чел., Норшун-тепе – 5000. Эти цифры применимы и для близких по площади поселений Закавказья. Естественно предполагать, что в крупных поселениях – центрах сельской округи, были сосредоточены властные структуры, осуществлявшие управленческие функции жизнедеятельности всей округи.

При основании поселений учитывались такие факторы как близость воды, количество выпадаемых осадков, наличие пахотных и пастбищных угодий, строи-

тельных материалов и, как непереносимое условие, естественная защищенность. В отличие от бессистемной застройки раннеземледельческих селищ теперь идет плановое заполнение пространства. На Амиранис-гора дома выстраивались вдоль искусственных террас, в Джривиоте – вдоль улиц, на Квацхеле – один за другим, а затем дома группировались вокруг небольших площадей. Планировка домов и особенности строительной техники говорят о продуманности конструкций, нацеленных на прочность и долговечность.

Место обитания малой семьи значительно увеличивается: площадь домов теперь достигает 20–30 м². Дома обставлены с расчетом на определенный комфорт – передняя служила одновременно кладовкой, в центре жилища, под световым отверстием, – “рогатый” очаг, несущий символическую нагрузку, вдоль стен – глиняные лежанки, разделочные столы, в углу – печь для обогрева помещения. Стандартный характер обстановки домов говорит о выработанных к этому времени канонах, направленных на рационализацию быта. Такой рациональный образ жизни мог быть обеспечен лишь при наличии специалистов в области планирования, строительства и создания высокой бытовой культуры.

Специализация была также в гончарстве и металлургии, о чем говорят высококачественная декоративная посуда и множество металлических предметов, обслуживавших все сферы жизнедеятельности общества. С особой наглядностью это материализовалось в небольших мастерских со всеми атрибутами бронзолитейного дела (Кушнарева, Чубинишвили 1970: 57–67). На смену рассредоточенным домашним промыслам приходит общинное ремесло – предтеча классического ремесленного производства – при котором мастера, не занятые в общественных работах, обслуживали только свою общину в силу принадлежности к этой общине (Домашние промыслы и ремесла 1970). Таким образом налицо развивающаяся специализация различных производств, ориентированная на выпуск не только жизненно необходимого ассортимента изделий, но и объектов престижного характера.

Жизнеобеспечение разросшейся массы населения требовало концентрации и организации огромных усилий. В условиях жаркого климата и недостаточного количества осадков особую остроту на Кавказе приобретала борьба за воду, необходимую для орошения полей. В горах для полива использовались ручьевые и родниковые воды, которые по искусственным канавкам легко отводились на зерновые и садовые участки. В горных условиях, где начиналась практика террасного земледелия, единовременный коллективный труд крупных объединений не был востребован; здесь небольшие террасные поля сооружались постепенно усилиями мелких общественных структур. Иная ситуация была в долинах и на равнинах, где в “гнездах” с их суперцентрами концентрировалась большая масса людей; для их жизнеобеспечения необходимы были значительные сельскохозяйственные угодья, поддерживаемые регулярным орошением. Важнейшей новацией этой эпохи становятся ирригационные сооружения, создаваемые коллективными усилиями общинников. Так, в Араратской долине на р. Касах вблизи от сравнительно крупного поселения Мохра-блур и его сельских “спутников” были открыты три дамбы из сырцового кирпича, с помощью которых орошалось примерно 45 га земли (Джалалбекян 1974; Арешян, Симонян, Саркисян 1977); дамбы располагались вниз по течению реки на расстоянии примерно 1 км друг от друга. Однако для обеспечения зерном жителей Мохра-блур такая посевная площадь была явно недостаточна. Подсчитано, что для прокорма маленького селища Квацхела, где проживало около 300 человек, засеивалось примерно 64 га: исходя из площади Мохра-блур и норм потребления зерна на человека (в среднем 16 кг в месяц), здесь могло проживать 1200–1500 чел.,

которых можно было прокормить, засевая 250–320 га. Следовательно, на р. Касах в районе полей жителей Мохра-блур дамб было в несколько раз больше. Естественно предполагать, что дамбы возводились вдоль всех рек таких густонаселенных областей, как Араратская долина. Таким образом организация усилий больших коллективов, направленная на сооружение и поддержание дамб и ирригационных каналов, становится теперь одним из звеньев трудового земледельческого цикла.

Благосостояние и единство общин нашло также отражение в создании хозяйственных построек общественного характера. Так, в центре поселения Яник-тепе на верхней части холма находилось прекрасное круглое здание с двойным обводом высоких стен, которое, по общему заключению, являлось зернохранилищем (на таком большом поселении, скорее всего, не единственным) яникской общины; выделенные внутри здания сектора могли служить либо хранилищами различных сортов зерна, либо зерна специального назначения (на посев, запас на случай неурожая, опасности и пр.). Общественными зернохранилищами следует считать также скопления огромных ям, вмещающих свыше 300 кг зерна на поселениях Элар, Гудабердка и Бабадервиш; такие зернохранилища были практически на каждом поселении. Вместе с тем одиночные ямы и врытая в землю глиняная тара в домашних кладовых указывают на посемейное распределение продуктов питания из общественного фонда.

В рассматриваемый период фактически вокруг всех более или менее крупных поселений строились оборонительные сооружения. Сам факт их появления, пожалуй, ярче, чем какие-либо другие новации, свидетельствует о значительных социально-экономических изменениях этого времени. Прогресс в области агротехники, формирование эффективных типов скотоводства (в том числе и отгонного), развитие металлургии и пр. приводят к накоплению прибавочного продукта, возникновению имущественного неравенства. А это, в свою очередь, ведет к борьбе за скот и рудные богатства, за передел пастбищ и земельных угодий. Появляется жизненная необходимость защиты общинных владений и накопленного имущества; междоусобные войны постепенно становятся неотъемлемой частью жизни общества. Эти тенденции начали проявляться уже в финале энеолита (первая половина IV тыс. до н. э.) и шли по нарастающей в течение всей эпохи ранней бронзы. Особенно ярко они проявляются в создании множества укрепленных поселений, когда избыточная масса людей из долин перемещается в горы; пик этих передвижений падает на середину – третью четверть III тыс. до н. э.

Как было упомянуто, самым ранним на Южном Кавказе памятником с оборонительными укреплениями является поселение Гинчи в горном Дагестане; это стационарное поселение просуществовало длительное время и функционировало в период энеолита и ранней бронзы. Оно занимало участок между двумя скальными откосами, с незащищенной стороны подход был перекрыт каменной стеной шириной до 2-х м. Поселение Гинчи явилось первым предвестником возникновения на Кавказе развитой фортификационной архитектуры. Заложенные в нем планировочные и строительные принципы просуществовали не одно тысячелетие.

Появление первых укреплений на определенном этапе развития ранних земледельческих поселений вполне закономерно и обусловлено всем ходом исторического развития. Помимо Гинчи это явление демонстрируют северо-кавказские поселения Мешоко и Ясенова поляна, а также некоторые поселения Передней и Средней Азии (Иерихон, Мерсин, Алтын-депе и др.). В свое время Мелларт высказал предположение, что большинство ранних теллей, считавшихся неукрепленными, в действительности имели сырцовые оборонительные стены, которые со временем подверглись разрушению. Этот тезис подтвердили раскопки в дельте р. Тед-

жен, где было установлено, что поселения оазиса в IV тыс. до н. э. были окружены сырцовыми стенами.

Работы по сооружению объектов оборонного значения требовали оттока наибольшего количества рабочих рук из сферы производства продуктов питания, нежели какие-либо другие трудозатраты. Огромные глыбы камня необходимо было вырубить, транспортировать иногда на дальние расстояния (что в горных условиях представляло большие трудности), обтесать и подогнать их друг к другу при укладке на месте. Таким образом фортификационные сооружения характеризует, в первую очередь, уровень экономического состояния общества и его организационные возможности. Необходимость же их создания была вызвана к жизни социальными преобразованиями и конкретной политической ситуацией.

Первым условием при выборе мест поселений теперь становится фактор естественной защиты. Предпочтение отдается высоким труднодоступным местам – гребням и склонам гор, скальным платформам, мысам, окруженным ущельями. Удачно выбранные естественные укрытия дополнительно укрепляются искусственными сооружениями. Там, где поселения располагаются на естественных холмах или высоких террасах, они целиком обводятся мощными стенами. Фактически все более или менее крупные поселения, где скапливались люди, скот и богатства, защищаются с особой тщательностью, тогда как их сельские сателлиты не имеют укреплений; надо полагать, что в момент опасности их жители укрывались за стенами своих “центров”. Примером может служить крупное укрепленное поселение Гудабердка и Шида Картли и его небольшие сельские спутники Квацхела и Хизанаант-гора. Другой “супер-центр” Элар (предгорье Араратской долины) занимал вершину 50-ти метрового холма; здесь была мощная цитадель с контрфорсами и подземным ходом. В округе же раскинулось множество мелких поселений (Ханзадян 1979: 153).

Укрепленные поселения строились, практически, по всему региону, однако степень их концентрации определялась близостью или отдаленностью плодородных земель и горных пастбищ; позднее, когда объектом эксплуатации становятся рудники, наблюдается приток населения в районы, приближенные к месторождениям. В Северо-Восточной Армении, например, где земельные участки были ограничены лесом, укрепленных поселений было сравнительно мало. В Северо-Западной же Армении, являвшейся издревле житницей страны, располагающей к тому же прекрасными высокогорными пастбищами, в середине III тыс. до н. э. строится множество сравнительно небольших крепостных поселений (Карнут, Ором, Кети и др.; Петросян 1984). Несмотря на их архитектурно-строительную близость, каждый комплекс имел специфические черты, “откликавшиеся” на характерные особенности местности: здесь, помимо стен, были цитадели, башни, контрфорсы и др. Важным центром этих крепостей являлось поселение Арич (12 га). Оно располагалось на высокой скальной платформе на трех ступенчатых террасах, окруженных отвесными ущельями, и было по всему периметру укреплено двойными монументальными стенами. Раскопки и шурфовка показали, что все три террасы были обжиты в III тыс. до н. э.; тогда же были сооружены и оборонительные стены (Хачатрян 1975:).

Наконец, бесспорное своеобразие имели поселения Шенгавит и Яник-тепе. Первое располагалось на высоком берегу р. Раздан около Еревана и было ограждено мощной каменной стеной толщиной 4 м, имеющей башни и подземный выход к реке. В той же Араратской долине оборонительные укрепления имели поселения Мохра-блур, Шреш-блур и др. Поселение же Яник-тепе находилось на северо-западном берегу озера Урмия; оно возникло на позднем этапе, в результате

оттока больших масс населения из Закавказья на юг, в правобережье р. Аракс. Здесь во время раскопок был “пойман” момент обострения военной опасности. Толщина его оборонительной стены доходила до 5 м и превышала по мощности все известные на древнем Кавказе оборонительные стены. Она была в древности разрушена в результате сильного пожара и вскоре дополнительно укреплена каменной кладкой с внешней стороны и кирпичной – с внутренней. Стене имелся узкий проход со ступенчатым сводом, наскоро заложенный, очевидно, в связи с возникшей острой ситуацией. Позднее с внутренней стороны прохода было построено полукруглое сторожевое помещение для его постоянной охраны.

Наконец, особое место на поселениях занимали общественные святилища – средоточие духовной жизни коллективов. Их характер определялся такими факторами как размер поселения, а следовательно, количество проживавших на нем людей, благосостоянием последних, а также ролью конкретного поселения в иерархической структуре округа. На крупных лидирующих центрах сооружались монументальные культовые комплексы, тогда как в селах устраивались небольшие молельни. Так, грандиозный 4-х метровый алтарь-монолит, воздвигнутый на мощной каменной платформе, возвышался на центральной площади крупного поселения Мохра-блур (Арешян, Кафадарян 1975); здесь под покровительством служителей культа, которые, очевидно, уже выделялись в жреческое сословие, происходили массовые моления. По своим масштабам и характеру это зиккуратовидное сооружение может быть сопоставлено с алтарем анатолийского Бейчи-султана, представлявшего собой три вертикально поставленные каменные стелы (Lloyd, Melaart 1966: pl. X). Сооружения подобного рода требовали больших трудовых затрат крупных коллективов, зато потом они становились духовным средоточием последних. На скромном же селище Квацхела здание святилища ничем не отличалось от обычных домов, на его особые функции указывали лишь атрибуты внутреннего убранства. По-видимому и в сельских святилищах отправление культа также совершали люди, наделенные жреческими функциями. Скорее всего такой жрицей была женщина, похороненная в особом убранстве в одной из могил кладбища Квацхелы (Глонти 1982): на ее голове была медная диадема с изображением священных животных (олени, аист) и астральных символов. Одежду погребенной дополняли браслеты, кольца, височные подвески и пр. Это погребение резко выделялось на фоне скромных могил Квацхелы.

Наряду с общинными святилищами в центре каждого дома находились культовые очаги – средоточие духовной жизни малых семей. Эти “рогатые” очаги были декорированы антропоморфными фаллическими фигурами, рогами быков, головами баранов, фаллосами, иными словами, символами, олицетворяющими идею плодородия в широком ее понимании.

Таким образом поселения куро-аракской культуры свидетельствуют о значительном культурном и социально-экономическом прогрессе общества того времени. Большие перемены в социальной сфере прослеживаются и по могильникам (Кушнарева 1993: 270), однако информация, указывающая на эти перемены, не столь обильна. Здесь сказывается сравнительно малое число исследованных погребений, отсутствие половозрастных определений и низкий уровень публикаций некоторых комплексов, в силу чего к этому виду источника не применимы методы, используемые для реконструкции структур древних обществ.

Теперь могильники выносятся за пределы поселений. Для некоторых характерно сосуществование различных обрядовых групп: на могильниках Амиранисгора и Элара хоронили, например, в подковообразных склепах, грунтовых могилах

и в каменных ящиках; в Самшвилде – в прямоугольных и круглых грунтовых могилах и т. д. Пестрота типов погребальных сооружений не нашла еще обоснованного объяснения, однако представляется бесспорным, что они фиксируют наличие тех или иных общественных группировок.

Бедность и монотонность погребального инвентаря, характерные для могил раннеземледельческого периода, нарушаются. На накопление прибавочного продукта и улучшения, в связи с этим, благосостояния общества указывают сложные погребальные конструкции, требовавшие значительно больших трудовых усилий, нежели это было необходимо при сооружении простых могил ранних земледельцев. Безинвентарные могилы, составляли на кюльтепинском могильнике 63%, теперь встречаются крайне редко. Четкая стратификация общества на могильниках пока не выявлена. Процесс выделения специалистов в разных сферах производственной деятельности на известных погребениях пока отражается слабо, тогда как, судя по материалам поселений, такие специалисты (гончары, бронзолитейщики, строители) уже были. Погребения как будто фиксируют наличие жреческой касты и начинающего формироваться военного сословия; существование последнего можно прогнозировать с учетом фактора обороны, присутствующего на всех более или менее крупных поселениях III тыс. до н. э.

К категории “жреческих погребений”, помимо женской могилы в Квацхеле, следует отнести еще два захоронения, отмеченные культовой символикой – в Самшвилде и в Амиранис-гора. В первом из них, выстроенном более тщательно, нежели остальные погребения могильника, находились сосуды с обсидиановыми “окошечками” (предполагается связь с культом солнца) и изображениями журавля и астральных знаков; здесь присутствовала и двуволютная булава (Мирцхулава 1975: 76). Сосуд с “пиктограммой” (алтарь, журавль, змея) вместе с остатками жертвенного мяса, бронзовым кинжалом и пряслищем обнаружены в просторном каменном склепе могильника Амиранис-гора (Чубинишвили 1971: 69). Похороненный в этом склепе мужчина, при котором было также оружие, мог одновременно осуществлять функции культового и военного лидера, что позднее демонстрируют богатые погребения триалетской культуры. Любопытно, что совмещение военной и жреческой функции главами или старейшинами общин как пережиточное явление еще сравнительно недавно наблюдалось в среде восточно-грузинских горцев (Меликишвили 1984: 47). Наряду с описанными погребениями известны также мужские могилы, в которые, помимо обычных сосудов с пищей (при отсутствии культовых предметов), было положено то или иное оружие (кинжал, копье, булава). Это первые предвестники начавшегося процесса формирования военной касты, закрепленного в эпоху поздней бронзы классическими “могилами воинов”. Нестандартный характер мужских захоронений вместе с находками на поселениях мужских статуэток и фаллических очагов указывают на повышенные роли мужчины в жизни общества того времени. Эти новации, нарастающие в период наивысшего расцвета куро-аракской культуры связаны с интенсификацией скотоводства, развитием металлургии и обострением военной ситуации, т. е. тех сфер производства, в которых была занята мужская часть населения.

Наконец, могильники этого времени предоставляют еще одну информацию – начинается процесс укрепления малых семей. На фоне одиночных могил теперь встречаются парные и коллективные (от 4–5 до 10–11 чел.) захоронения; в последнем случае шло постепенное подхоранивание к родственникам, при этом каждому покойнику придавалось по несколько предметов. Эти погребения вместе с культо-

выми очагами в центре каждого дома как бы закрепляли духовное единство индивидуальных семей (Миндиашвили 1980).

Таким образом, рассмотренные материалы фиксируют появление на Кавказе в III тыс. до н. э. таких структурных изменений как иерархизация поселений с лидирующей ролью крупных центров, стратификация общества и возвышение разного рода руководителей, появление специализации в различных производствах, концентрация мощных коллективных усилий, направленных на строительство трудоемких сооружений (дамбы, монументальные святилища, каменные склепы и “ящики”), в том числе комплексов оборонного значения и пр. Шли первые этапы сложения раннего комплексного общества.

Изучение структуры кавказского общества последних веков III – середины II тыс. до н. э. ограничено характером источников. Это был период значительных преобразований в области экономики, время этнических передвижений и заметного усиления контактов Кавказа с Югом и Севером. В связи с переориентацией на скотоводческий уклад хозяйства население забрасывает часть своих поселений в долинах и обосновывается в предгорьях и горах. Для этого периода характерна малая демографическая насыщенность заселенных мест обитания; поселения скотоводов этого периода в горах, по-видимому, были, подобно поселения майкопцев, небольшими и редко расположенными. Напомним, что на территории Армении на площади в 45000 м² на 4 могильника приходилось всего одно поселение. К тому же закавказские поселения среднебронзового периода мало изучались. Таким образом, для реконструкции жизни общества того времени подавляющую часть информации предоставляют могильники. Несмотря на различия в обрядовых группах погребальных памятников, все они характеризуются присутствием курганных насыпей, что коренным образом меняет облик самих погребений. В последнее время обосновывается точка зрения относительно заимствования курганного обряда у степного населения.

Изменения в экономике и социальной структуре кавказского общества конца III – первой половины II тыс. до н. э. особенно ярко проявились в элитарных погребениях так называемых царских или княжеских курганов (Чайлд 1949: 167; Массон 1973; Piggot 1979 и др.) и их сопоставлении с могилами рядовых членов общества. Погребения различных страт показывают как далеко, по сравнению с предшествующим периодом, зашла дифференциация общества и какие материальные ценности и социальные привилегии приобрела его верхняя элитарная часть. Эти процессы уже ярко документируют так называемые ранние курганы. Напомним, что в древних сообществах со строгой социальной стратификацией погребальный обряд прежде всего фиксирует социальный ранг умершего, а затем уже степень его благосостояния. При всей сложности погребальных сооружений старшей группы ранних курганов, могилы похороненных здесь лиц отличаются бедностью инвентаря (Самгори и др.); по-видимому, судя по трудовым затратам на сооружение погребальных конструкций, последние занимали уже высокое положение в обществе, в котором имущественная дифференциация была развита еще не столь сильно. Однако эта ситуация быстро меняется в связи с переменами, укрепившими статус власти представителей высшей страты. Для более молодой группы погребений ранних курганов, помимо грандиозных насыпей и обширных камер со сложными конструкциями, характерны человеческие жертвоприношения и богатый набор инвентаря, среди которого уже присутствуют деревянные ложа, колесницы, предметы роскоши (Бедени, Цнори). Своим обликом они тяготеют к Майкопскому кургану, Новосвободненским гробницам и другим северокавказским элитарным погребениям конца IV–III тыс. до н. э. Появление погребений такого ранга становится возможным лишь на фоне об-

щего роста благосостояния кавказского общества, основанного в конкретных условиях прежде всего на успешном развитии скотоводства, а также на прогрессе металлургии. Прибавочный продукт, получаемый скотоводческими коллективами, способствовал сосредоточению крупных богатств в руках вождей племен, племенных объединений, их родственников и приближенных.

Рис. 4. Серебряный кубок из кургана в Карашембе.

Для характеристики масштаба трудовых усилий на сооружение ранних монументальных курганов интересны следующие цифры (Кушнарева 1993: 374): на возведение насыпи самого маленького кургана в урочище Уч-тепе (высота 15 м) потребовалось затратить около 21000 человеко-дней, для насыпи же большого кургана (высота 21 м) – 48000. На сооружение самых крупных курганов в Беденской и Цнорской группах ушло соответственно 6500 и 22700 человеко-дней. При подсчетах учитывались нормы земляных работ, практиковавшиеся в Шумере при III династии Ура (Вайман 1964: 38), однако не поддаются учету затраты труда на сооружение каменных насыпей и огромных деревянных настилов.

По-видимому, в просторных камерах, перекрытых огромными насыпями, были захоронены вожди племен или племенных союзов, погребальные же сооружения строили рядовые члены этих объединений. В этом плане интересно наблюдение, сделанное во время раскопок самого большого кургана в Цнори, где предположительно был похоронен вождь крупного племенного союза; при просмотре камня, из которого был выложен панцирь насыпи и святилище для прощания с покойным рядом с могилой, было обращено внимание на то, что камень свозился из разных мест в радиусе 40 км. В связи с этим высказано предположение, что население

каждого входившего в этот союз племени несло свою дань вождю с тех мест, где оно обитало (Дедабришвили 1979). Такая трактовка возможно приложима и к другим памятникам аналогичного ранга.

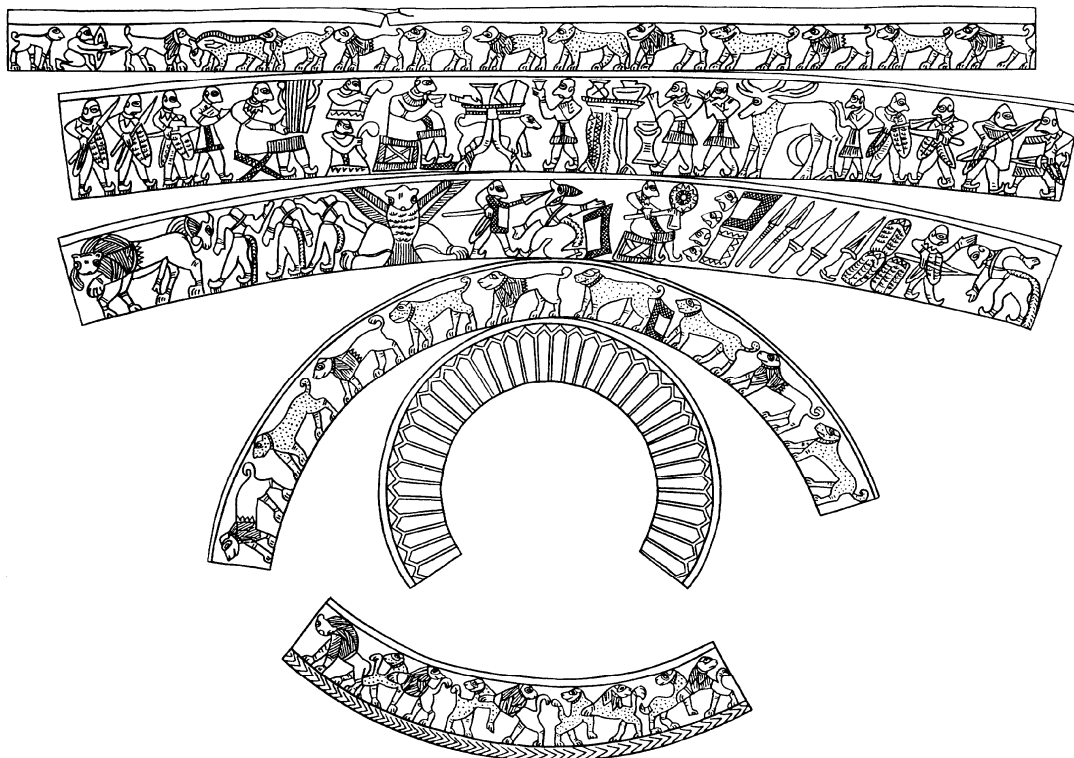

Рис. 5. Сцены на серебряном кубке из Карашамбского кургана.

Масштабы кавказских погребений вождей, которые нарастают вплоть до середины II тыс. до н. э., в качестве социологического аналога заставляют вспомнить хеттские и скифские царские захоронения. Вот как описал М. П. Грязнов похороны одного из скифских царей в Аржане: “Можно представить себе как тысячи людей собрались, чтобы отдать последнюю честь своему царю, как они на коленях волокли вековые лиственницы, чтобы построить огромное намогильное сооружение, как везли, тащили и несли большие и малые камни, как женщины и дети собирали в свои шапки, мешки и подола речную гальку и сыпали ее на могилу, чтобы сделать курган как можно больше и выше, и как затем на сотнях костров варили мясо 300 убитых лошадей и пировали у могилы царя (Грязнов 1980: 50).

Как известно, количество труда, затраченного соплеменниками на сооружение места погребения своего патрона, достаточно объективно характеризует степень зависимости первых от последнего и наилучшим образом подчеркивает значимость его социального статуса в обществе. Другим критерием следует считать “царские” колесницы и редкие изысканные вещи, среди которых есть полученные из других стран путем обмена; этот критерий одновременно подчеркивает роскошь

и богатство представителей высшего сословия, как результат процесса становления частной собственности. Обряд же насильственного умерщвления людей во время похорон (Бедени, Цнори) свидетельствует скорее всего о существовании в этот период патриархального рабства.

Таким образом, можно говорить о новых кардинальных переменах в структуре кавказского общества уже в последних веках III тыс. до н. э. – в период так называемых ранних курганов. Скорость, с которой наступили эти перемены, должна быть объяснена успешным взлетом скотоводческого хозяйства и, как результат, обогащением верхних слоев общества с возможностью их выхода на международные связи.

В первой половине II тыс. до н. э. эти явления нарастают и материализуются в уникальных погребениях Триалети, Зуртакети, Месхети, Кировакана, Карашамба. Постройки некоторых из них приобретают еще больший размах. На высокогорных плато Триалети и Зуртакети раскинулись десятки огромных курганов с грандиозными наземными каменными залами и примыкающими к ним дромосами, по которым двигались траурные процессии (Куфтин 1941; Джапаридзе О. М. 1969). Насыпь самого крупного Зуртакетского кургана имела объем 21000 м³; если бы насыпь была земляной, то для ее сооружения потребовалось бы 12000 человеко-дней; постройка же такой “пирамиды” из камня – работа несравненно более трудоемкая. Под насыпью оказался огромный наземный зал площадью 152 м², при высоте каменных стен 6 м. К нему вел дромос, площадь которого почти вдвое превышала площадь зала – 276 м². Площадь же погребального зала знаменитого Топкара составляла 175 м².

Теперь в “царских” курганах хоронят не тело вождя, а его прах. Есть предположение, что обряд кремации был заимствован представителями высшей власти из ритуала хеттских царей, засвидетельствованного текстами Боказгейского архива (Куфтин 1941; Otten 1958; Gürney 1966). Теперь на традиционном погребальном ложе рассыпают прах покойного. Сохраняется также обычай помещения в гробницу повозок. В жертву приносились быки: дно некоторых могил было буквально устлано их шкурами, снятыми вместе с головой и конечностями. Мясо варилось в огромных медных котлах и съедалось во время тризны. Могилы, как и гробницы хеттских царей (Бериашвили 1982) обставлялись десятками парадных сосудов, золотой и серебряной утварью, ритуальными предметами и уникальными изделиями прикладного искусства.

Яркую картину стратификации общества дают курганы Месхети. Здесь, на высокогорном Джавахетском плато, процветал мощный очаг триалетской культуры. Курганы по типу сооружений и инвентарю делятся на три группы. В каждой группе один большой курган был окружен двумя-тремя средними и пятью-восемью малыми. Большие отличия наблюдаются и в посуде: в крупных курганах была типично триалетская парадная посуда, в остальных – скромная местная. Высказано предположение, что крупные курганы были усыпальницами вождей племен, происхождение которых связывается с верхней стратой триалетского общества, в средних хоронили глав большесемейных общин, в маленьких – их членов (Джапаридзе О. М., Авалишвили, Церетели 1985; Авалишвили 1985).

При попытке обрисовать степень военизированности общества и расшифровать, в связи с этим, функции вождей самого высокого ранга обращалось внимание на сравнительно малое количество оружия в их могилах, которое к тому же изготовлено в парадном варианте. Желанию объяснить это явление относительной стабильностью политической и военной ситуации (Киквидзе 1980: 60) противостоят многие факты: во-первых, эпизоды какой-то конкретной войны изображены на

серебряном кубке из богатого кургана в Карашамбе, причем изображенные там воины оснащены тем же оружием, какое встречено в могилах (рис. 4; 5); во-вторых – в нескольких менее богатых мужских могилах (Нули, Квасатали, Лило, Самтавро и др.) имеется разнообразное оружие (копья, кинжалы, рапиры); в третьих, наряду с небольшими поселениями подвижных скотоводов существовали крупные укрепленные поселения, где скапливались богатства (Узерлик-тепе, Кюль-тепе II, Гаракепек-тепеси); на Кюль-тепе II, например (10 га) была двойная оборонительная стена с башнями и контрфорсами, а также цитадель (Алиев 19); и, наконец, на многих поселениях имеются следы пожаров, возникавших, скорее всего, во время сражений. Накопления богатств провоцировали постоянные войны; последние становились нормой жизни. При такой ситуации парадное оружие в богатых могилах можно трактовать как символ военной власти похороненных вождей, а оружие в могилах Нули, Квасатали, Лило и др. – как признак существования военной прослойки (дружин вождей), принадлежность к которой закреплялась погребальным обрядом.

Широкая проблема границ прижизненной власти вождей в древних обществах является предметом обсуждения как археологами, так и этнографами. Сравнительно недавно вопрос этот всплыл в связи с интерпретацией богатых погребений майкопской культуры. Здесь были выделены шесть функциональных групп изделий (деревообрабатывающие инструменты, металлообрабатывающие орудия, оружие, дорогая утварь, украшения, престижные вещи, культовые предметы), которые указывают на обширность и поливариантность прижизненной власти погребенных (Бочкарев 1983а; 1983б). Богатые погребения майкопской эпохи были также оценены с помощью более дробного категориального подхода: из инвентаря были выделены два вида изделий (которые, в свою очередь, членились на группы) – функционально-престижные и функционально-утилитарные. Результатом такой классификации было вычленение погребений трех рангов. При пересчете же известных богатых майкопских погребений на эти ранги было установлено, что среди них 5 должны быть причислены к первому рангу, 2 – ко второму и 6 – к третьему (Резепкин 1989: 20).

Учитывая, что богатые погребения триалетской культуры известны в большом количестве, причем среди них бесспорно наблюдается иерархия, категориальный подход к этим памятникам может оказаться весьма перспективным – все названные категории изделий в них присутствуют. Однако при этом следует иметь в виду далеко неполную публикацию некоторых закрытых комплексов (например, Кировакан, Карашамб), что несомненно явится препятствием на пути к осуществлению такого подхода.

Для реконструкции кавказского общества II тыс. до н. э. в какой-то мере в качестве аналогов могут быть использованы данные об общественном строе хурритов, обитавших на значительной части Армянского нагорья. В их среде бытовали пережиточные явления, которые в глубине нагорья и в Закавказье, куда они проникали (Дьяконов 1996), должны были составлять основу социальной жизни. Здесь еще не сложились государственные образования, а существовали племенные союзы, вожди которых хоронились с царскими почестями. “Общество Армянского нагорья этого периода стояло, по-видимому, на уровне, близком к состоянию общества Малой Азии того времени, когда началось проникновение туда ассирийских купцов-колонистов и подготовлялся процесс образования первых городов-государств” (Дьяконов 1968: 45).

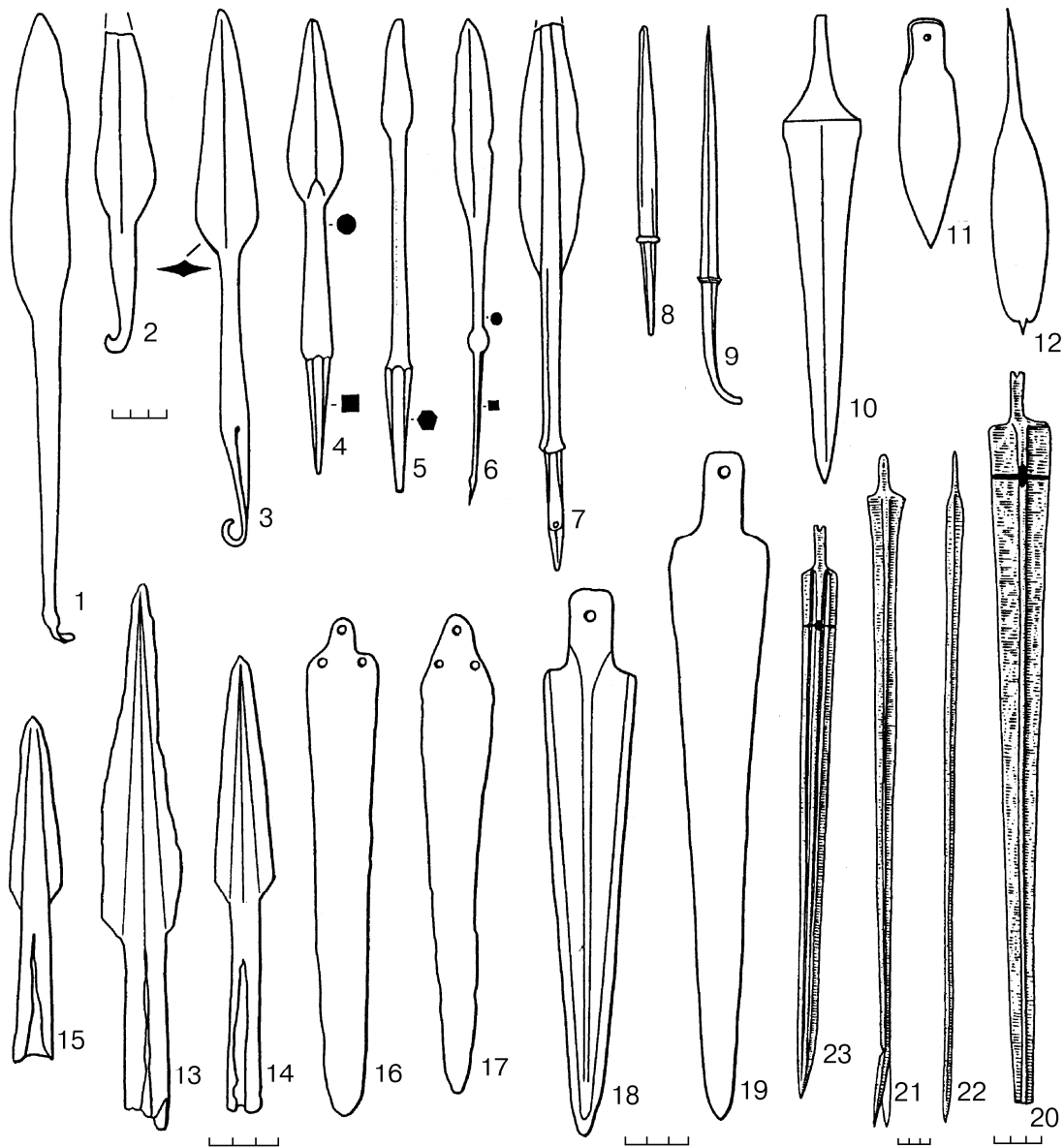

Рис. 6. Оружие (1–23) и топоры (24–39) из различных комплексов
Южного Кавказа III–II тыс. до н. э.

- 1 – район Тбилиси; 2, 24 – ЗАГЭС; 3 – “Тифлис”; 4 – Ахалцих; 5 – Осприси; 6 – Севан;
7–9, 12, 26, 27 – Царцис-гора; 11 – Степанакерт; 13–17 – Нули; 18 – Шулавери;
19 – Метехи; 20 – Воротнаберт; 21 – Качаган; 22 – Дзора ГЭС; 23 – Ангехакот;
25 – Кировакан; 28, 34 – Лениканан; 29 – Меджрисхеви; 30 – Кульбакеби; 31 – Караз;
32, 38 – Маскат-ком; 33, 39 – Джоджколон; 35 – Карская обл.; 36 – Навур; 37 – Чиатури

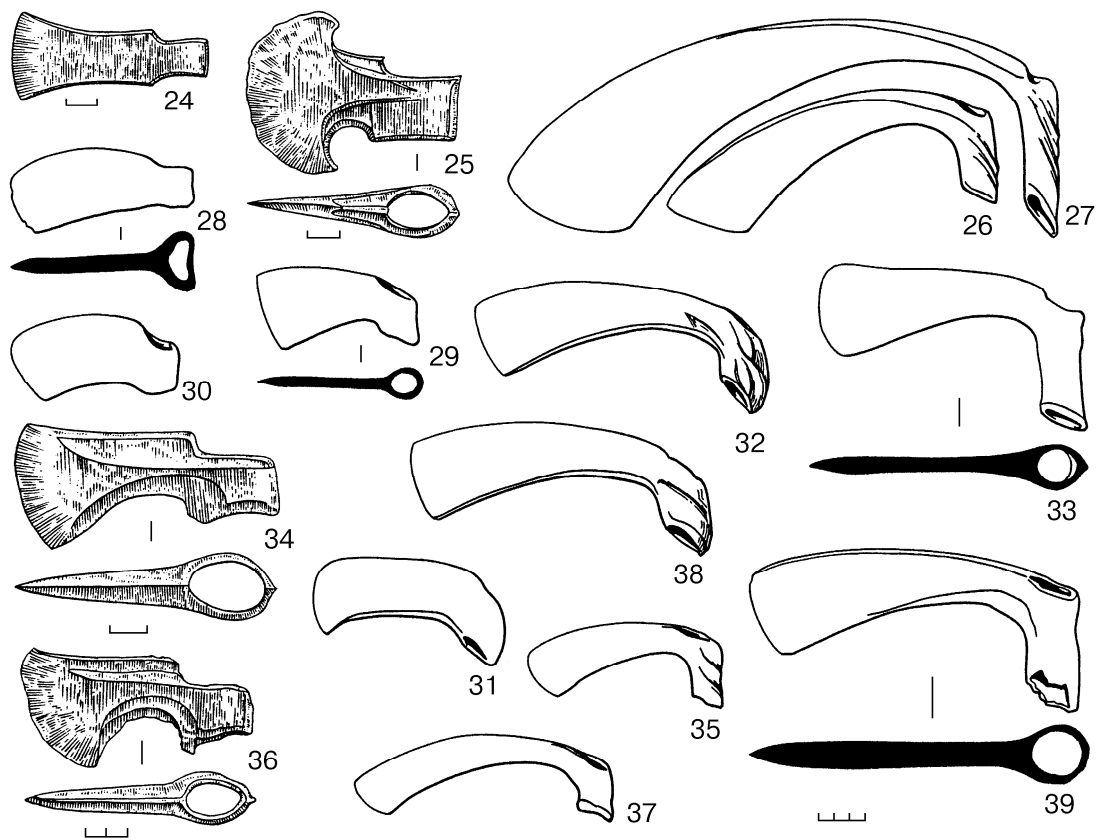

Рис. 6 (продолжение).

Предпринята также попытка очертить границы власти похороненных в богатых могилах вождей, используя наблюдения в среде восточно-грузинских горцев, сохранивших реликтовый пласт устоев первобытнообщинного строя на разные его этапах (Киквидзе 1980: 57). Исходя из того, что древние святилища горцев (хати, джвари) служили объединяющими центрами различных, в том числе и племенных, социальных группировок (Бардавелидзе 1949: 92) и управляли как духовной, так и светской жизнью, предполагается, что древние вожди могли обладать примерно такими же функциями. Во всяком случае их погребальный инвентарь допускает такого рода трактовку.

Зафиксированная кавказскими погребениями “табель о рангах” имеет также параллели в структурах некоторых сообществ, находившихся до недавнего времени на разных стадиях первобытнообщинного строя (Массон 1973; 1976: 159; Кушнарева 1973). В Меланезии, например, существовали крупные вожди-ростовщики, военные вожди с личными слугами, мелкие главари родовых групп (народы Африки и Океании 1956: 450). На островах Полинезии – жрецы и главы больших семей; большинство же населения состояло из сельских общинников; существовали также “люди войны”, т. е. рабы (Кунов 1929: 363). о главе суданского племени нуэро стоял “владыка земли”, распределявший землю между родами; затем следовал “владыка скота”, распределявший скот между семьями, наблюдавший за продвижением

скота на кочевья и водопой, организовывавший инициации и связанные со скотом обряды; далее – военный предводитель. Все эти лица со своими семьями и родичами пользовались влиянием и привилегиями (Народы Африки 1954: 245). Таких примеров можно привести много. Из них, пожалуй, наиболее интересна иерархия в Чжоуском Китае (IX–III вв. до н. э.), так как она зафиксирована письменными источниками и подкреплена, в свою очередь, археологическими материалами. Китайское общество было разделено не только на “благородных”, “напрягающих свой ум”, и на “низких”, “напрягающих свою силу”, но членилось на десять более мелких социальных сословий и рангов, стоявших в многоступенчатой зависимости друг от друга. Сословия различались не только правами и обязанностями по отношению к нижестоящим и вышестоящим, их отличали также определенные реалии в материальной и духовной жизни. Согласно трактату “Гунь-дзы”, “Одежда распределяется в зависимости от ранга, богатства используются соразмерясь с жалованьем, питье и еда имеют меру, одежда – установления, жилища – правила. При жизни люди соблюдают различия в шапках, одежде, жалованье, полях и усадьбах, а после смерти есть установление относительно их внутреннего и внешнего гроба, савана, головной накидки, могильной ямы, надмогильного холма” (Крюков 1969: 21).

Так письменные и этнографические данные из истории других народов в какой-то мере способствуют пониманию отдельных звеньев сложной и почти не восстановленной по археологическим данным социальной структуры общества древнего Кавказа.

Каковой же была производственно-экономическая база, стимулировавшая столь кардинальные перемены в социальной структуре кавказского общества (подробно об этом: Кушнарева 1993: 39; 1994: 133). Скотоводство, на которое в основном опиралось благополучие последнего, в условиях горного ландшафта и потепления климата давало значительно больший экономический эффект, нежели многоотраслевое хозяйство носителей куро-аракской культуры. Установлено, что 65% памятников кармирбердской культуры находятся в предгорьях и горах, где скотоводство давало большой экономический эффект. В этот период формируются различные типы скотоводческого хозяйства, существующие в некоторых районах и поныне. В связи с этим осваиваются высокогорные пастбища, в горах строятся сложные ирригационные системы, основанные на заграждении талых вод с последующим их распределением преимущественно на покосные участки, которые “кормили” скот в зимний период. Начиная с последних веков III тыс. до н. э. и на протяжении всей эпохи бронзы пролагаются магистральные и обходные скотопроводные пути: из Араратской долины на пастбища Арагаца и Северо-Восточной Армении, из Алазанской – по ущельям рек Илто и Арагви в высокогорья Шида-Картли, из Шираки-Эльдари – в Триалети, из Мильской степи – в Карабахские горы, из ущелья р. Инцова через перевал Кодори – в горный Дагестан и Чечню и т. д. Перевалы Большого Кавказа в связи с таянием ледников в этот период открываются, что предоставляет возможность постоянных контактов населения, жившего по обе его стороны.

Значительного подъема достигает металлургия. Ее масштабы, прогнозировавшиеся ранее исключительно по продукции металлообработки, теперь вырисовываются значительно ярче в свете последних открытий в Абхазии (Башкапсара), Раче (Зопхито, Квардзахети, Геби), Сванети (Заргаш) богатейших медных, сурьмяных, мышьяковых и полиметаллических месторождений, разрабатываемых уже во II тыс. до н. э. (Гобеджишвили Г. Ф. 1952; Бжания 1988; Муджири и др. 1987; Гобеджишвили Г. Г. и др. 1988).

О размахе добычи меди, сурьмы, мышьяка в рудниках Рачи можно судить по массе отвалов отходов обогащения и металлургии, которая составляла около 100000 тонн. В перечисленных месторождениях открыты древние рудники с вертикальными шахтами, горизонтальными многоярусными штольнями, подземными камерами и т. д. Здесь же найдены молоты для дробления руды, деревянные столбы и перекрытия штолен, терки, вышедшие из употребления орудия, деревянные корыта, куски пустой породы и пр. Сами масштабы производства говорят о том, что добыча металлической руды, требовавшая занятости множества специалистов, была полностью отделена от литейного дела и металлообработки. Т. е. металлургия как ведущая отрасль производства к этому времени была разделена на добывающую и обрабатывающую ветви.

Высокий уровень металлургии, ювелирного искусства, гончарного, ткацкого, строительного и деревообрабатывающего дела, оснащенных новыми для того времени технологиями, свидетельствует о выделении ремесла в самостоятельную отрасль производства, обособленную от земледелия и скотоводства. Появляется прослойка профессионалов – ремесленников, выпускающих теперь продукцию на заказ элитарной части общества, на обмен и, возможно, уже и рынок. Массовая продукция ремесленников, выбрасывающая продукцию только на рынок, станет характерной чертой следующей эпохи; тогда же наличие ремесленного сословия будет закрепляться так называемыми погребениями ремесленников, в которых мастера-профессионалы сопровождалась в загробный мир с их рабочими инструментами (Кушнарева 1977: 94). Однако уже в среднебронзовую эпоху особое положение ремесленника начинает институироваться, в частности, через погребальный обряд. Так, в могиле в Авневи в Грузии был похоронен со своим резцом один из ювелиров того времени, искусство которых, судя по богатым могилам, высоко ценилось высшим сословием триалетского общества (Тавадзе, Сакварелидзе 1959:). Этап общинного ремесла остался далеко позади. Порвав связи с общиной, а следовательно с производством продуктов питания, свободные ремесленники теперь обслуживают тех, кто может заплатить им за труд или кормить во время выполнения заказа, т. е. представителей разбогатевшей части общества (Бутинов 1970: 12).

Таким образом южнокавказское общество поры средней бронзы ярко демонстрирует новый уровень социальной организации. Элементы новой организации общества, зародившиеся в среде носителей куро-аракской культуры, нашли здесь наиболее полное воплощение. Несмотря на сложность конкретных путей культурогенеза (в частности, вероятного заимствования у северных соседей самого обряда сооружения курганной насыпи) социологическая и, в определенном отношении, культурная преемственность этих двух этапов развития древнекавказского общества не вызывает сомнений.

В среднебронзовый период резко возрастает стратификация общества; появляются крупные надобщинные общественные объединения с сильными лидерами во главе; в среде лидеров устанавливается иерархия, при которой наивысшей, фактически неограниченной властью обладают вожди крупных союзов племен; усиливается роль военного фактора; ремесло отделяется от сельского хозяйства; образуются ремесленная, жреческая и военная касты, обслуживающие, в первую очередь высшие слои общества. Элитные гробницы, отражающие новые возможности концентрации организованного труда, а также многообразие функций захороненных в них лидеров, свидетельствуют о достижении классического типа раннего комплексного общества, в котором политические лидеры использовали все имевшиеся у них возможности для утверждения власти через “монументальную пропаганду”,

связанную с заупокойным культом. Это был своего рода пик концентрации власти, направленной на возвеличение усопших лидеров.

До установления первой государственности в Закавказье, пришедшей сюда вместе с завоевательными походами урартов, кавказскому обществу предстояло пройти еще один, последний этап развития, длившийся несколько столетий. В эпоху поздней бронзы кавказское общество развивалось по своим, не до конца еще понятным законам. В сфере производственно-экономической жизни этот период характеризуется, в первую очередь, возрождением в долинах и на равнинах комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства; ремесленное производство, выпускающее теперь массовую серийную продукцию, достигает уровня рыночной экономики. Масштабы престижных гробниц заметно сокращаются, что, по всей вероятности, связано с иными экономическими возможностями и иной социально-психологической ориентацией основных устоев политической власти.

- АВАЛИШВИЛИ, Г. Б. 1985. К социологической интерпретации погребальных памятников триалетской культуры // Достижения советской археологии в XI пятилетке: ТД ВАК. Л.
- АЛЕКСИИН, В. А. 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.
- АЛИЕВ, Н. Г. 1991. Позднеэнеолитические памятники Азербайджана. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- АМИРХАНОВ, Х. А. 1985. Чохская археологическая культура и проблема культурных ареалов раннего голоцена кругокаспийской области // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
1987. Чохское поселение. М.
- АРЕШЯН, Г. Е. 1991. Соотношение типов хозяйства и развитие культур в раннем и среднем бронзовом веке Армянского нагорья и Южного Кавказа // Мировая культура. Традиции и современность. М.
- АРЕШЯН, Г. Е., К. К. КАФАДАРЯН. 1975. Рождение монументальной архитектуры на территории Армении // Памятники культуры: Новые открытия 1974. М.
- АРЕШЯН, Г. Е., В. Э. ОГАНЕСЯН, Ф. М. МУРАДЯН, П. С. АВETИСЯН, Л. А. ПЕТРОСЯН. 1990. Конец среднего бронзового века в междуречье Аракса и Куры // ИФЖ. № 1.
- АРЕШЯН, Г. Е., А. Е. СИМОНЯН, Г. А. САРКИСЯН. 1977. Полевые археологические работы центра арменоведения в 1976 г. // ВЕГУ. № 3. На арм. яз.
- АХУНДОВ, Т. И. 1987. Историческая топография поселений и система расселения в Северо-Восточном Азербайджане в III – серед. I тыс. до н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- БАЛБЯН, С. П. 1984. Новейшая история озер Севан и Ван // ИАН АрмССР. № 2.
- БАРДАВЕЛИДЗЕ, В. В. 1957. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси.
- БЕРЕЗКИН, Ю. Е. 1991. Изучение ранних комплексных обществ Северной Америки // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.
- БЕРИАШВИЛИ, М. Т. 1982. Хеттский погребальный ритуал // ВГМГ. Вып. 36-В.
- БЖАНИЯ, В. В. 1988. Древние рудники у перевала Аденгь // Медные рудники Западного Кавказа III–I тыс. до н. э. и их роль в горно-металлургическом производстве: ТД БПАС.
- БОЧКАРЕВ, В. С. 1982. О временном соотношении Сейминского и Турбинского могильников: Докл. на археолог. совещ. по проблемам срубной общности. Куйбышев.
- БУТИНОВ, Н. А. 1970. Производство пищевых продуктов // Домашние промыслы и ремесло. Л.
- ВАЙМАН, А. А. 1964. Шумеро-вавилонская математика. М.
- ВАВИЛОВ, Н. И. 1932а. Проблемы происхождения мирового земледелия в свете современных исследований // Избр. тр. Т. 5. М.–Л.
- 1932б. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорья // Избр. тр. Т. 5. М.–Л.
- 1960а. Ботанико-географические основы селекции // Избр. тр. Т. 2. М.–Л.

- 1960б. Дикие родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев // Избр. тр. Т. 2. М.–Л.
- ГАДЖИЕВ, М. Г. 1987. Культура раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- ГЛОНТИ, Л. И. 1982. Погребение знатной женщины могильника Квацхелеби // ВГМГ. Вып. 36-В.
- ГОБЕДЖИШВИЛИ, Г. Ф. 1952. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби // САН СССР. Т. 13. № 3.
- ГОБЕДЖИШВИЛИ, Г. Г., Г. В. ИНАНИШВИЛИ, Т. П. МУДЖИРИ. 1988. Опыт коллективного исследования памятников горного дела и металлургии Верхней Рачи // ТД БПАС.
- ГРИЧУК, В. П. 1980. К проблеме колебаний увлажненности бассейна Каспийского моря в позднем голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
- ГРЯЗНОВ, М. П. 1980. Аржан. Л.
- ДАНИЛОВА, Л. В. 1968. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // ПИДО. Кн. 1.
- ДЕДАБРИШВИЛИ, Ш. Ш. 1979. Курганы Алазанской долины. Тбилиси.
- ДЖАВАХИШВИЛИ, А. И. 1973. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа в V–III тыс. до н. э. Тбилиси.
- ДЖАЛАЛБЕКЯН, Р. Л. 1974. Плотины в Мохра-блуре // ИФЖ. № 2.
- ДЖАПАРИДЗЕ, Н. О. 1988. Ювелирное искусство эпохи бронзы Грузии. Тбилиси.
- ДЖАПАРИДЗЕ, О. М. 1969. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси. На груз. яз. Рез. рус. и англ.
1994. Триалетская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- ДЖАПАРИДЗЕ, О. М., Г. Б. АВАЛИШВИЛИ, А. Т. ЦЕРЕТЕЛИ. 1985. Памятники Месхети эпохи средней бронзы. Тбилиси. На груз. яз. Рез. рус.
- ДЖАПАРИДЗЕ, О. М., А. И. ДЖАВАХИШВИЛИ. 1971. Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси. На груз. яз. Рез. рус.
- ДОЛУХАНОВ, П. М. 1985. Аридная зона Старого Света в позднем плейстоцене и голоцене // Изв. ВГО. Т. 117. № 1.
1984. Неолитическая революция в Передней Азии: экологические, культурно-исторические и лингвистические аспекты // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1.
1989. Аридная зона Старого Света: экономический потенциал и направленность культурно-хозяйственного развития // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- ДЬЯКОНОВ, И. М. 1968. К предыстории Армянского народа. Л.
- ЕСАЯН, С. А. 1981. Стратиграфия расписной керамики Айгеванского поселения // ИФЖ. № 2.
- ЖУКОВСКИЙ, П. М. 1971. Культурные растения и их сородичи. М.
- КИКВИДЗЕ, Я. А. 1975. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии // Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Тбилиси.
1980. Некоторые вопросы развития храмового хозяйства в древней Грузии // ИФР. № 1.
- КИГУРАДЗЕ, 1976. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси. На груз. яз. Рез. рус.
- КУНОВ, Г. 1929. Всеобщая история хозяйства. М.–Л.
- КУШНАРЕВА, К. Х. 1959. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе около Агдама // МИА. № 67.
1965. Новые данные о поселении Узерлик-тепе около Агдама // МИА № 125.
1973. К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. Вып. 134.
1977. Древнейшие памятники Двина. Ереван.
1985. Севано-узерликская культура периода средней бронзы на территории Южного Кавказа // Культурное наследие Востока. Л.

1990. К реконструкции элементов социальной структуры Кавказа в VI–III тыс. до н. э. // ИФЖ. № 2.
1992. Еще раз о некоторых аспектах триалетской культуры // КСИА. Вып. 209.
1993. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. СПб.
1994. Памятники триалетской культуры на территории южного Закавказья // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
1995. К вопросу о критериях финального этапа эпохи средней бронзы и перехода к поздней бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы средней и восточной Европы. СПб.
- КУШНАРЕВА, К. Х., Т. Н. ЧУБИНИШВИЛИ. 1970. Древние культуры Южного Кавказа V–III тыс. до н. э. Л.
- КУФТИН, Б. А. 1941. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси.
1949. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси.
- МАРЕТИНА, С. А. 1984. Социальная стратификация и становление государственности (на примере малых народов Индии) // Причины превращения первобытных обществ в рабовладельческие и феодальные: ТДК. М.
- МАРТИРОСЯН, А. А. 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
- МАССОН, В. М. 1973. Древние гробницы вождей на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
1991. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.
1996. Исторические реконструкции в археологии. Самара.
- МЕЛИКИШВИЛИ, Г. А. 1984. К характеристике социально-экономического раннеклассового общества грузинских горцев // ВДИ. № 1.
- МЕНАБДЕ, М. В., Т. В. КИГУРАДЗЕ. 1981. Археологические памятники типа Сиони. Тбилиси. На груз. яз. Рез. рус.
- МИРЦХУЛАВА, Г. И. 1975. Самшвилде. Тбилиси. На груз. яз. Рез. рус.
- МУДЖИРИ, Т. П., Г. Г. ГОБЕДЖИШВИЛИ, Г. В. ИНАНИШВИЛИ, В. Г. МАЙСУРАДЗЕ. 1987. Древнейшие сурьмяные рудники Грузии и их радиоактивные датировки // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- МУНЧАЕВ, Р. М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
1994. Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- НАРИМАНОВ, И. Г. 1987. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку.
- ОГАНЕСЯН, В. Э. 1988. Серебряный кубок из Карашамба // ИФЖ. № 4.
1988. Курганы среднебронзового века близ села Карашамб // ТД БПАС.
1990. Культура первой половины II тыс. до н. э. в среднем течении р. Раздан: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван.
- ПЕРШИЦ, А. И. 1960. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории // ТИЭ. М.–Л. Т. 4.
- ПЕТРОСЯН, Л. А. 1984. Материальная культура Северо-Западного Ширака в III–I тыс. до н. э. по материалам Кети и Воскеаска: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван.
- ПУТУРИДЗЕ, М. Ш. 1991. Традиции и инновации в триалетской культуре эпохи средней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
- ПХАКАДЗЕ, Г. Г. 1993. Западное Закавказье в III тыс. до н. э.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Тбилиси.
- РЕЗЕПКИН, А. Д. 1989. Северо-западный Кавказ в эпоху ранней бронзы: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.

- СЕМЕНОВ, Ю. И. 1978. О некоторых теоретических проблемах экономики первобытного общества // СЭ. № 4.
- СИМОНЯН, А. Е. 1982. Кармирбердская культура по материалам периода средней бронзы Армении // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. ТДВС. Ереван.
- 1984а. Культура эпохи средней бронзы северных районов Армянского нагорья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- 1984б. Два погребения эпохи средней бронзы могильника Верин-Навер // СА. № 3.
1987. Культурный прогресс в эпоху средней бронзы Армянского Нагорья и Южного Кавказа // Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху. ТД Респ. совещ. Ашхабад.
1990. Новая трактовка социокультурной общности эпохи средней бронзы Армении // ИФЖ. № 1.
- ТАВАДЗЕ, Ф. Н., Т. Н. САКВАРЕЛИДЗЕ. 1959. Бронзы древней Грузии. Тбилиси.
- ХАНЗАДЯН, Э. В. 1979. Элар-Дарани. Ереван.
- ХАНЗАДЯН, Э. В., К. А. МКРТЧЯН, Э. С. ПАРСАМЯН. 1973. Мецамор. Ереван. На арм. яз. Рез. рус.
- ЧУБИНИШВИЛИ, Т. Н. 1971. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси.
- BURNEY, C. 1959. Circular building found at Yanik-tepe, North-West Iran // *Antiquity*. Vol. 35. № 139.
1961. Excavations at Yanik-tepe, North-West Iran // *Iraq*. Vol. 23. P. 1.
1964. Excavations at Yanik-tepe, Azerbaijan, 1962 // *Iraq*. Vol. 26. P. 1.
- GÜRNEY, O. 1966. *The Hittites*. London.
- KOSAY, H. 1969, 1970, 1971. Pular (Sakyol) excavations // *Keban projesi*. Ankara. 1971, 1972, 1976.
- KOSAY, H., K. TURFAN. 1959. Erserum Karas Kasisi raporu // *TTK. Belleten*. Vol. 23. № 91.
- LLOYD, S., J. MELAART. 1956. Beycesultan excavations // *AS*. Vol. 6.
- MEISLER, B., M. STEKELIS, AVI-JONAH. 1952. The excavations at Beth-Ierah: (Khirbet et Kerak) // *Israel excavation journ*. Vol. 2. № 3.
- OTTEN, H. 1958. *Hethitische Totenzutual*. Berlin.
- PIGGOTT, St. 1979. "Royal tombs" reconsidered: Prace i materialy // *Ser. archeol*. Warsawa, Lodz.

ОТЧЕТ Н. И. ВЕСЕЛОВСКОГО О РАСКОПКАХ МАЙКОПСКОГО КУРГАНА В 1897 Г.¹

Курган, расположенный в самом городе Майкопе, в 1-м участке, на перекрестке двух улиц, при чем восточная и южная полы отошли под план, имел высоту около 5 сажен и был насыпан из материковой глины. Внутри его шло кольцеобразное сооружение из ломаного камня известковой породы. Жители Майкопа не так давно стали брать из кургана глину на строительные надобности и значительно срезали северную и западную полшы, местами углубляясь в материк. Опасение, как бы они не напали на гробницу, побудило меня приступить к раскопке означенного кургана. Раскоп был поведен с западной полы. В верху кургана, над центром, на глубине 1,5 саж. оказалась впускная могила, сложенная из голышей, среди которых находился костяк повидимому в скорченном положении; при нем находилось широкое бронзовое копье (№ 1), серебряная спиральная серьга (или кольцо) (№ 2). Обнаруженная во время работы значительная осадка насыпи, а равно и толстый слой выкидной материковой земли, указывали на большую гробницу. Она была расположена в центре кургана, имела направление с СВ на ЮЗ.

Устройство её следующее: дно могилы обрисовалось с закругленными углами и выгнутыми внутрь боковыми и поперечными линиями.

Дно могилы выложено голышами, местами в один ряд, местами в два ряда. По углам были забиты довольно тостые бревна, 4–6 вершков в диаметре, которые не сохранились, остались только отверстия, уходившие в дно могилы очень немного, вершка на 4. Углубление для столба оканчивалось желобами длиной в 8–10 вершков, быть может тут лежала стойка стоба. Стенки могилы были обложены деревянными досками или укреплены деревянным срубом. Поверх могилы, имевшей 7,5 аршин в длину, 5,25 аршин в ширину и 2 аршина в глубину, был настлан помост из дерева, а поверх его насыпано немного земли, вершка 2–3, и затем положено второй деревянный помост больших размеров, так что выходил далеко за пределы гробницы (проследить его пришлось только с западной стороны, а с прочих не удалось открыть его вполне). Когда дерево сгнило, земля засыпала гробницу, причем некоторые вещи пострадали от тяжести, были сдавлены ею.

В могиле оказалось три костяка. Один занимал южную половину гробницы и, судя по украшению, был первенствующим лицом. Он лежал в согнутом положении, головою на юг-вос., а кисти рук находились у головы. Под ним дно могилы (собственно голыши) были густо залито ярко-красной краской, и где находилась эта краска, там встречались золотые украшения. По произведенному анализу краска оказалась суриком.

Платье покойника было обшито золотыми украшениями: штампованными крупными львами (№ 3) и мелкими быками (№ 3б), мелкими львами (№ 4), кругами в виде колец (№ 5), встречалось множество сердоликовых бус разной величины и формы (№ 6). Быки перемешаны с золотыми кружками (№ 7) и бусами (№ 8), повсюду попадаетеся золотой бисер (№ 9), и кроме того 3 больших золотых бусы (№ 10), одна буса с утолщением на концах (№ 10), золотой шар рубчатый (№ 12), золотые розетки из двух чашечек по 4 лепестков (№ 12б), бирюзовые бусы (№ 13). На голове находилась диадема, сделанная из двух золотых лент, близко подходив-

¹ Рукописный Архив ИИМК РАН. Фонд 1, 1896 г., д. № 204, лл. 52–52 об.

ших одна к другой. Ленты эти, лежавшие широкою стороною на затылке, были, надо полагать, закреплены спереди головы шнурками, которые от времени подгнили, вследствие чего ленты распустились и лежали прямо на земле (№ 14). У головы же находились золотые ободки (№ 15) неизвестного назначения, и два золотых проволочных кольца (№ 16). Золотые кнопочки (№ 16б). Далее, от головы к коленам

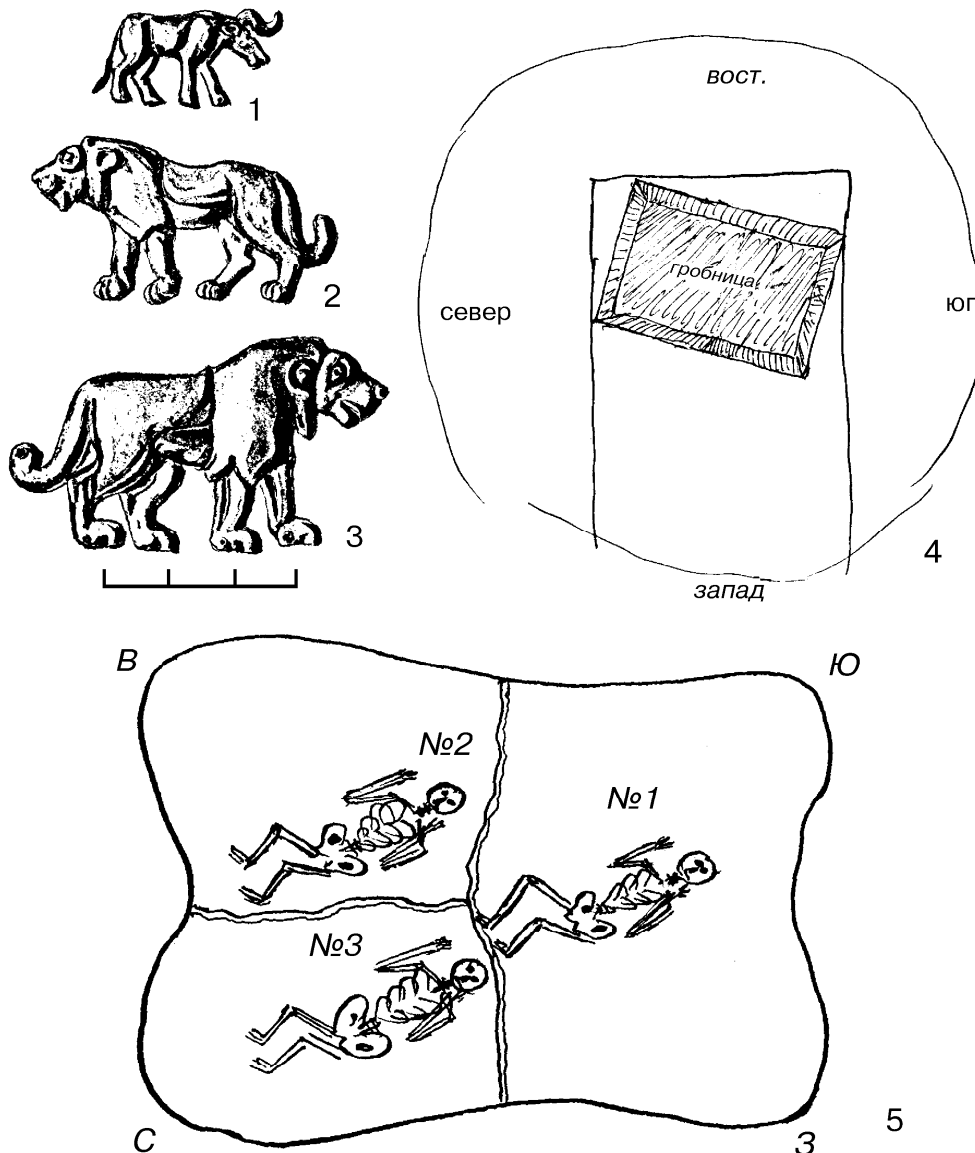

Рис. 7. Рисунки из отчета Н. И. Веселовского:
 1-3 – золотые предметы; 4 – схематический план Майкопского кургана;
 5, 6 – схемы расположения скелетов и инвентаря

лежали предметы, которые можно признать за жезл, или за знак власти (скипетр). Это трубки, числом 6, из них 4 наполовину золотые, наполовину серебряные; на двух полузолотых насажены два массивных золотых быка, указывающие, что рукоятка золотая, а верх серебряный (№ 17), на двух серебряных насажены серебряные быки (№ 18). На двух остальных трубках (№ 19) ничего не было. На вершине серебряных трубок есть продольные разрезы, быть может, для вставки кистей или волосяных пучков. Повидимому, к этим трубкам относятся, быть может, золотые колпачки (№ 20), которые могли заключать кисть. Особо встретились, в виде полушара, серебряные колпачки (№ 21). Кроме того, по всему этому участку гробницы шли тонкие полосы серебра, обивки какого-то деревянного предмета (№ 22), иногда эта обивка сохранила гвозди (№ 23). Тут же попались две бирюзовые привески с золотыми ушками (№ 23б и 23в). В головах лежало оружие медное, всего 10 предметов (24–24и) и две точилки: одна из зеленого камня с золотым пробоем (№ 25), другая кривая каменная с отверстием (№ 26), каменный топор (№ 26б). У колен находились кремневые наконечники стрел двух типов: плоские (№ 27) и в виде серпа (№ 28).

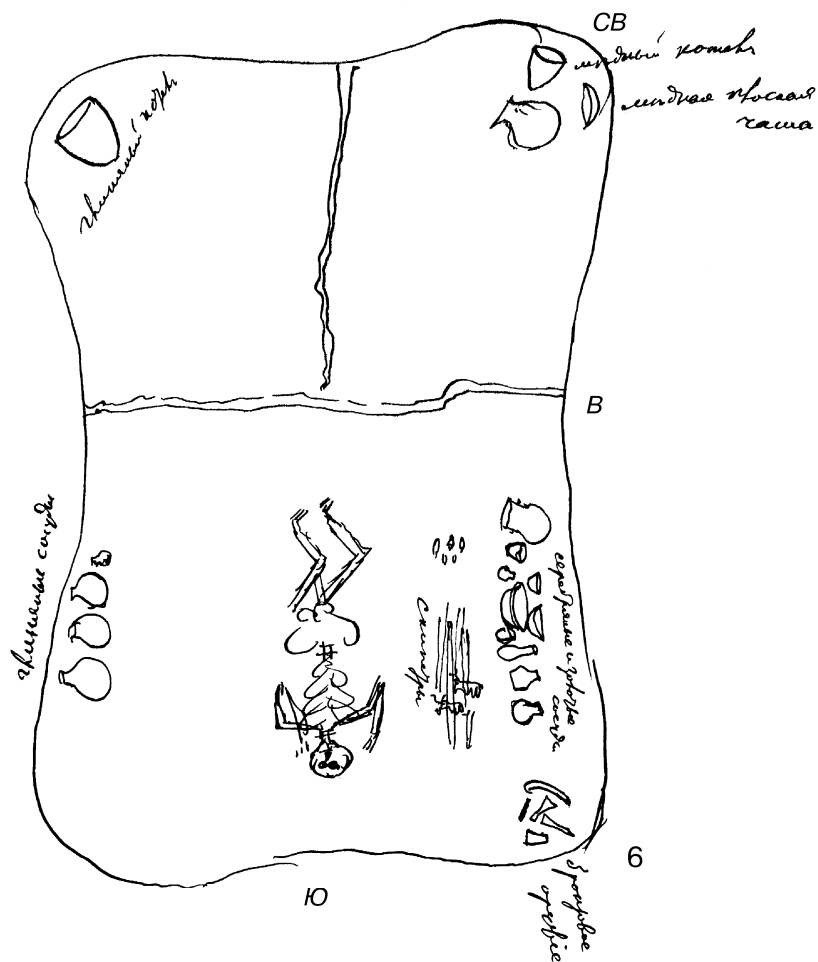

Рис. 7 (продолжение)

Скелеты были отделены друг от друга перегородкою из какого-то перегнившего вещества, состав которого определен как дерево. Одна перегородка шла поперек гробницы и отделяла первого покойника от других, вторая находилась между 2-м и 3-м скелетами, как показано на рисунке.

В ногах первого скелета лежали два другие рядом, и тоже в согнутом положении. Украшения их были беднее, но тоже из золота. У скелета № 2 оказались две золотые проволочные серьги с сердоликовой бусой (№ 28б) и мелкий золотой бисер, где лежали руки. Серебряные пластины от первого скелета простирались и сюда. (Нитка бус рабыни № 28в). Красной краски под этим скелетом и следующим было очень мало и то она попадалась спорадически. Судя по серьгам, здесь похоронена женщина (рабыня). При скелете № 3 найдены гранчатые и узорчатые бусы в большем, чем у рабыни количестве (№ 28г).

В могиле, по стенам и в углах, были разставлены сосуды в следующем порядке: от бронзового оружия к ногам 1-го скелета находилось 14 серебряных сосудов разной формы и величины, из них один с золотыми ушками (29), два с изображением животных (№№ 30 и 31), прочие частью с ушками, частью без них (№№ 32–42), а среди них один золотой кувшинчик (№ 43), низкий золотой сосуд в виде солонки (№ 44) и каменный точеный сосуд с накладным дном из серебряных вызолоченных пластинок и золотым горлышком (№ 45). Далее в этом же направлении, к углу лежала медная плоская чаша (№ 46), медное ведро с дужкой (№ 46б), и большой медный кувшин, сдавленный землею (47), а в самом углу стоял большой медный котел с шарообразным дном (№ 48), а еще далее котелок медный поменьше (№ 48б). В следующем углу стоял большой глиняный сосуд с конусообразным дном (№ 49). Против серебряных сосудов, у противоположной стены стояли глиняные кувшины желтой, красной и черной глины с шарообразным дном, числом 7 (№№ 50–56). В четвертом углу ничего не было. В том месте, где находилось медное оружие и медные котлы, заметна травяная плетенка, которая пристала к меди; но в других местах этой плетенки не было заметно.

**Список предметов, найденных в Кубанской области профессором Веселовским Н. И.
в 1897 году.**

Курган в г. Майкопе.

1. Медное копье.
2. Серебряное спиральное кольцо (разломалось).
3. Золотые пластинки, изображающие львов, числом 37.
- 3–б. Золотые пластинки, изображающие быков, числом 19.
4. Тоже, с изображением мелких львов, числом 31.
5. Золотые штампованные круги в виде колец, числом 38.
6. Сердоликовые бусы разной величины и формы.
7. Золотые кружки разной величины.
8. Золотые бусы.
9. Мелкие золотые бусы в виде бисера.
10. Дутые золотые длинные бусы, рубчатые, числом 3.
11. Одна золотая дутая буса с утолщениями на концах.
12. Золотая шарообразная буса. 12-б. Золотые розетки, числом 10.
13. бирюзовые бусы.
14. Две золотые ленты от диадемы.
15. Злотые ободки.
16. Два золотых проволочных кольца. 16-б. Золотые кнопочки.
17. Две трубки на половину золотые, наполовину серебряные с золотыми бычками.
18. Две серебряные трубки с серебряными бычками.
19. Две трубки, у которых нижняя часть золотая, а верх серебряный.
20. золотые кнопочки.
21. Серебряные колпачки. 21-б. Серебряные рубленые бусы.
22. Серебряные тонкие пластинки, служившие оковкою для какого-то деревянного предмета.
23. Та же обивка с серебряными гвоздиками. 23б и 23в – Бирюзовые привески с золотыми ушками.
24. Бронзовое оружие в количестве 10 экземпляров (№№ 24–24и).
25. Точилка из зеленого камня.
26. Большая каменная изогнутая точилка. 26б. Каменный топор.
27. Кремневые наконечники стрел ромбовидной формы.
28. Кремневые наконечники в виде полулунок. 28б. Две золотые проволочные серьги с сердоликовыми бусами. 28в. Нитка бус рабыни.
29. Серебряный сосуд с золотыми ушками.
30. Серебряный сосуд с изображениями животных.
31. Тоже.
- 32–42. Серебряные сосуды разной величины, из которых некоторые совершенно раскрошились.
43. Золотой кувшинчик.
44. Золотой сосуд в виде солонки.
45. Каменный фланок с золотым горлышком.
46. Медная плоская чаша. 46б. Медное ведро с ручкой.
47. Большой медный кувшин, раздавленный землею.
48. Медный котел с шарообразным дном.
49. Большой глиняный сосуд с конусообразным дном.
- 50–56. Глиняные черные и желтые кувшины с шарообразным дном.

**НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ВЕСЕЛОВСКИЙ –
ВИДНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ ²**

(краткая справка)

Н. И. Веселовский родился 12 ноября 1848 г. и в 1867 г. закончил Вологодскую гимназию. Через два года он поступил в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков. В 1873 г. окончил университет со степенью кандидата и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1877 г. защитил диссертацию на тему “Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве” и удостоен степени магистра истории Востока. В феврале 1878 г. утвержден в должности доцента кафедры истории Востока Санкт-Петербургского университета, а с 1884 г. в должности экстраординарного профессора. В 1905 г. ему было присвоено звание заслуженного профессора университета. В августе 1884 г. был направлен в годичную командировку в Туркестанский край, где в числе прочих работ произвел первые раскопки на городище Афросиаб. С 1882 г. вплоть до 1917 г. производил раскопки в Кубанской области и Таврической губернии, принесшие ему славу первооткрывателя таких эталонных памятников как Майкоп, Новосвободная и Келермесс. В 1887 г. был избран членом Московского археологического общества. С 1892 по 1905 г. читал лекции по первобытным древностям в Петербургском археологическом институте. В 1903 г. вошел в состав Комитета по исследованию Средней и Восточной Азии. В 1908 г. был избран управляющим Восточным отделением РАО, а в 1909 г. председателем разряда археологии и археографии Русского Военно-Исторического общества. 29 декабря 1914 г. избран членом-корреспондентом Академии наук. Скончался Н. И. Веселовский 12 апреля 1918 г.

Активность научной деятельности Н. И. Веселовского отражает список его работ, докладов и выступлений, составленный В. В. Латышевым и опубликованный в Записках Восточного отделения РАО, т. XXV за 19 год. По принятой в тогдашней библиографии системе здесь учтены 11 отдельно изданных трудов и далее статьи и заметки в повременных изданиях, рецензии, отзывы, биографии и некрологи, а также редакторская деятельность, что в целом составляет 177 наименований. Отдельно приводится список докладов и сообщений, сделанных как на общих собраниях Российского археологического общества, так и на его отделениях – Русской и славянской археологии и восточной археологии, классическом и нумизматическом отделениях. О характере широкой деятельности Н. И. Веселовского свидетельствует публичная лекция “О шаманстве”, прочитанная, как гласит пояснение В. В. Латышева, “в 1892 г. в здании Санкт-Петербургского университета в пользу пострадавших от неурожая”.

² Список научных трудов Н. И. Веселовского составлен в 1918 г. В. В. Латыниным и опубликован в Записках Восточного отделения РАО, вып. XXV, с. 387–397.

**Троя, Майкоп, Алтын-депе:
УРБАНИЗМ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА И ЕГО ПЕРИФЕРИИ ³**

Ранняя история Старого Света была сфокусирована на Ближнем Востоке – этой уникальной совокупности природных ландшафтов, возникших на пересечении аридной зоны Евразии с поясом молодых гор, протянувшимся от Альп к Гималаям. Разнообразие географических условий этого региона с его черезполосицей гор, пустынь и оазисов, контрастирует с большей монотонностью окружающих областей – степей, пустынь и лесных территорий. Именно на Ближнем Востоке было положено начало земледелию, развилась ирригация, появился плуг; именно здесь возникла городская цивилизация.

Северная граница этой нуклеарной исторической области разорвана акваториями Черного и Каспийского морей. С более северными территориями Ближний Восток соединен тремя отдельными сухопутными мостами: западной Анатолией, Кавказом, Туркменией. Через Анатолию путь ведет в леса Европы, Кавказ обращен к степям, а Туркмения – к пустыням. На границе ближневосточного земледелия и ближневосточного урбанизма каждый из трех мостов сыграл в истории свою особую роль. В IV и III тыс. до н. э., когда городские цивилизации впервые соприкоснулись со своими северными соседями, три знаменитых памятника отмечают места этих встреч: Троя, Майкоп, Алтын-депе. Каждый из них расположен на самом рубеже зоны распространения высокоразвитой культуры и технологии, где ремесленники, удовлетворявшие потребности знати, были заняты среди прочего изготовлением металлических сосудов, сложных украшений, отливок методом потерянного воска, а также производством гончарной керамики. За этим рубежом находились более простые общества. В их числе была Болгария, где земледельцы раннего бронзового века вручную лепили глиняные сосуды по образцу золотых и серебряных и копировали орнамент на медных топорах, однако не развитую технологию их производства; понтийские степи, где формирующиеся пастушеские племена заимствовали использование колесных повозок и создали своеобразную новую культуру. Другой внешний регион – Кызыл-Кумы, где присваивающее хозяйство сохранялось в достаточно неизменном состоянии. В каждой из названных трех точек имели место контакты и взаимодействия с северными соседями, и каждая отмечала границу разных культурных миров.

Все три рассматриваемых памятника расположены на линии соприкосновения между обществами двух типов. С одной стороны, более сложных с высокой плотностью населения, иерархической социальной стратификацией, связанных между собой дальними торговыми путями. С другой – принадлежащих к внешней периферии, менее сложных, сохранявших “племенную” организацию, а также соответствующие ей технологию и отношение к материальным ценностям. Более того, каждый из названных памятников предоставляет нам археологическую сокровищницу городского ремесла в виде кладов Трои II, богатых погребений Майкопа

³ Доклад прочитан на международном симпозиуме “Майкопский феномен в древней истории Кавказа” в Новороссийске в марте 1991 г. Перевод Ю. Е. Березкина.

и Новосвободной и квартала знати Алтын-депе. Это значит, что находки на соответствующих периферийных памятниках освещают такие аспекты элитарной культуры, для характеристики которых в самой Месопотамии редко есть сопоставимые материалы.

С этой точки зрения три памятника, о которых идет речь, весьма похожи, хотя они сильно различаются во многих других отношениях. Троя – это замок, уничтоженная огнем крепость, где изделия из металла сохранились случайно. Алтын-депе – городское поселение, богатства которого были сконцентрированы внутри святилища: массивного храма из сырцового кирпича. Майкоп же – это даже не поселение, а эффектная группа богатых гробниц – единственных мест, где материальные ценности намеренно оставлялись. С этой точки зрения Майкоп – первое в длинном ряду “варварских” обществ, процветавших по окраине городских цивилизаций и отличавшихся (подобно скифскому обществу на той же территории в I тыс. до н. э.) нарочито обильным выставлением материальных ценностей в погребальном контексте. Если все это “сложные” общества, то сложные по-разному. Сравнивая и сопоставляя, мы постараемся четче обозначить существо предполагаемого подхода.

Все три рассматриваемые нами памятника проступают на одном общем фоне: на протяжении IV–III тыс. до н. э. ремесленное производство, торговый обмен и транспорт достигли гораздо более высокого, нежели раньше, уровня развития. Концентрация масс потребителей в иерархически организованных обществах на орошаемых каналами аллювиальных равнинах сделала возможным разделение труда, в ходе которого сырье в городские ремесленные центры доставлялось издалека. Для перевозки больших по объему и весу продуктов наилучшим образом подходил речной транспорт, но водные артерии были связаны с сухопутными путями, где использовались ослы и верблюды. По этим путям на большие расстояния перевозились высокоценные материалы.

В IV тыс. до н. э. урбанизированные районы были ограничены относительно небольшой территорией Шумера и Элама, но в III тыс. до н. э. возникло много других центров урбанизации, конкурировавших между собой за доступ к торговым путям и к ресурсам. Ситуация в IV тысячелетии, однако, особенно интересна, ибо почти не имеет параллелей в более поздней истории: в это время существует одна единственная доминирующая нуклеарная зона, чьи питательные артерии проникали далеко в глубины окружающих территорий. Тогда (в позднем Уруке) колонии (такие как Хабуба-Кабира и Джебель-Аруда на Евфрате в Сирии) были организованы на главных речных магистралях в тех местах, где к ним выходили сухопутные пути, ведущие далеко в горы (Algaze 1989). Эта сеть связей распространилась до самого Леванта, она прослеживается в герцейском Египте (период Нагара II) и в восточной Анатолии (например, в районе Кебана). Другим вошедшим в общую систему связей районом, для которого имеются свидетельства существования письменности, использования печатей и торговой деятельности, был Годин-тепе в Керманшахе. Он лежал на хамаданском тракте на Иранское плато, который вел у анаракскому месторождению меди и к бадахшанскому лазуриту. Плато было поистине огромной территорией, уже по сути дела включенной в мировую систему торговых связей бронзового века, но структурно все еще довольно простой с одним единственным центром, пусть и разделенным на несколько политически независимых единиц.

В начале III тысячелетия прото-эламская область с центром в Сузах уже конкурировала с Шумером, контролируя не только Загрос, но и более далекие пути через Иранское плато, о чем свидетельствуют таблички с оригинальной системой

письма, найденные в Гисаре, Тепе-Яхья и Шахри-Сохте. В этих районах сложились свои собственные центры обработки лазурита, хлорита и стеатита, и именно в этом контексте следует рассматривать рост поселений типа Алтын-депе, возможно, приобретших значение как поставщики бирюзы. Шумер в раннединастический период получал эти материалы и продукты по морю через Персидский залив, а медь доставляли туда из Омана. К середине III тысячелетия на западных путях снабжения также возникли самостоятельные государства. Подобно Эбле, они располагались в ключевых пунктах торговых маршрутов и имели свой собственный хинтерланд в Анатолии (на таких памятниках как еще локализованная Пурушханда). Торговля с Сиро-Месопотамией привела в Анатолии, вплоть до эгейского побережья, к появлению городов. В аккадский период Месопотамия продолжала смотреть в сторону запада (знаменитый поход в Кедровый лес и к Серебряной Горе), а также и в сторону моря, в направлении новой цивилизации долины Инда, пропускавшей через свою территорию сырье из горных районов. Эти морские контакты становились все важнее и к концу III тысячелетия привели к новому росту значению южной Месопотамии в эпоху III династии Ура. Такова в общих чертах экономическая история рассматриваемого нами периода.

Как же соотносятся с ней три наших памятника? На западе клады Трои относятся к концу III тысячелетия, когда Сирия являлась важной самостоятельной областью, потреблявшей привозное сырье. На востоке в Туркмении наивысшая точка процветания была достигнута в период Намазга V в последней трети третьего тысячелетия, когда этот район сделался составной частью совокупности вторичных государственных образований, включавшей также и хараппскую Индию. А что же с Майкопом?

Традиционная, предложенная А. А. Иессеном, датировка Майкопа относит его к XXV в. до н. э., т. е. ко времени, примерно соответствующему Трое II и Алтын-депе, а значит, и стадии наивысшего развития ближневосточной экономической системы. Приняв эту датировку, мы неизбежно начнем искать майкопские аналогии для сосудов из драгоценных металлов, найденных в Иране и Афганистане. Естественной отправной точкой для сопоставлений служит астерабадский клад, найденный в 1840-х годах на памятнике, известном сейчас как Тюренг-тепе в юго-восточном Прикаспии, опубликованный в английском журнале "Археология" за 1844 г. и с тех пор пропавший. Астерабадский клад содержит не только сосуды из золота и серебра, но и медные вещи, в том числе топоры-тесла, двузубые вилы и черешковые с упором наконечники копий, имеющие параллели в Майкопе. В том же комплексе представлены алебастровый сосуд (типа найденных в Шахдаде), металлические горны (рожки) и сосуды с длинным носиком-сливом, напоминающие предметы из Гисара III (находки на так называемом "холме кладов"). Изображения на металлических сосудах связаны с бактрийской или неошумерской иконографией конца III тысячелетия. Другие "клады", подобные астрабадскому, появились недавно. Это обнаруженный на кабульском базаре фуллолский (кош-тепинский) клад, металлические сосуды из которого украшены мотивами, типичными для Намазга V; клад из Кветты, опять-таки с вазами из драгоценных металлов; головка быка из Алтын-депе; алебастровые сосуды Шахдада. Все эти комплексы тесно связаны с интенсивной торговлей лазуритом, пути которой проходили через Иранское плато. Даты перечисленных кладов не выходят, похоже, за пределы времени существования III династии Ура, т. е. приходится на самый конец III тыс. до н. э. Поэтому расцвет Майкопа, на первый взгляд, соблазнительно соотносить с наи-

высшим развитием ближневосточной экономики и считать его одновременным Алтын-депе и чуть более поздним, чем Троя II.

И все же, как не так давно указала М. В. Андреева (1977; 1979), майкопские находки к этому периоду не относятся. Самые точные параллели для наиболее выразительных иконографических особенностей (изображения на серебряных сосудах, золотые фигурки быков) следует искать в искусстве позднего Урука, т. е. тысячелетием раньше. Подобный вывод согласуется с фактами, обсуждаемыми в нескольких других докладах на данной конференции. Это параллели майкопским сосудам в фазе F стратиграфической колонки Амука; клад черешковых с упором наконечников копий (и мечей с цельнолитой рукоятью) из слоя VI A в Арслантепе близ Малатьи; аналогии между цилиндрическими печатями из Красногвардейского и такими же печатями в позднем Уруке (но, вероятно, не с печатями-штампами из тепе-Гавры, изображения на которых хотя и похожи, однако скорее всего более ранние). Все эти параллели единодушно отводят Майкопу место в значительно более раннем культурном контексте, связывая его с начальной фазой формирования ближневосточной городской экономики и дальних торговых связей – заключение, на которое уже в 1920 г. намекал М. И. Ростовцев.

Отсутствие сопоставимых металлических сосудов такого раннего времени в самой Месопотамии можно объяснить отсутствием могил знати, предшествующих царскому могильнику Ура, т. е. периоду РД III. Именно поэтому у нас нет золотых и серебряных изделий, которые могли бы послужить материалом для прямого сравнения, хотя богатая иконография печатей и оттисков того времени предоставляет обильные аналогии. Ситуация очень похожа на положение со скифским искусством тремя тысячелетиями аозже: изделия из драгоценных металлов, найденные в причерноморских могилах, не имеют подобных себе в самой классической Греции. И все же между майкопскими сосудами и искусством позднего Урука, известным по изображениям на печатях и других каменных предметах, есть много общего: сцены с участием одних лишь животных (без людей), особенно изображения животных, следующих чередою одно за другим (иногда химер, соединяющих признаки разных видов). Обращаясь к деталям, нетрудно отыскать элементы сходства на изображениях быков, львов, кабанов, мелких копытных, растительности. Например, похожи стиль и трактовка бычьих рогов, хвостов и копыт, раздвоенных кабаньих хвостов. Параллели заметны не только на печатях и оттисках из южно-месопотамской метрополии, но и на “колониальных” экземплярах, обнаруженных в Хабуба-Хабира и Годин-тепе. Однако изображения гор на майкопских сосудах и фигуры лошадей свидетельствуют против импорта данных предметов из Месопотамии и указывают на существование местных мастерских (либо северо-, либо, возможно, закавказских). Работавшие в них специалисты были способны создавать высококлассные изделия из металла, использовать элементы месопотамской иконографии и, быть может, были знакомы с соответствующими религиозными представлениями.

Данный вывод имеет большое историческое значение как в отношении реконструкции межрегиональных связей, так и в том, что касается социальной и культурной истории эпохи: ведь Майкоп выступает в качестве первого в мире “варварского” общества, возникшего на краю первоначальной зоны урбанистической экспансии и сохранившим среди своего великолепного погребального инвентаря образцы тех предметов, которыми окружала себя элита, но которые пока не известны для городских культур того времени. Кавказ с самого начала был вовлечен в процесс урбанистической экспансии урукского периода, испытав и вызванные этим процессом социальные перемены. Более того, горные вожества Се-

верного Кавказа играли важную роль в передаче элементов культуры и технологии в область степей, что привело к становлению явного культурного комплекса; последний, в свою очередь, глубоко повлиял на общества, располагавшиеся дальше на запад. Таким образом, район Майкопа представляет собой важнейшее связующее звено между Ближним Востоком, где происходили быстрые перемены, и доисторической Европой, где эволюция шла более медленно.

Концентрация богатых могил в пределах сравнительно короткого отрезка времени подтверждает впечатление, что перед нами весьма специфический исторический эпизод. Отсутствие в регионе оловянистых сплавов в III тысячелетии (когда они стали широко употребляться на Ближнем Востоке) предполагает невовлеченность Северного Кавказа в стабильную долговременную систему межрегиональных связей с югом. Кавказ, таким образом, выступает в качестве периферийной области, в которую достаточно внезапно проникают воздействия извне (обусловленные, скорее всего, интересом к получению драгоценных металлов), но которая в дальнейшем остается за пределами системы международной торговли, сформировавшейся и функционировавшей на основе циркулирования высокоценных материалов типа лазурита, золота и серебра между главными городскими центрами ойкумены бронзового века.

Термины “центр” и “периферия” используются в разных контекстах. В самом общем виде мы можем противопоставить неолитические общества расписной керамики Юго-Восточной Европы более простым неолитическим обществам северо-запада, которые заимствовали земледелие позже и сохраняли менее развитые формы экономической организации. В этом смысле Европа с самого начала делилась на центральную и периферийную зоны. С другой стороны, специалисты области истории экономических отношений применяют данные термины в более узком техническом смысле, когда, описывая индустриальный мир, хотят противопоставить области с развитым производством тем областям, которые являются поставщиками продовольствия и сырья. Здесь центр и периферия выступают в качестве взаимозависимых частей одной и той же экономической системы и отношения между ними имеют структурный характер (Kohl 1989). О каком типе противопоставлений должны мы говорить в случае с древним миром?

Ясно, что определенные элементы развитой технологии были способны распространиться из урбанизированной ойкумены бронзового века в аграрные общества за ее пределами. Колесные повозки, равно как и отливки из медных сплавов в двухчастных составных формах, есть типичные примеры такого процесса. С другой стороны, некоторые виды развитой технологии оставались территориально ограничены лишь урбанизированными областями – либо потому, что соответствующие производства требовали от ремесленников очень большого искусства (металлические сосуды и украшения в сокровищах Трои), либо из-за масштабы (например, гончарный круг для массового изготовления керамики). Поэтому технологии, нуждавшиеся в высоких предварительных трудовых затратах (строительство парусных кораблей, широкомасштабное производство масла и вина) оставались принадлежностью исключительно городских экономик. Еще одной чертой, отличавшей “урбанизированные” экономики от “варварских”, было использование драгоценных металлов в качестве стандартизованных эквивалентов обмена в противоположность циркулированию медных изделий и их накоплению в форме вотивных кладов. Лишь более развитые экономические системы были способны организовать дальнюю торговлю ради удовлетворения нужд производства.

В пределах ближневосточной зоны прослеживается характерная последовательность превращения некоторых областей из поставщиков сырья лидирующим районам урбанизированной ойкумены в самостоятельные независимые центры, “вторичные государства”, что осуществлялось благодаря развитию собственных социальных иерархий, систем верований и производственного потенциала. Таковы Сирия и горный Иран. Образование этих вторичных центров требовало определенных предпосылок, таких как выгодное положение в пределах сети хозяйственных связей, доступ к необходимому для производства сырью, выход к рынкам сбыта производимой продукции, возможный лишь при адекватных транспортных средствах. Эгеида демонстрирует возрастающую вовлеченность в подобную международную систему на протяжении бронзового века, когда она успешно перешла от положения поставщика серебра к положению независимого производителя тканей, вина и оливкового масла, которые большими партиями отправлялись на кораблях из дворцовых хозяйств Крита и материковой Греции в восточное Средиземноморье.

В балканокарпатской области Европы подобная хозяйственная интеграция, однако, не состоялась. В культурах Баден, Чернавода и Эзеро воздействие раннебронзовых ремесленных центров западной Анатолии прослеживается на керамике, включающей новые, “анатолийские”, типы вроде сосудов для питья, форма которых воспроизводит металлические образцы. Эти новые черты обнаруживаются вместе с парными находками останков быков и изображениями колесных повозок в захоронениях “знати” в таких могильниках как Будакалаш и Алсонемеди. Выборочное заимствование чужеродных элементов составило основу хозяйственно независимой позднеэнеолитической раннебронзовой культуры. Все это сильно отличается от одновременной ситуации в Эгееде, где сложные анатолийские общества были воспроизведены в меньшем масштабе по ту сторону моря, причем существование торговых путей, вероятно, служивших для доставки серебра, сыграло в данном процессе важную роль. В Эгееде появились поселения типа Лерны, где обнаружены крепостные стены, центральные (видимо, элитарные) постройки, ремесленные мастерские, печати и, наконец, появляющаяся чуть позднее гончарная посуда. Возникшая теперь протогородская культура достигла пика развития в период минойских дворцов и образования в эгейском регионе вторичных государств.

А теперь для контраста обратимся к материалам Туркмении с ее подобными Алтын-депе высокоурбанизированными храмовыми центрами бронзового века. Эти центры продолжали поддерживать хозяйственные связи с соседними группами кельтеминарцев в Кызыл-Кумах, где (как показал А. В. Виноградов) действительно добывали бирюзу, отправляя ее по торговым путям на юг. Что странно в данном случае, так это полное отсутствие культурного влияния развитого юга на обитателей области, поставившей сырье: кельтеминарцы в составе мелких рассеянных коллективов вели, как и прежде, свое охотничье-собираческое хозяйство, занимаясь разработкой бирюзы лишь сезонно. Приходят на память лесные охотники Юго-Восточной Азии, снабжавшие Китай камфорой в историческую эпоху. Между создателями урбанизированных хозяйственных систем и теми, кто снабжал их сырьем, нет ничего похожего на то культурное взаимодействие, которое было характерно для обитателей северо-западных рубежей ойкумены бронзового века. Лишь в ходе экспансии степного андроновского комплекса в его тазабагыбском варианте кельтеминарцы в конце концов сделались частью более крупной культурной общности. В южную систему взаимосвязей, основанную на распространении элементов городской культуры, они не вошли.

Рассмотрев как исторический контекст самого Майкопа, так и сравнительные примеры, мы можем теперь вновь обратиться к объяснению природы данного феномена. Нет ничего удивительного в том, что время кардинальных инноваций совпало с периодом экспансии позднего Урука, с установлением торговых путей, по которым высокоценные материалы типа лазурита удавалось переправлять из Бадахшана в Египет, питая растущие хозяйственные системы Нижней Месопотамии. Целенаправленное основание дочерних поселений на верхнем Евфрате и вдоль “великого хорасанского пути” отражено находками типичных позднеурукских сосудов со скошенным венчиком в районе Кебана (Арслантепе, Тепеджик: Frangipane, Palmieri 1983) и северо-западном Иране (Тепе-Кабрестан). Оба пути открывали доступ в Закавказье, будь то через Эрзурум или через Азербайджан. Открытия И. Г. Нариманова в Карабахской степи демонстрируют важность последнего из данных маршрутов (Ф. Кол в *Algaze* 1989: 593), хотя оба скорее всего имели значение в передаче новых технологий и идей.

Результатом подобных контактов было преобразование энеолитических культур Закавказья в успешно развивающееся и независимое сообщество горных народов, культуру Куро-Аракса, сопротивлявшуюся включению в состав равнинных государственных образований, но заимствовавшую многие черты современных ей городских цивилизаций. Среди археологических материалов, добытых на территории Куро-Аракса и в сопредельных районах, выдающееся место занимают колесные повозки. Это заставляет предполагать, что тягловая сила животных и плужное земледелие составляли там экономическую основу процветания. Изысканная отделка домашних очагов вместе с отсутствием специализированных храмовых построек свидетельствуют о том, что типичные для городов на равнинах классические образцы в данном случае не копировались. В то же время наличие развитой металлургии и гончарного круга указывает на определенный уровень хозяйственной специализации и социальной стратификации. Обилие рудных месторождений в данном ареале объясняет как причины его богатства, так и его роль в процессе распространения ряда видов домашних животных (лошадь, осел, может быть, верблюды) и растений (виноградная лоза), который характерен для данного периода. Трудности с транспортировкой товаров помешали куро-аракскому ареалу пойти по пути, каким пошли Эгеида или даже центральная Анатолия: могущественное государство не сформировалось здесь вплоть до I тысячелетия (Урарту). Вместе с тем во второй половине раннего бронзового века куро-аракская культура распространилась как в горный Иран, так и на юг в Левант (кирбеткеракский комплекс) – может быть, в результате крушения экономически и социально более сложных обществ в пределах этих территорий.

Имеются многочисленные свидетельства проникновения ранних куро-аракских элементов из центрального Закавказья (области Квемо-Картли) через главные проходы в Большом Кавказском хребте в верховья Терека. Контраст между природными условиями на северном и южном склонах должен был содействовать развитию продуктообмена между этими районами. Указанное проникновение могло стать исходным стимулом для трансформации северокавказских энеолитических коллективов и последующего распространения развитых культурных черт, заимствуемых с юга. Система поселений и социальная организация в этой области имели, однако, совершенно иную отправную точку развития, нежели к югу от хребта. Местные группы входили в циркумпонтийскую культурную область и были связаны с энеолитическим населением бассейнов Волги, Дона и Днепра. Ведущая особенность данного региона состояла в том, что в качестве наиболее значимых объектов, отражавших структуру общества,

здесь выступали не какие-либо постройки на поселениях, а погребальные сооружения. Их появление ознаменовывало в это время нарушение характерной для неолита социальной однородности общинных коллективов во многих районах Европы. Майкопский комплекс выделяется, таким образом, наличием элементов элитарной культуры в курганных захоронениях, особенно роскошных в кубанском районе с его месторождениями металла и обширным степным хинтерландом. Географическое расположение этого района позволило его обитателям включить в свою культуру черты, происхождением связанные в конечном счете с городскими цивилизациями, и постепенно обеспечить свое превосходство по отношению к степным соседям. Тем самым были открыты пути передачи на север достижений металлургии и навыков использования тягловых животных, а нарождающиеся степные элиты получили образец для подражания.

Таким образом, Северный Кавказ сохранил свою независимость от куро-аракской общности на юге, сделавшись вместо этого независимым культурным ядром по отношению к степной периферии. Одна из причин случившегося состоит в обилии разнообразных рудных месторождений на Южном Кавказе: для южных торговцев не было причин стремиться проникнуть на Северный Кавказ в поисках дополнительных источников металла. Вместо того кавказский металл заменил в степи балкано-карпатский, а кавказская традиция обработки меди (с использованием отливочной формы из двух половин и мышьяка в качестве добавки) через цепь степных культур оказала технологические воздействия на металлообработку Юго-Восточной Европы (Chernykh 1983). Эти контакты осуществлялись по суше. Постулировать в данном случае связи через Черное море типа путешествий в гребных лодках (а позже на парусных кораблях) через эгейскую акваторию нет надобности. Подобные морские контакты существовали, возможно, на Черном море в конце II тысячелетия (период поздней бронзы). Вплоть до этого времени Северный Кавказ был составной частью доисторической Европы. В ранней и средней бронзе его культуру отличает распространенность и развитость целого ряда характерных особенностей, в том числе подкурганное погребение в повозках, курительные ритуалы (в ходе которых, возможно, употребляли коноплю, сжигая ее в курильницах), металлические и каменные боевые топоры, молоточковидные булавки и украшения для одежды. Все эти признаки связывают Северный Кавказ в единую культурную зону со степью и отличают от Закавказья.

Ранний период этой трансформации совпадает с появлением анатолийских влияний в Юго-Восточной Европе и возникновением комплексов Эзеро – Чернавода III – Болераз, через посредство которого колесные повозки и сосуды для питья, имитирующие металлические прототипы, независимо проникли в этот регион. В то же время триполье, лучше сохранявшее старые культурные традиции, распалось под влиянием своих соседей на локальные варианты. Данные западные группы тоже внесли свой вклад в становление степного комплекса, прежде чем, в свою очередь, подверглись воздействию распространявшейся ямной культуры. Все эти взаимодействия могли как-то способствовать и обособлению новосвободненской группы памятников, хотя другие причины (влияние металлических сосудов на чернолощеную керамику, наличие местной традиции захоронения в каменных ящиках) нельзя сбрасывать со счетов.

Итак, феномен Майкопа знаменует собой важнейшую стадию формирования независимого северного культурного центра с присущим ему образом существования. Мы имеем здесь дело с ранним импульсом с юга и с важным передаточным звеном, содействовавшим распространению земледелия в степных областях. От Майкопа ве-

дет свое начало металлургическая традиция, ставшая образцом для подражания на Балканах и на Урале. Майкоп мог также оказаться посредником в снабжении своих южных соседей специфическими товарами севера, напоминая здесь Скандинавию и ее отношения с центральной Германией от эпохи бронзы до римского времени. Вместе с тем Майкоп никогда не являлся составной частью ближневосточной сети важных торговых взаимодействий. Соответственно он не превратился в фокус политического развития и не стал прото-государством. Нет сомнения, что в историческую эпоху Северный Кавказ с его разнообразием рудных месторождений был столь же неоднороден этнически и политически, как и в более поздние времена. Майкоп – это воистину непростое явление, однако не сложное общество в том смысле, в каком этот термин применим к Трое или к Алтын-депе.

Относительные хронологические колонки Балкан, степных областей, Кавказа и Ближнего Востока могут быть выстроены в соответствии с калиброванными радиоуглеродными датами. Отдельные колонки взяты с незначительными изменениями из работ В. А. Дергачева и И. В. Манзуры, В. А. Трифонова, П. П. Вертесальи, которым я глубоко благодарен. Замечу, что есть попытки удревнить колонку Гавры и отнести все слои, начиная с XII, назад к Убейду. Цель этого короткого экскурса состоит в том, чтобы продемонстрировать прекрасное соответствие принятых параллелей калиброванным датам при условии, разумеется, отсутствия ошибок в соотношении датированных образцов со слоями. Традиционные ближневосточные хронологии покоились на исторических источниках для III тысячелетия и на спекулятивных выкладках в отношении более ранних комплексов, таких как Джемдет-Наср и Урук. Ныне, однако, все больше авторов соглашается с тем (Elgaze, 1989; Hassan, Robinson 1987; Nisen 1987; Oates 1987; Vйrtesalji 1987; 1988; Young 1986; Weiss 1986), что соответствующие периоды следует датировать исключительно по радиоуглероду и что подобные даты (которых для интересующей нас эпохи на Ближнем Востоке меньше, чем в Европе) требуют калибровки. Одно из следствий подобного подхода – значительное увеличение продолжительности урукского периода: даты даже для финального Убейда не поднимаются выше середины V тысячелетия. Ранний Урук вполне мог начаться в V тысячелетии, поздний – в первой половине IV. Чтобы придать подобным оценкам большую точность, требуется еще много дополнительных датировок. Тем не менее явно нет противоречия между подобными ближневосточными датами и калиброванными датами для колонки Кукутени – Триполья. Культуры Кавказа прекрасно помещаются между теми и другими. Вызывают, правда, тревогу огромные промежутки времени, которые охватывают теперь соответствующие периоды, а также ограниченность археологических материалов, имеющихся для каждого из них. Но это как раз те трудности, к которым мы теперь должны обратиться лицом.

В заключение мне доставляет удовольствие поблагодарить всех советских коллег, чьи доклады на конференции помогли узнать так много нового об этом важнейшем этапе древнейшей истории Европы, а также особо поблагодарить профессора В. М. Массона и как организатора конференции и как раскопщика одного из ключевых для дискуссии памятников (два других это Шлиман и Веселовский). Я также признателен моим оксфордским коллегам докторам Роджеру Мури, Майклу Роафу и Дональду Мэттьюзу за их советы в ближневосточных делах.

- АНДРЕЕВА, М. В. 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. № 1: 39–56.
1979. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. № 1: 22–34.
- ALGAZE, G. 1989. The Uruk expansion: cross-cultural exchange in early Mesopotamian civilization // *Current Anthropology*. Vol. 30. N5: 571–608.
- AURENCHE, O., J. ELVIN, F. HOURS (eds.). 1989. *Chronologies du Proche Orient // Chronologies in the Near East. Relative chronologies and absolute chronology 16. 000–1000 B. P.* Oxford, (B. A. R. International Series 379, ii).
- CHERNYKH, E. N. Frühmetallurgische Kontakte in Eurasien // *Beiträge zur allgemeine und vergleichende Archaeologie*. 1983. N5: 19–34.
- HASSAN, F., S. ROBINSON. 1987. High precision radiocarbon chronometry of ancient Egypt and comparisons with Nubia, Palestine and Mesopotamia // *Antiquity*. Vol. 61: 119–135.
- KOHL, Ph. 1989. The use and abuse of world systems theory: the case of the “pristine” West Asian state // *Lamberg-Kalovsky (ed.). Archaeological Thought in America*. Cambridge: Cambridge University Press: 218–240.
- NISSEN, H.-J. 1987. The chronology of the Proto- and Early Historic periods in Mesopotamia and Susiana // *Aurenche et al.*: 607–613.
- OATES, J. 1987. ‘Ubaid chronology // *Aurenche et al.*: 473–481.
- FRANGIPANE, M., A. PALMIERI. 1988. Perspectives on proto-urbanisation in eastern Anatolia: Arslantepe (Malatya) // *Origini*. Vol. 12. N2: 287–668.
- ROSTOVTZEFF, M. I. 1920. L’age du cuivre dans le Caucase et civilisations de Sumer et de l’Egypte protodynastique // *Revue archéologique*. 5th serie. Vol. 12: 1–37.
- VÏRTEŠALJI, P. P. 1987. The chronology of the Chalcolithic in Mesopotamia // *Aurenche et al.*: 483–507.
1988. Das ende der Uruk-Zeit im Lichte der Grabungsergebnisse der sogenannten “archaischen” Siedlung bei Uruk-Warka // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. Vol. 20: 9–26.
- WEISS, H. 1986. *The Origins of Cities in Dry-farming Syria and Mesopotamia in the third millennium BC*. Guidford, Connecticut: Four Quarters Publishing.
- YOUNG, T. C. 1986. Godin Tepe period VI/V and Central Western Iran at the end of the Fourth Millennium // *Finkbeiner, U., W. Röllig (eds.). Jamdet Nasr: Period or Regional Style*. Wiesbaden: Reichert Verlag, P. 212. (beihilfe zum Tübinger Atlas des vorderen Orients, Ser. B., Nr. 62).

**МАЙКОПСКИЕ ЛИДЕРЫ РАННИХ КОМПЛЕКСНЫХ ОБЩЕСТВ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

В 1897 г. на Северном Кавказе было сделано одно из выдающихся открытий российской археологии – Н. И. Веселовский раскопал в Майкопе богатейшую гробницу поры палеометалла. Сама гробница находилась под монументальным курганом, имевшем высоту 10,65 м. Предварительное сообщение об этом открытии было помещено в “Отчетах Императорской археологической комиссии” за 1897 г., изданных в 1990 г. Полного описания этих материалов не опубликовано до настоящего времени, хотя, например, в книге Р. М. Мунчаева содержится довольно подробная информация об этом памятнике, дополняющая, в том числе и иллюстративно, имеющиеся сведения (1975: 212–222).

Сама гробница, скрытая насыпью огромного кургана, представляла собой подпрямоугольную яму со слегка скругленными углами размерами 5,3 x 3,7 м, при глубине около полутора метров. На уровне древней дневной поверхности был сооружен из камней овальный в плане кромлех, кольцом охватывавший основную территорию, скрытую под земляной насыпью кургана. Дно могилы было выстлано булыжником, а стены укреплены деревом, причем по углам могильной ямы располагались опорные столбы. Из дерева были сооружены и перегородки, разделявшие яму на три части. В наиболее значительном южном отсеке покоился на вымостке из галечника основной погребенный в скорченном положении, обильно покрытый красной краской – суриком. Среди помещенных в гробницу объектов прежде всего обращали на себя внимание изделия из золота и серебра. Таковы многочисленные пластины, из которых 68 изображали львов, а 19 – быков. Из золота были изготовлены также кольца и пятилепестковые розетки. По всему дну в южной части камеры были расположены полоски серебра, порой пробитые серебряными гвоздиками и скорее всего являвшиеся частями обивки каких-либо предметов, изготовленных из дерева. Бусы и кольца находились около головы, а также кистей рук, видимо, от составных браслетов или от обшивки рукавов. Золотые полоски, возможно, от диадемы были найдены и под черепом. Многочисленные, уже упоминавшиеся бусы, часто довольно сложной формы, были изготовлены из золота, сердолика и бирюзы.

Имеется группа объектов, указывающая на довольно сложные установления погребального ритуала. Перед костяком, параллельно ему лежали семь серебряных стержней метровой длины, причем у четырех конец был золотым. На эти четыре стержня были помещены фигурки бычков, в двух случаях золотые и в двух – бронзовые. Б. В. Фармаковский (1914) предложил на основе этой находки реконструировать пышный балдахин, хотя, судя по положению самих стержней, он находился в гробнице как бы в демонтированном виде. Много позднее М. П. Чернопицкий (1987), опираясь на находку в этой гробнице 12 кремневых наконечников стрел и 17 кремневых микролитов в виде сегментов, предложил считать серебряные трубки макетами древков стрел, которые таким образом представляли пучок довольно сложной семантической нагрузки. Такая практика имеет определенные, хотя и довольно поздние аналогии в скифскую эпоху. Правда, не вполне ясными тогда ста-

новится фигурки четырех быков, явно утяжеляющие этот макет стрелкового оружия. Нельзя не признать, что подобного рода реконструкции затрудняет отсутствие детальной чертежной фиксации, что соответствовало тогдашнему методическому уровню производства самих раскопок. Но совершенно ясно, что перед нами объекты, указывающие на пышность и культово-семантическую усложненность самого погребального обряда.

Имелся в основной камере майкопской гробницы и целый ряд предметов более утилитарного назначения, хотя зачастую выполненных с вызывающим великолепием. Среди этих объектов два каменных оселка, восемь глиняных сосудов и десять металлических предметов: плоский кинжал, два проушных топора, два клиновидных топора и четырехгранное шило. Но имелись также сосуды, изготовленные из иных материалов – два из золота, один каменный и 14 – из серебра, в том числе два с художественными рельефами. В двух других камерах, на которые была разделена могильная яма, также находилось по одному костяку с окраской в красный цвет, хотя и менее интенсивной, чем в основной камере.

Майкопская гробница безусловно поражала своим великолепием, но в принципе при наличии на Северном Кавказе незаурядных могильных комплексов не стала абсолютной новостью. В 1896 г. в урочище Клады около станицы Новосвободной, носившей в то время наименование Царской, тем же Н. И. Веселовским были открыты под крупными курганными насыпями две монументальные гробницы, сложенные из каменных плит, одна из которых была буквально забита погребальным инвентарем, правда уступающим богатством майкопской гробнице (ОАК 1896; Попова 1963). Эти раскопки стали исключительно важными, не только как эффектные открытия, но и как эталонные рубежи в систематике кавказской археологии, характеризующие определенную культуру, так и названную майкопской. Основные материалы, характеризующие эту культуру и связанную с ней проблематикой, удачно обобщены в книге Р. М. Мунчаева (Мунчаев 1975), пополняемую некоторыми новыми открытиями, прежде всего исследованием домайкопских комплексов (Нехаев 1992), и полным исследованием элитарного могильника в урочище Клады у станицы Новосвободной, осуществленное экспедицией петербургских археологов (Бочкарев и др. 1983; Резепкин 1991).

Выясняется, что культурное явление, представленное памятниками майкопского круга, было весьма сложным формообразованием и его многокомпонентные слагаемые отражали достаточно различные культурные и исторические процессы. Заметно продвинулись вопросы археологической систематики, связанные с объединением материалов в устойчивые, внутренние единые комплексы и с выяснением их временного положения. У истоков этих разработок находится классическая работа А. А. Иессена (1950), в которой было предложено деление памятников майкопского типа на два этапа: более ранний – майкопский и более поздний – новосвободненский. Позднее был поставлен вопрос о выделении еще одного, промежуточного этапа. В настоящее время с увеличением конкретных материалов картина еще более усложняется, поскольку заметнее проявляется фактор локального разнообразия. Было даже предложено применять более емкое понятие археологической систематики – майкопская культурная общность. Оно связано с традиционным для российской археологии тройным археологическим членением материалов на культурные общности, культуры и локальные варианты. Правда пока эта схема для памятников майкопского круга еще не отработана должным образом на уровне типологического анализа. При этом достаточно обоснованно ставится вопрос о том, что локальные проявления будут особенно ощутимы в керамическом производстве (Коре-

невский 1996). Появляется и синтетический термин – Майкопско-Новосвободненская общность.

Достаточно отчетливо выделяются по крайней мере две локальные группировки: западная, локализуемая в основном в верхнем Прикубанье и Закубанье, и восточная или терская. Ставился вопрос также о существовании третьей группы – степной, простирающейся чуть ли не до Нижнего Дона (Нечитайло 1991). В таких обширных пределах эта группировка выглядит слишком размытой, и не вполне ясно, проявлялись ли в ближайших к Кубани районах специфические локальные особенности или мы просто имеем дело с группами майкопского населения, освоившими эту территорию (Трифонов 1983: 11) на периферии нуклеарной зоны.

Поставлен вопрос и о значительной дивергенции выявленных комплексов в рамках этой большой общности. Было предложено считать комплексы майкопского типа и комплексы новосвободненского круга не двумя этапами одной культуры, как это рассматривалось в основополагающей работе А. А. Иессена, а двумя разными культурами или, по крайней мере, традициями (Резепкин 1991). Однако если говорить в целом о культурно-хозяйственной эволюции, то северокавказское общество скотоводов и земледельцев с развитой металлургией и элитой, подчеркивающей свое положение престижными погребальными обрядами, нет резких перерывов и противостояний. Налицо и определенные типологические соответствия от кромлехов в подкурганном пространстве и обильного использования охры до типологических рядов металлических изделий, убедительно построенных А. А. Иессеном и находящихся подтверждение в последующих изысканиях (Мунчаев 1975: 333–334). Другое дело, что на отдельных этапах развития и, по-видимому, в разных районах по разному проявлялся сложный многокомпонентный характер культурного процесса, связанный как с мутациями, так и со стимулированной трансформацией.

Что касается абсолютной хронологии, то здесь долгое время принимались даты, предложенные А. А. Иессеном с выходом на систему ближневосточных древностей. Так, майкопский этап датировался около 2500–2400 гг. до н. э., а новосвободный – около 2200–2000 гг. до н. э. Правда, отметим, что, видимо, с учетом удревнения ближневосточной шкалы А. А. Иессен в одной из последних работ (1962). допускал, что истоки Майкопа уходят в первую половину III тыс. до н. э. Со временем все большее предпочтение стало отдаваться длинной хронологии. Появилась еще и северо-западная цепочка соответствий, выводящая майкопские древности на хронологические колонки Центральной Европы. Начало Майкопа стали углублять до конца IV тыс. до н. э., а конец относить к XXV в. до н. э. или более осторожно – к середине III тыс. до н. э. (Андреева 1979; Трифонов 1987; Резепкин 1989). Система радиоуглеродных датировок с удревняющей коррекцией наводит на мнение о датировке начала Майкопа чуть ли не второй четвертью IV тыс. до н. э. (Трифонов 1996). Следует обратить внимание на очень важную находку в одном из майкопских погребений – цилиндрической печати из гагата (Нехаев 1986). По стилю изображения она явно принадлежит к северомесопотамской школе глиптики. В Гавре печати этой школы представлены со слоев Гавра XIА – Гавра XI (3400–3300 г. до н. э.). Однако глиптика Гавры – это пуговицеобразные печати, а цилиндры там появляются лишь со слоя Гавра VIII. Сочетание архаического стиля и цилиндрической формы позволяет отнести северокавказскую находку к XXVIII–XXVII вв. до н. э., что будет иметь определенное значение для уточнения абсолютной хронологии памятников майкопского круга. Пока в целом можно говорить об их бытовании, независимо от подразделения на локальные варианты, культуры или этапы, в

основном с первой половины III тыс. до н. э. с вполне вероятным заглублением во вторую половину IV тыс. до н. э.

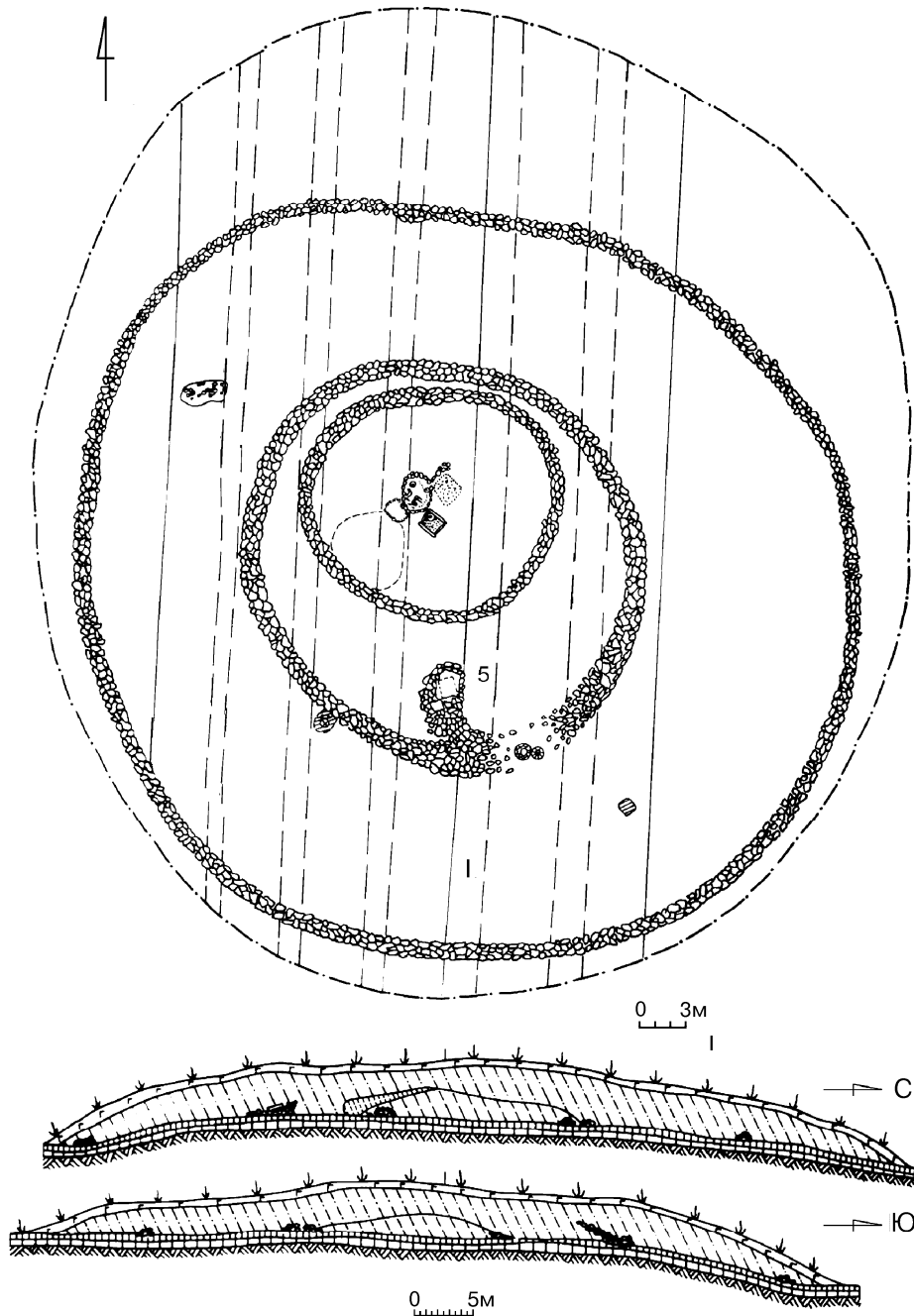

Рис. 8. План и разрез кургана 31 некрополя Клады.

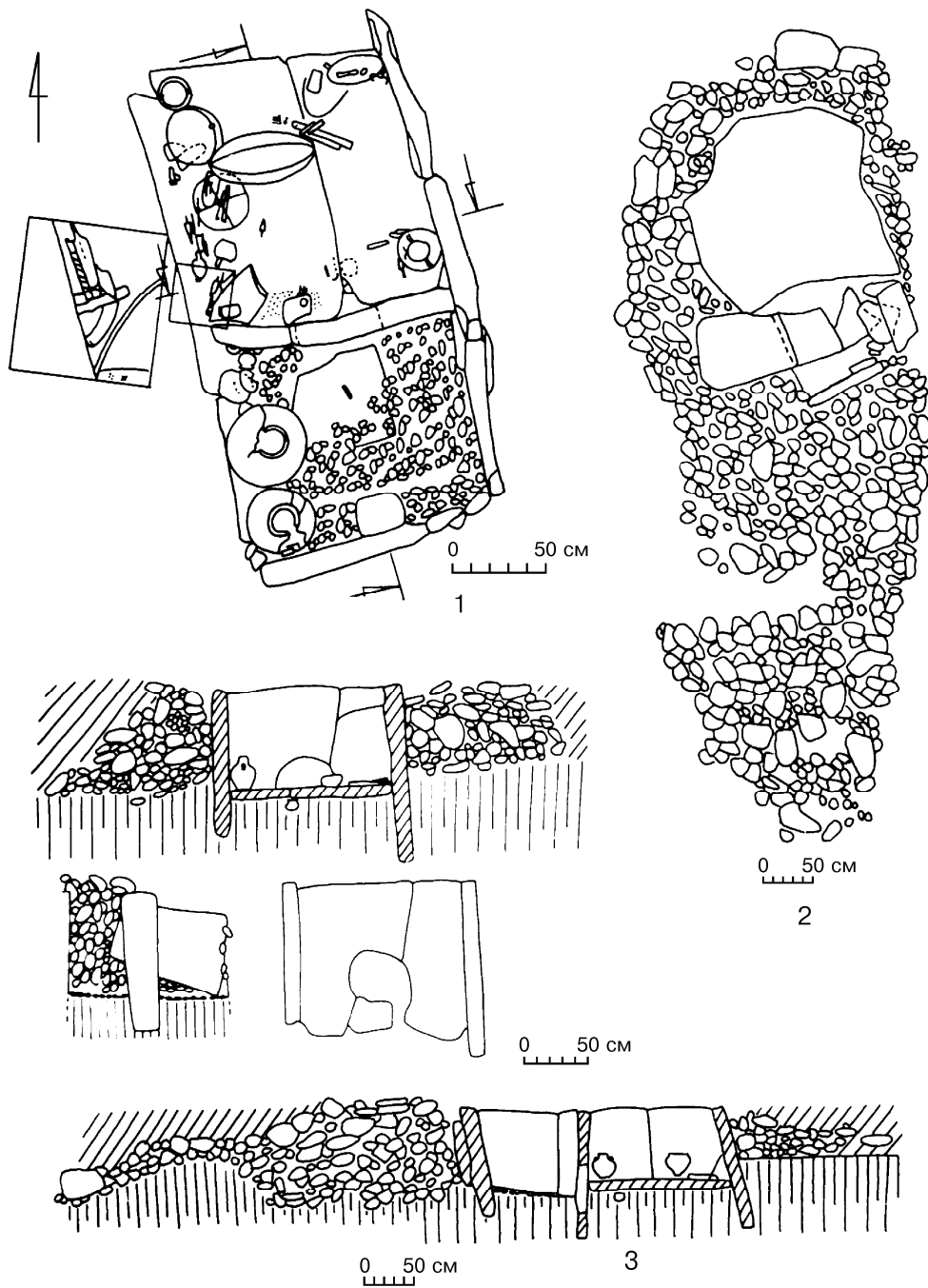

Рис. 9. Планы и разрезы гробницы кургана 31 некрополя Клады

Возвращаясь к основной теме, надо сказать, что с увеличением материалов, с раскопками могильников и открытием поселений, элитарный характер престижных

гробниц становится еще более контрастным. Бесспорная неординарность гробниц, открытых Н. И. Веселовским, лежала на поверхности. Можно сослаться хотя бы на Г. Чайлда, который в итоговом обобщающем труде “У истоков европейской цивилизации” прямо писал: “столкновение более развитой цивилизации (имеются в виду явные проявления древневосточных связей – В. М.) с варварскими племенами, конкретным примером которого являются кубанские курганы, нередко сопровождалось выделением вождей или жрецов-вождей” (Чайлд 1952: 212). Однако, одни внешние импульсы не могли носить системообразующий характер. Следует полагать, что феномен майкопской культуры как исторического явления лучше всего находит объяснение не в абстрактных ближневосточных импульсах, которые не дали пышных цветов на своем гипотетическом пути к северокавказским предгорьям, а в рассмотрении Майкопа как социокультурной системы раннего комплексного общества (Массон 1991а). Подобные общественные структуры, возникающие на догосударственном и доцивилизационном уровне, характеризуются в числе прочих признаков возрастанием роли центра (в политическом плане вождя-лидера) и новыми организационными возможностями, позволяющими путем концентрации усилий получать значительный эффект, особенно заметный в строительной деятельности (Массон 1991). Наиболее впечатляющим показателем, отражающим новый уровень организационных возможностей, являются свидетельства крупномасштабной деятельности, выраженной в создании крупных, четко спланированных поселений, монументальных культовых центров и экстраординарных погребальных сооружений. Обычно сосредотачиваемый в последних незаурядный погребальный инвентарь отражает и уровень благосостояния общества в целом, и возможности его концентрации под контролем определенных лиц или страт.

Именно экстраординарные погребальные комплексы являются характерной чертой майкопской культуры или майкопской культурной общности. По основному погребальному обряду, особенно на раннем этапе, они мало отличаются от прочих захоронений. Погребение совершалось под курганной насыпью, в основании которой устраивалось кольцевое ограждение из камня – кромлех, по терминологии западноевропейской археологии. Само погребение совершалось в крупной могильной яме с деревянным перекрытием. Пол ямы обычно вымощен булыжником, а стены обложены деревянным тесом. Усопший располагался на боку или на спине, в обоих случаях с согнутыми в коленях ногами и обильно посыпался охрой. Погребения, как правило, одиночные. Однако это не распространяется полностью на престижные гробницы. В этом отношении контрастно выступают три случая. Уже в самом майкопском кургане могильная яма разделена перегородками на три отсека, в каждом из которых было по одиночному захоронению. В нальчикской гробнице было два захоронения (Чеченов 1973). В некрополе Клады в основной гробнице кургана 31 также было два погребенных (Резепкин 1991).

Для престижных гробниц майкопского круга характерны два показателя – масштабность сооружения, для которого были необходимы значительные трудовые усилия, и богатство инвентаря, помещавшегося в саму могильную яму или каменный склеп. Как известно, майкопский курган имел одиннадцатиметровую высоту, но сама курганная насыпь при тогдашней методике не изучалась и не фиксировалась должным образом. Курганная насыпь нальчикской гробницы, по оценке И. М. Чеченова, состояла из 23000–25000 м³, что по нормам одной только вскопки, принятым в Шумере, требовало 7500 человеко-дней. Необходимо также иметь в виду трудовые усилия по доставке грунта, созданию самой насыпи и сооружению погребальной камеры из монументальных каменных стел. Диаметр кургана наль-

чикской гробницы, частично разрушенной, определяется в пределах 100 метров. Курган 31 в некрополе Клады, оказавшийся неразграбленным, имел в диаметре 67 метров при высоте в 4,1 м (рис. 8). Но здесь, также как в Нальчике и в Новосвободной, следует учитывать трудовые усилия по подготовке и возведению гробниц или дольмена из огромных каменных блоков, да и труд по изготовлению таких плит, тщательно отесанных (рис. 9). Уже Н. И. Веселовский в ходе своих раскопок давал оценку монументальности сооружений, открытых им в Новосвободненском могильнике, именуемом после раскопок А. Д. Резепкина некрополем Клады в урочище Клады. Дольмен в кургане 1, сама высота насыпи которого 9,6 м, имел одну из плит кровли весом в 3 т, а общий вес плит, пошедших на возведение гробницы, определен в 15,5 т. Для дольмена в кургане 2 эта цифра составляет 14,5 т. Нет никаких сомнений в том, что сооружение этих погребальных комплексов требовало масштабного и хорошо организованного труда.

Объекты, найденные в гробницах, даже если они частично были потревожены охотниками за сокровищами, еще более подтверждают их экстраординарность. Прежде всего показательны количественные различия по сравнению с рядовыми могилами. Например, рядовой курган 14 в Бамуте по размерам мало отличался от престижных гробниц. Его диаметр – 35 м, высота – 3,2 м. Достаточно велика и могильная яма – 4 х 3 м, с галечной вымосткой на полу. Но состав погребального инвентаря невелик: небольшой бронзовый топорик, который из-за его малой величины исследователи именуют вотивным, три глиняных сосуда, золотое кольцо, две согнутые золотые пластинки и бронзовый котел (Мунчаев 1975: 300–301). В престижных гробницах налицо подчеркнутое вещевое изобилие. В гробнице кургана 31 некрополя Клады вещи вообще лежали в 2–3 ряда (Резепкин 1991: 172). Одних кинжалов здесь было 9 – восемь бронзовых и один с кремневым клинком. Десять ножей-кинжалов было в гробнице кургана 1, раскопанной Н. И. Веселовским. Бронзовых сосудов в кургане 31 было шесть, в Новосвободной I – четыре, в том числе, два котла. Сервиз основного майкопского кургана вообще экстраординарен. В него входят два золотых сосуда, 14 серебряных и один каменный.

Вместе с тем показательны наличие в гробницах вещей явно престижного, а не утилитарного характера, сделанных из драгоценных металлов. Таков серебряный нож-кинжал с электровой обкладкой на перекрестье в Нальчикской гробнице, серебряное тесло в кургане 31 некрополя Клады, золотые и серебряные иглы в Новосвободненской гробнице. Правда одна золотая игла найдена и в более ординарном погребении Кишпек (Чеченов 1986: 45). Два золотых предмета из нальчикской гробницы И. М. Чеченов (1973: 18) был склонен определять как втульчатые наконечники стрел, однако типологически они мало похожи на наконечники стрел, да и среди бронзовых объектов майкопской культуры аналогов им не наблюдается. Предпочтение отдавалось наконечникам стрел, сделанным из камня и кости. Богатство лиц, захороненных в богатых гробницах, также подчеркивалось личными одеяниями и украшениями. При любом отношении к реконструкции балдахина в майкопской гробнице, предложенной Б. В. Фармаковским, по крайней мере часть золотых пластинок, там обнаруженных, являлись нашивками на одежду. Возможно, нашивались на одежду также и золотые и серебряные бусы, обнаруженные около рук. Персонаж, погребенный в Новосвободненской, облечен в тройные одежды, надетые одни поверх других. Этот прием, который подчеркивал парадность и социальный ранг, позднее неоднократно отмечен в погребениях ранних кочевников. Верхнее одеяние было сделано из меха, второе – из желтоватого пуха, третье – из холщевой ткани, окрашенной в пурпурный цвет. Личные украшения не только

встречались в изобилии, но имелись и объекты особой ценности, отличавшиеся сложностью изготовления. Так, в майкопской гробнице имелись бирюзовые бусы с золотым ушком, в Новосвободненской – серьги с подвесками из хрусталя в золотой оправе и золотые серьги с подвесками из лазурита. В кургане 31 некрополя Клады имелись сложные серьги с подвесками в виде кинжальчиков (рис. 10: 4). Все эти объекты, включенные в погребальный ритуал, как бы проводили качественную грань между этими гробницами и рядовыми погребениями.

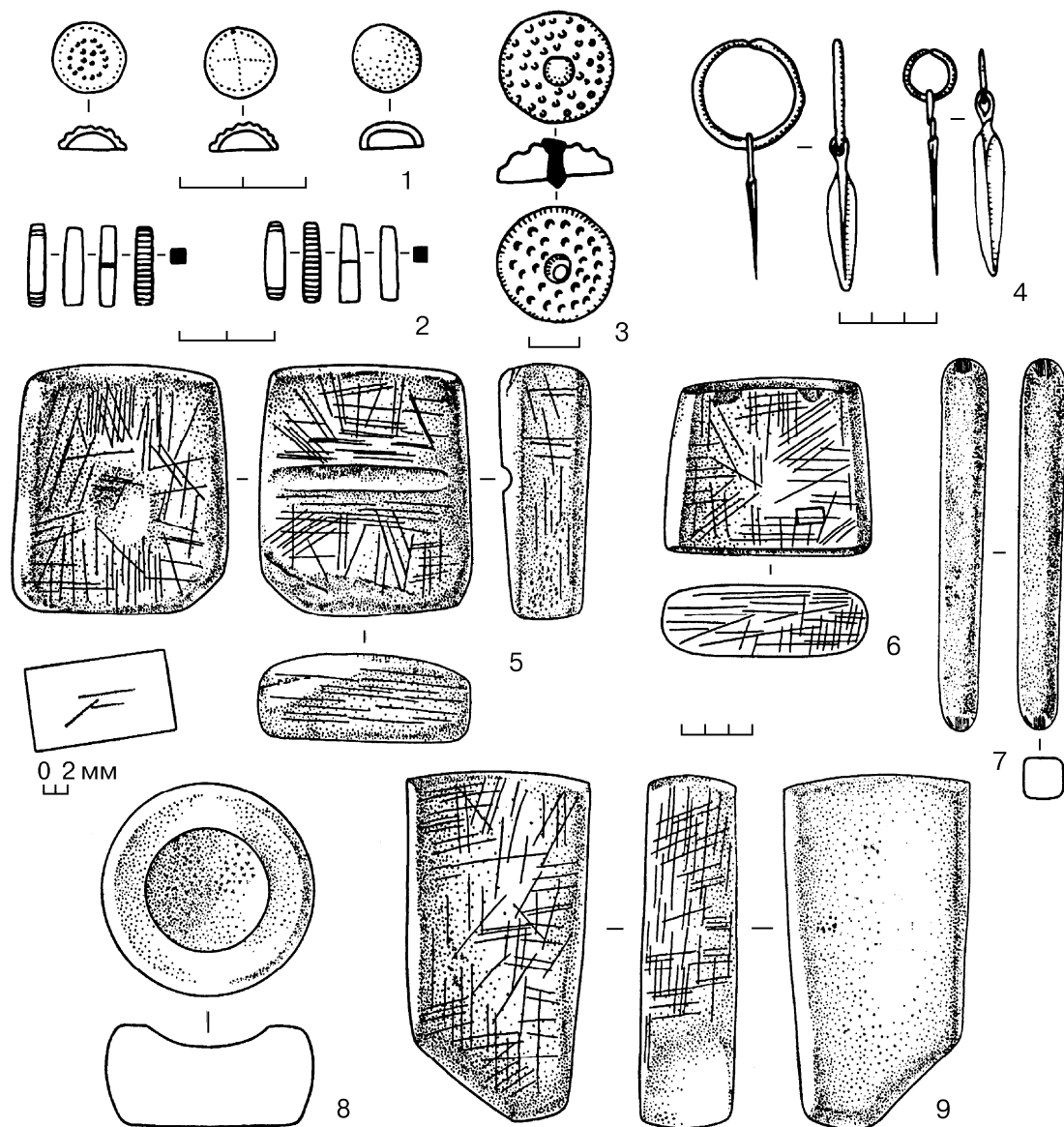

Рис. 10. Курган 31 некрополя Клады:
1–4 – ювелирные украшения; 5–9 – каменные орудия ювелирного ремесла.

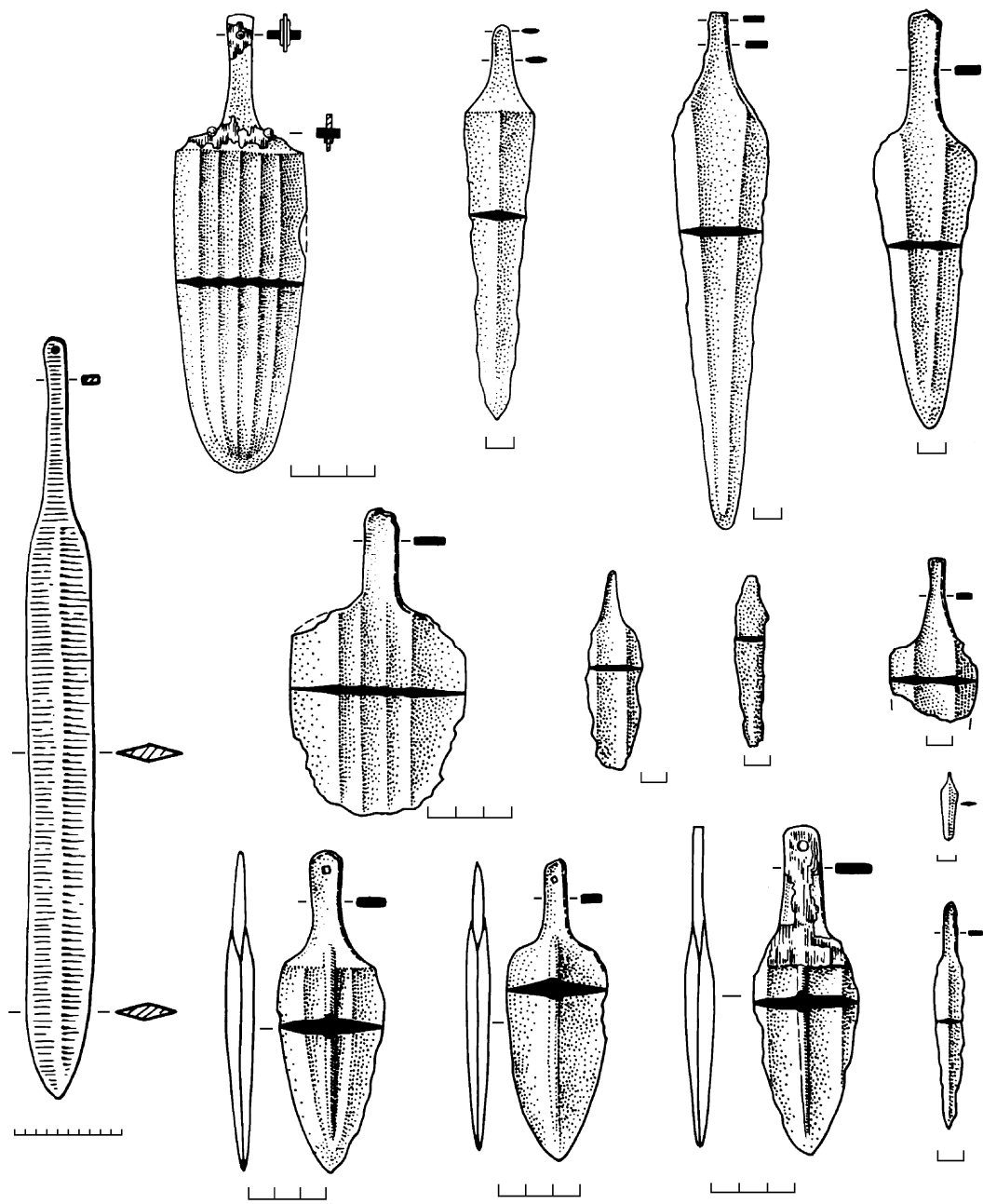

Рис. 11. Курган 31 некрополя Клады. Меч и кинжалы

По материалам гробницы 31 могильника Клады В. С. Бочкаревым было сделано еще одно немаловажное наблюдение. Он пишет, что рядовые погребения по составу инвентаря обычно однофункциональные, тогда как наличие орудий, оружия и культовых объектов характеризует обширность и разносторонность власти погребенных персонажей (Бочкарев и др. 1983: 84).

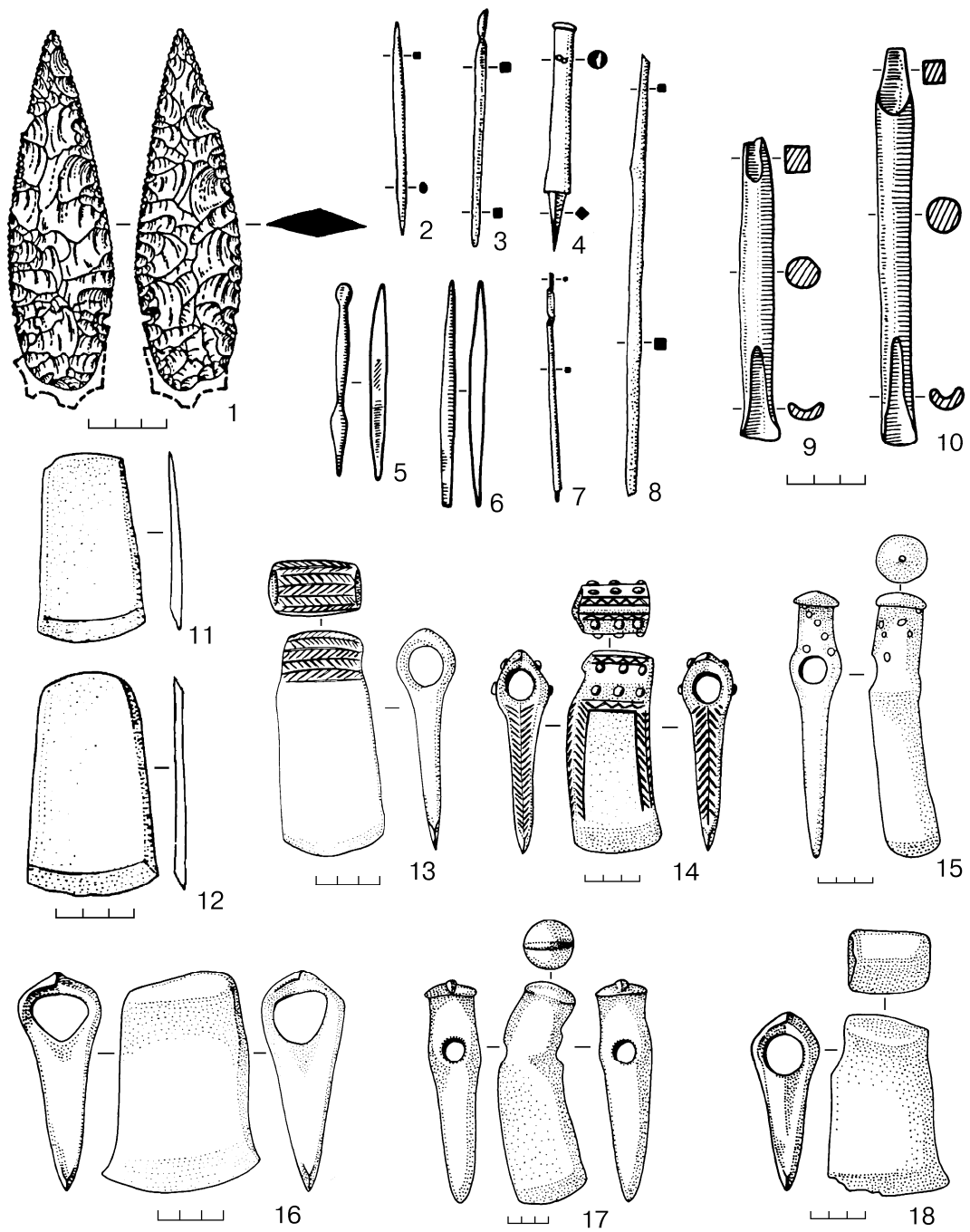

Рис. 12. Курган 31 некрополя Клады.
Каменные и металлические орудия и топоры.

А. Д. Резепкин (1973) предложил классификацию объектов из раскопанного им некрополя знати в Кладах, разделив вещи на две категории: функционально-престижную (культовые объекты, изделия из золота и серебра, украшения, представленные в массовом количестве) и функционально-утилитарную (оружие и орудия). Разумеется, наличие столь разнообразных в функциональном отношении групп предметов отнюдь не обязательно свидетельствует о том, что усопший был одновременно и воином, и жрецом, и портняжкой, и плотником, и кузнецом. Но скорее всего они символизируют именно всесторонность его власти и лидерства. В этом отношении и сам курган 31, и другие гробницы достаточно показательны (рис. 11). Оружие, указывающее на военную функцию, не столь многочисленно и разнообразно, как в захоронениях военных предводителей более позднего времени (особенно начиная с поры поздней бронзы), но представлено достаточно устойчивыми наборами. Повсеместно имеются серии ножей-кинжалов и наконечники стрел. В могильнике Клады в кургане 31 найдены наконечник копья и меч длиной 65 см, находка вообще уникальная для столь раннего времени. Возможно, в функции оружия использовали и некоторые из топоров, особенно богато орнаментированные (рис. 12: 13–15), но этот вопрос остается мало разработанным в специальной литературе. Связь с военной функцией лидеров, погребенных в престижных усыпальницах, подчеркивается и уникальной росписью, обнаруженной на стенах дольмена в кургане 28 аристократического некрополя Клады (Резепкин 1987). Здесь на двух стенах расположены сюжеты, выполненные красной и черной краской. На каждой стене центром является схематический персонаж. По двум сторонам одного из них по краю плиты изображена в ряд вереница идущих лошадей-тарпанов, композиционно продолжающая традиции майкопских серебряных сосудов. На второй плите помещено изображения большого составного лука и колчана. Исследователи уделили особое внимание семантической стороне изображений, предпочитая аналогии в мире индо-европейской мифологии, в том числе древнеиндийской (Vasilkov 1993). Независимо от этнокультурной атрибуции с позиции социологической интерпретации следует считать, что таким образом подчеркивалась в частности связь с военной функцией погребенного лица, подобно тому как в гробницу помещались многократно повторяемые предметы вооружения.

К числу объектов, связанных с культовыми функциями, в гробнице 31 явно относятся круглое колесо-штандарт и две фигурки собачек (рис. 13). Подобными функционально направленными изделиями являются и серебряные сосуды с тематическими рельефами из Майкопа. Наконец, видимо, особую функцию могли играть специфические бронзовые изделия, именуемые втульчатыми вилообразными орудиями. По два таких орудия, иногда именуемых также крюками, было найдено в курганах 1 и 31 в могильнике Новосвободное – Клады. Как отмечал А. А. Иессен (1950: 173), это узлокальная, прикубанская и недолговечно существовавшая форма, что, в частности, характеризует независимый характер местного очага металлообработки. Обычно считается, что эти “вилы” предназначались для вынимания из котлов варящегося там мяса (Бетров и др. 1984: 42). Действительно котлы, в том числе бронзовые, являются чуть ли не стабильной находкой в погребениях майкопского круга и, возможно, связаны с ритуальными пиршествами. Правда сами бронзовые “вилы” находятся далеко не во всех и в реальной жизни могли иметь аналоги из несохраняющихся органических материалов. Уже отмечалось, что сама форма, достаточно причудливая для чисто утилитарных целей, могла символизировать рога быка. Особую семантическую нагрузку этим бронзовым изделиям придает и помещение на одном из изделий Новосвободной двух мужских фигурок. В описа-

ниях они порой фигурируют как два борца. Видимо, более обосновано заключение В. А. Трифонова (1987: 23), видящего в этих скульптурах изображение адорантов, что подчеркивает культово-обрядовую нагрузку этих объектов.

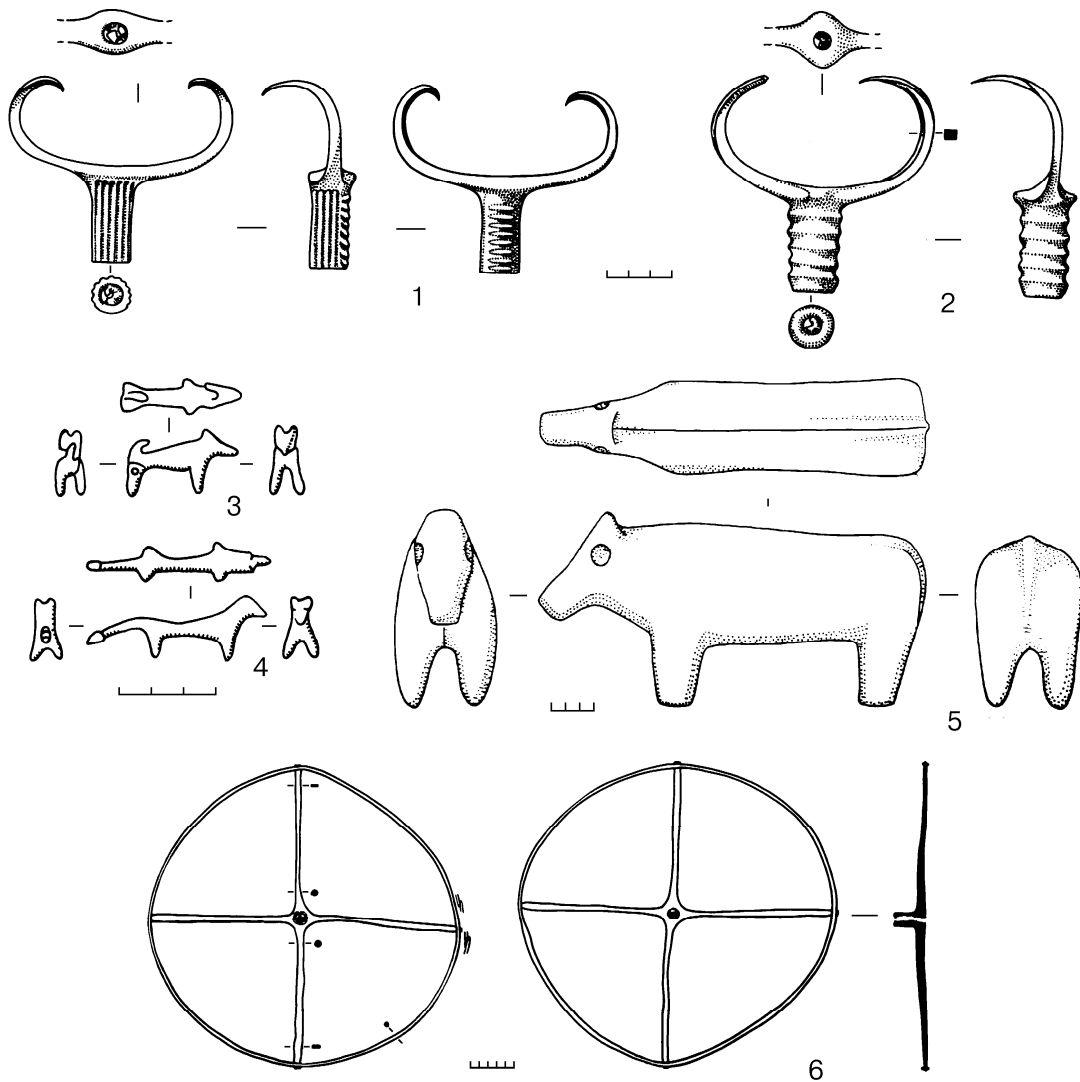

Рис. 12. Курган 31 некрополя Клады.
Каменные изделия, связанные с культовыми функциями.

Достаточно широк спектр изделий, связанных и с чисто производственными функциями. Таковы, прежде всего, разнообразные топоры, тесла и долота, без которых нельзя было обойтись в лесистых предгорьях и которые обеспечивали изготовление самых различных деревянных объектов от строительных материалов до бытовых предметов. Уже отмечалось использование дерева, как столбов, так и плоских плах, в

майкопских гробницах. Дерево было необходимо и для каркасных строений, из которых судя по всему в основном состояли и майкопские поселения. Еще один интересный аспект производственной деятельности выявило функциональное изучение каменных изделий, происходящих из престижных гробниц. В них, как и в рядовых могилах, весьма обычны оселки и каменные изделия, функции которых оставались неопределенными. Изучение каменных изделий из кургана 31 показало наличие двух групп орудий (Коробкова, Шаровская 1983). Первая – это абразивные инструменты, предназначавшиеся для заточки иправки лезвий металлических орудий. Вторая группа напрямую связана с металлообрабатывающим производством (рис. 10: 5–9). Три каменные плитки, судя по следам износа, предназначались для изготовления изделий путем давления или выдавливания, что могло быть широко использовано при обработке золотой фольги, столь обычной в майкопских погребениях. С изготовлением ювелирных изделий связаны четыре шарика из кварца, змеевика и яшмы. По заключению исследователей, эти шарики служили легкими молоточками или миниатюрными давящими прессами, с помощью которых из металлической фольги изготавливались украшения полусферической формы (Коробкова, Шаровская 1983: 92). Аналогичные шарики были найдены в Новосвободненском могильнике и Н. И. Веселовским. Сами полусферические золотые и серебряные бляшки были обнаружены как в гробнице 31, так и в основном майкопском кургане. Таким образом можно считать, что персонажи, погребенные в престижных гробницах, обеспечивались масштабным организованным трудом по возведению погребальных сооружений, их особое положение в обществе подчеркивалось как богатством и пышностью самого погребального инвентаря, так и полифункциональной группировкой по назначению объектов, помещаемых в гробницу. Это была безусловно вершина социальной структуры майкопского общества.

Видимо, вся социальная структура носила в определенной степени иерархический характер. Надежному анализу этого аспекта препятствует обычная нарушенность майкопских погребений. Они, как правило, сопровождалась изделиями из металлов, в том числе и драгоценных, что было хорошо известно грабителям всех эпох. Поэтому пока вопросы социальной структуры майкопского общества можно характеризовать в основном выборочными примерами, а не анализом полного каталога всех открытых гробниц и погребений. Видимо, к основному пласту майкопского населения принадлежит, например, могила “рядового воина”, открытая в бамутском могильнике в кургане 17 (Мунчаев 1975: 305–306). Сам курган относительно невелик – его диаметр достигает 30 м, а высота – 1,7 м. Еще меньшую площадь диаметром в 15 м охватывает кольцо кромлеха, сложенное из двух рядов речного булыжника. Основное погребение расположено в центре в относительно небольшой и неглубокой яме – размерами 1,6 x 1 м при глубине в 60 см. Подстать этим показателям и набор инвентаря: бронзовое копье, штыковидное орудие, три костяных наконечника стрел, одна пастовая и две бронзовые бусины. Вероятно, уже в одной страте были различные уровни состоятельности. В этом отношении показательно относительно богатое погребение подростка в кургане 5 могильника Чегем I (Бетров и др. 1984; Корневский 1981). Этот курган при высоте в 4,6 м имел диаметр около 40 м. Каменное кольцо, сложенное из булыжника, само имело ширину стены в полтора–два метра и охватывало площадь диаметром в 32 м. Основное погребение майкопского времени располагалось в центре, в яме размером 4,5 x 3 м и было практически полностью ограблено. Этой участи избежало впускное погребение также майкопского времени, принадлежавшее подростку. В могильной яме найдены один керамический сосуд, бронзовый котел и челюсть крупного рогатого скота. В области грудины найдены

золотые предметы: массивная игла или проколка, две бусины – граненая и боченкообразная с рифленой поверхностью, и серьга из круглой проволоки с подвеской из красного камешка, перехваченной золотой пластинкой. Бусы и подвеска явно тяготеют к инвентарю элитных гробниц. Скорее всего, в состоятельный ранг входили также и члены семей, и мы имеем в разграбленном центральном погребении могилу главы семьи повышенной состоятельности, при котором был позднее захоронен усопший подросток с вещами, подчеркивающими эту состоятельность. Эти примеры, дополняющие картину элитных гробниц, позволяют предполагать трехранговое членение майкопского общества.

Возможно, с рангом “средней состоятельности” мы имеем дело в погребениях кургана 1 в могильнике у села Кишпек (Чеченов 1990). Сам курган при диаметре в 45–50 м имел высоту в 4,4 м. Находившаяся в центре гробница, сложенная из четырех плит, содержала двойное погребение – мужчины и женщины и представляло, по заключению исследователей, вторичное погребение. Бронзовые изделия представлены котлом, кинжалом, шилом, топором и теслом. Имелся и краснолощеный сосуд. Достаточно разнообразны золотые изделия, хотя это вполне простые вещи: игла с ушком, 60 бус, два височных кольца и 10 пластинок. Находившееся чуть в стороне третье погребение в обкладке из деревянных плах помимо глиняного сосуда содержало бронзовые кинжал и шило, золотое височное кольцо и золотую иглу с ушком. Последняя, судя по частой встречаемости в погребениях среднего уровня и в элитных гробницах, явно принадлежала к числу знаково-престижных объектов. Ранее уже отмечалась возможность наличия ранговой дифференциации внутри самой страты вождей-лидеров (Массон 1973). А. Д. Резепкин (1983) указал на вероятность выделения по материалам элитных гробниц трех рангов.

Достаточно важен вопрос о сопровождающих погребениях, встреченных в престижных гробницах. Традиционно считалось, что в майкопском кургане два сопровождающих погребения (предположительно, женские) “играли подчиненную роль по отношению к основному” (Крупнов 1957: 49). Отмечалось, что если считать, что речь идет о том, что все погребения одновременны, то вполне допустимо предполагать обряд человеческого жертвоприношения (Массон 1973: 103). В нальчикской гробнице два погребения лежат вместе с одной камере, и И. М. Чеченов (1973: 17, 61), отмечая что голова одного из них, судя по всему, была захоронена отдельно, также допускал обряд жертвоприношения. При этом у основного погребенного были сосредоточены золотые изделия. В гробнице 31 могильника Клады в одной камере дольмена вместе со взрослым погребен подросток семи лет. Это позволило А. Д. Резепкину (1983: 26) также склониться к предположению о жертвоприношении. Разумеется, для решения этого вопроса необходим дополнительный материал с тщательной графической фиксацией во время производства раскопочных работ.

Как бы то ни было, северокавказские гробницы ясно показывают, что лидеры, стоящие во главе общества, способны были организовать крупномасштабную деятельность многих людей, осуществляя идеологические утверждения новых институтов через посредство своего рода монументальной пропаганды. Показательна концентрация элитных могил на средней Кубани, являвшейся, видимо, коренной территорией майкопской культуры или майкопской культурной общности. В. А. Трифонов (1983: 11) отмечает, что именно в закубанской части, к которой он добавляет Тамань, налицо строгие каноны и традиции выдержанных типов археологических объектов, и это позволяет говорить о коренной территории. Скорее всего, именно здесь находился политический центр майкопского общества. Распространение культуры майкопского облика и ее элементов в восточном направле-

нии (видимо, вплоть до Дагестана) могло привести к формированию вторичных центров, один из лидеров которых мог быть захоронен в Нальчикской гробнице.

Происходившая в майкопское время концентрация богатства, свидетельством чего являлись гробницы, куда помещались буквально десятки однотипных предметов, нашла еще одно воплощение в археологических материалах. Это Старомышастовский клад, пока остающийся единственным образцом такого вида археологического комплекса (ОАК 1887). Судя по всему, он помещался в гладком сером кувшинчике с крышкой и содержал по существу те же престижные объекты, что и майкопский курган. Это золотая фигурка быка и полая золотая головка льва, бывшая, по заключению М. И. Ростовцева, составным элементом ожерелья (Rostovtzeff, 1922: 21). Здесь также находились 30 золотых проволочных колец, на некоторых были нанизаны сердоликовые бусы, и сами бусы – золотые (2500 шт.), из сердолика и из других материалов (более 400).

Совершенно ясно, что для формирования такого феномена как майкопское раннее комплексное общество были необходимы определенные экономические и социальные предпосылки. Его экономической базой, обеспечивающей получение продуктов питания, были скотоводство и земледелие. По существу, эта хозяйственная система сформировалась уже в предмайкопское время, представленное поселением Свободное. Некоторые исследователи склонны рассматривать это время как раннее проявление майкопской культурной общности (Гей 1991: 32).

Существенным успехом северокавказской археологии является открытие и раскопки А. А. Нехаевым домайкопского поселения Свободное, расположенного на древней террасе р. Кубань (Нехаев 1992). Поселение было укреплено – с напольной стороны его ограждали ров четырехметровой глубины и земляной вал. Каркасные жилища имели площадь в 14–20 м², а всего община из 30–35 таких домов ориентировочно насчитывала 120–150 чел. Это было поселение оседлых скотоводов-земледельцев. Тщательное изучение остеологической коллекции Е. П. Секерской (1991: 11–12) и определение функций орудий труда в экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН позволяет дать общую характеристику хозяйственной деятельности обитателей этого прикубанского поселка первой трети IV тыс. до н. э. Скотоводство может быть охарактеризовано как мясо-молочное, придомное, возможно, с сезонным отгонно-пастбищным содержанием овец. Среди домашних животных первое место занимают мелкий рогатый скот (41,6%) и свинья (35,8%). Сравнительно незначителен удельный вес крупного рогатого скота – всего 4,7%. Неполовозростные особи в массовом количестве забивались посезонно в январе – феврале и октябре – ноябре. Именно на этот период приходится, по половозрастным определениям, и максимум объема охотничьей добычи, которая в мясном рационе играла доминирующую роль. Мясную пищу на 72% обеспечивала именно охота, тогда как скотоводство – только на 28%. Невысок процент вкладышей серпов – всего 5,5% в нижнем слое и 7% в верхнем от общего числа орудий труда. Видимо, уже в это время сформировался тип скотоводческо-земледельческого хозяйства, сохранявший ведущее значение на Северном Кавказе в течение нескольких тысячелетий. Достаточно широко представлены такие домашние промыслы как гончарное, каменно-обрабатывающее и по обработке кости (рис. 14). Для образа жизни характерно наличие костяных ложек, связанных с варкой пищи, что повсеместно от Болгарии до Северного Ирака является важным показателем кухонной деятельности раннеземледельческих общин. Исключительно важно наличие орудий, связанных с металлообработкой. Найдена и медная бусина. Велико количество каменных орудий, связанных с работой по дереву, прежде всего топоров, тесел и долот. Этот традиционный для данного

региона род деятельности обеспечивал, прежде всего, строительство каркасных жилищ и имел устойчивую традицию вплоть до обширных наборов этих инструментов в элитных гробницах последующей эпохи.

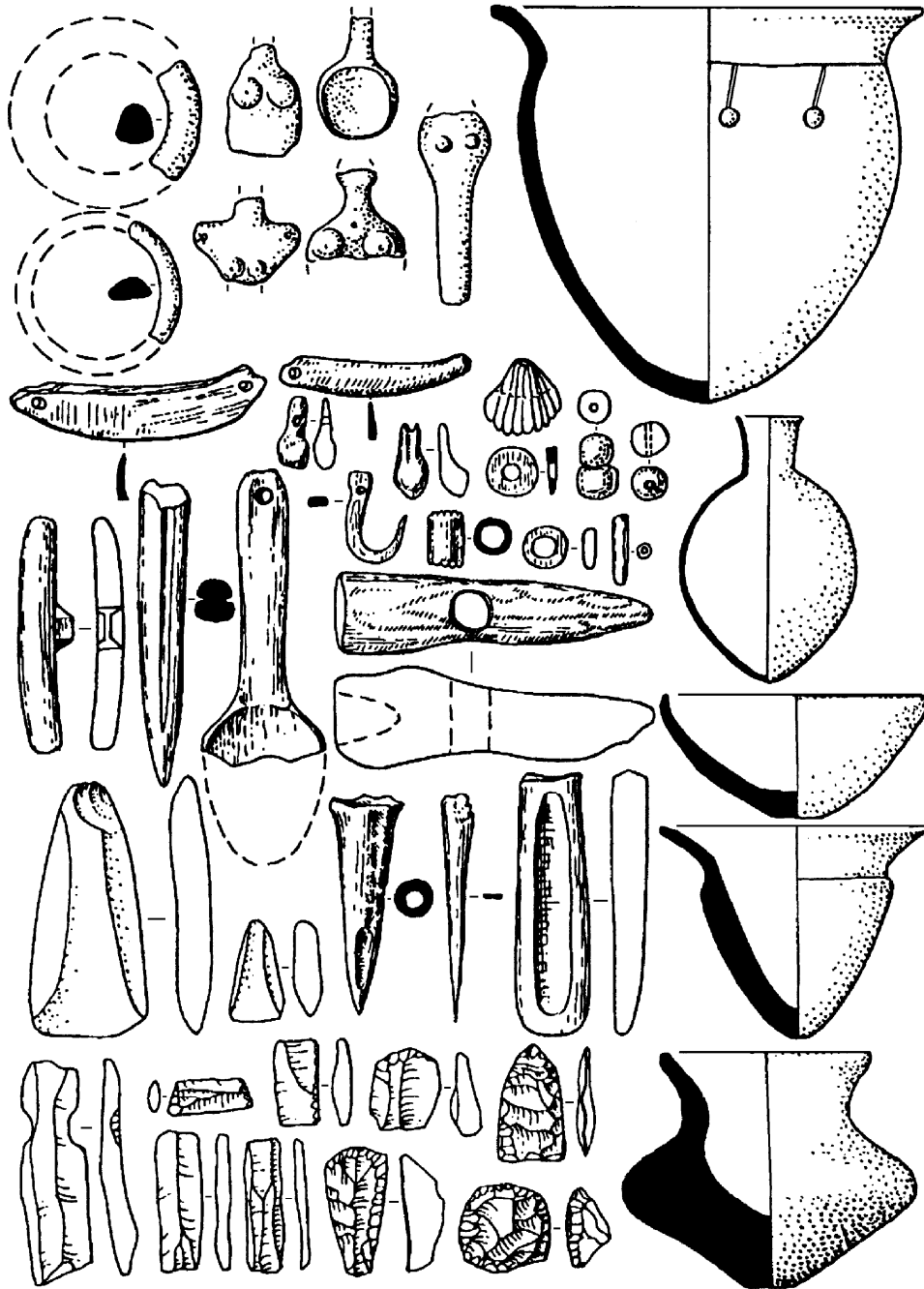

Рис. 14. Комплекс поселения Свободное.

По существу то же комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство характерно и для майкопского общества, что достаточно подробно рассмотрено Р. М. Мунчаевым (1975: 381, сл.). Разумеется налицо и известная порайонная вариабельность, зависевшая от природных условий и отраженная, прежде всего, в составе стада. Так, в горном поселении Мешоко резко доминировало свиноводство. Число известных майкопских поселений сравнительно невелико, они, как правило, имеют сравнительно небольшой культурный слой и плохо сохранились, потревоженные поздними распашками. Как и в Свободном, видимо, преобладали, каркасные постройки с глиняной обмазкой стен и пола. Куски такой обожженной обмазки встречены на ряде памятников. Поселения в основном занимали узкую полосу между горами и степью, располагались на труднодоступных плато и высоких мысах речных долин. Судя по этому функция обороны играла при этом существенную роль. Укрепления известны в таких раннемайкопских и предмайкопских (по А. Нехаеву) поселках как Мешоко и Ясенева поляна. Сравнительно небольшой поселок Мешоко площадью в 1,5 га с напольной стороны окружала стена каменной кладки шириной до 4 м. Необходимость учета в поселках функции убежища, отмечаемая еще в первой половине IV тыс. до н. э., хорошо коррелирует с развитием оружейного дела в майкопском обществе.

Что составляло принципиально новую черту майкопской экономической системы, так это развитие специализированных ремесел. Прежде всего это проявилось в таком массовом производстве как изготовление глиняной посуды. Наряду с архаическими лепными сосудами часть сосудов малых и средних размеров изготовлена очень высококачественно с использованием гончарного круга медленного вращения (Бобринский, Мунчаев 1966; Мунчаев 1975: 373–375). Качественный скачок был совершен в металлообработке, о чем свидетельствуют многочисленные изделия из меди, мышьяковистой бронзы, золота и серебра. Судя по всему, в особое специализированное производство выделилось ювелирное дело. Едва ли есть основания видеть во всех изделиях из металлов сплошной импорт. Отметим, что такие вдумчивые исследователи как М. И. Ростовцев и А. А. Иессен отмечали крайнюю близость серебряных сосудов майкопского кургана местным керамическим формам (Rostovtzeff 1922: 23; Иессен 1950: 174; см. также Мунчаев 1975: 213; Корневский 1988). Видимо, прав Р. М. Мунчаев (1975: 407), считающий широко распространенные в майкопских погребальных комплексах массивные золотые кольца продукцией местного производства. Определение каменных изделий из гробницы 31 в Кладах как приспособлений для изготовления полусферических металлических бляшек позволяет причислять изделия этого типа также к местной продукции. На местную металлообработку указывает и ряд специфических типов металлических изделий, как, например, уже упоминавшиеся вилообразные орудия. Явно местного производства многочисленные медные и бронзовые котлы, судя по форме и специфически майкопскому “жемчужному орнаменту” (Мунчаев 1975: 402). Нет сомнений в том, что металлообработка, а может быть и металлургия, составляли одну из процветающих отраслей майкопской экономики, обеспечивая богатство общества и его воздействие на соседние культуры, столь явственно проявляющееся в степной зоне (Нечитайло 1991).

Этот аспект естественным образом затрагивает проблему развития обменных связей или даже первобытной торговли, направленной на дальние дистанции. Отметим, что функцию первобытных денег (о них см.: Массон 1976: 91) могли играть золотые кольца, как массивные, так и проволочные, которых, например, в Старомышастовском кладе было 30 штук. Эти объекты как “престижные деньги” вполне могли выполнять функцию сокровищ. Не вполне ясен товарный эквивалент обменных

связей со степной зоной, где местные производства на порядок уступали продукции майкопских мастеров. Высказывались предположения, что это могли быть скот, зерно и соль (Крупнов 1957: 42–43; Нечитайло 1991: 101–102). Имеются в майкопских комплексах импортные объекты и южного, более далекого происхождения. Произведенное Г. Г. Леммлейном (1947) исследование драгоценных камней показало, что сердолик доставлялся из Ирана или Индии, лазурит, как и на всем Древнем Востоке, из афганистанского Бадахшана, бирюза – из Ирана, морская пенка – из Анатолии. Видимо, к числу импортных изделий принадлежат изысканные бусы и серьги элитных гробниц, так же как и скажем нашивные золотые бляшки в виде фигурок львов из самого Майкопа. Эти объекты могли быть получены в ходе военно-торговых экспедиций, на чем мы остановимся в дальнейшем. Как бы то ни было, хозяйственная система майкопской эпохи обеспечивала надежную экономическую основу развития раннего комплексного общества. Но для реализации этих предпосылок необходимы были дополнительные факторы почти политического характера, создавшие условия для выдвижения престижных и властных лидеров. Это могло быть систематическое освоение новых земель, требовавшее не только организационных усилий, но и вооруженного обеспечения при контактах с аборигенами. Отметим, что функция освоения новых пространств была одной из важных, обуславливавших возвышение властных структур, которые и с исчезновением этой функции могли деградировать как социально-политический организм (Маретина 1980). Особое значение имела военная функция, и развитие оружейного дела позволяет говорить о военно-аристократическом пути политогенеза. Стимулом соответствующих социально-политических процессов и факторов, способствовавшим накоплению богатств, явно были древние переднеазиатские связи, на которых необходимо остановиться особо.

Этот вопрос связан с проблемой формирования майкопского культурного комплекса, нашедшего свое прямое отражение в археологических наборах. Это формирование, как это обычно для эпохи, начиная с поры палеометалла, когда резко усилились связи и взаимодействия, было достаточно сложным. Р. М. Мунчаев (1975: 371, сл.) сформулировал это как сочетание двух компонентов – переднеазиатского, в широком смысле этого слова, и местного. Вопрос о переднеазиатском или древневосточном компоненте возник сразу же после начала анализа замечательных серебряных сосудов с рельефами, найденных в майкопском кургане. Б. В. Фармаковский (1914: 64), приводя широчайший круг стилистических и семантических аналогий, достаточно четко сформулировал положение о том, что на эти области Северного Кавказа простиралось культурное влияние Передней Азии, главным образом, малоазийского хеттского мира. С тех пор эта проблематика стала как бы вечной темой майкоповедения. М. И. Ростовцев со свойственным ему талантом широко мыслящего историка предпочел говорить о вхождении этих объектов в широкий круг стилистических и идеологических явлений, признавая за самими сосудами местное производство (Rostovtzeff 1920; 1922: 21–28). Эти общие, своего рода стадияльные аналогии (ср. Иессен 1950: 187) постаралась достаточно однозначно интерпретировать М. В. Андреева (1977; 1979). По ее мнению, майкопские материалы обнаруживают определенное генетическое родство с северосирийским Амуком и северомесопотамской Гаврой, что позволяет говорить о “проникновении определенных групп переднеазиатского населения на Северный Кавказ” (Андреева 1977: 56). Не стал вступать в значительное противоречие с этой позицией и Р. М. Мунчаев (1975: 334), говоря, что в сложении того, что он именовал “вторым компонентом” майкопской культуры, переднеазиатские импульсы играли немаловажную роль, что группы населения из Месопотамии могли достигнуть Причерноморья и уже оттуда проникли в Предкавказье (Мунчаев

1975: 376). Несколько модернизировать подобные взгляды постарался В. А. Трифонов (1978: 21), заключая, что существовал целый блок “родственных культур” от Гавры до Майкопа. Начали проявляться и все растущие нотки скептицизма. Так, С. Н. Кореневский говорит о формировании Майкопа как о многокомпонентном процессе и тут же добавляет “данных о прямой ближневосточной миграции в долины Терека и Кубани нет” (1991: 40).

Активным сторонником миграционной концепции выступил В. А. Сафронов (1982), попытавшийся даже для удобства синхронизации с историческими событиями в Передней Азии омолодить майкопскую культуру, поместив начало собственно Майкопа в XXIV в. до н. э. Это едва ли может быть воспринято иначе, как несколько нарочитая экстравагантность.

Действительно, отдельные аналогии из набора майкопских артефактов и некоторые более общие явления от внедрения гончарного круга медленного вращения до общего стиля знаменитых майкопских серебряных сосудов в целом указывают на определенное воздействие древневосточных традиций и эталонов, а в ряде случаев (пока еще не установлено достоверно во всех ли) – и на прямой импорт из зоны первых цивилизаций и их ближайшей периферии. О цилиндрической печати стиля Гавра уже упоминалось в предшествующем изложении.

М. В. Андреева (1977) положила начало разработке прямого сопоставления типов майкопской керамики с древневосточными комплексами, прежде всего с Сирией и Северной Месопотамией. Эту линию продолжил и В. А. Сафронов (1982), стараясь обосновать сроки и направления движения на Кавказ арамейских племен из района сирийского Харрана. С позиции чисто типологического анализа эти построения едва ли строго выдержаны. Во-первых, речь идет в основном об одной форме шаровидных сосудов с невысоким отогнутым венчиком, форме, не обладающей узко выраженной локальной спецификой и практически, как конвергентное явление, известной повсеместно. Во-вторых, речь идет не о сопоставлении комплексов, в том числе специфических системообразующих форм и типов, а об отдельных аналогиях, которые к тому же имеют несколько расплывчатый характер. Другое дело – вопрос о гончарном круге. Это действительно могла быть стимулированная технологическая инновация. Но показательно, что это не совершенный гончарный круг быстрого вращения, а довольно архаичский инструмент, как и сами формы изготавливаемых на них сосудов.

Другое дело вопрос об украшениях, особенно золотых бусах и подвесках сложной конфигурации. Действительно они имеют месопотамские, точнее скажем, шумерские аналогии, которые правда пока не проанализированы с позиций четкой типологической привязки. Число подобных общих аналогий, видимо, может быть расширено. Так, В. А. Трифонов не без оснований отметил, что парные бронзовые петлеобразные предметы майкопских комплексов, обычно трактуемые как псалии, более обоснованно сопоставляются с идентичными по форме древневосточными культовыми символами, атрибутами различных божеств, что, как пишет автор, “может быть естественным отражением тематического и сюжетного родства” (1987: 23).

Особо следует остановиться на майкопских серебряных чашах, действительно представляющих собой уникальное явление в древней торевице. Эти изображения могут быть рассмотрены с трех позиций – композиции, отдельных образов и стилистического решения. Анализ композиции тесно связан и с вопросами семантики. Основной композиционный прием может быть трактован как процессия животных (рис. 15 Это традиционное построение, берущее свое начало в принципах ритмики, утвердившейся в искусстве с раннеземледельческой эпохи и хорошо воплощающееся во фризах расписных сосудов. В такой последовательности изображаются

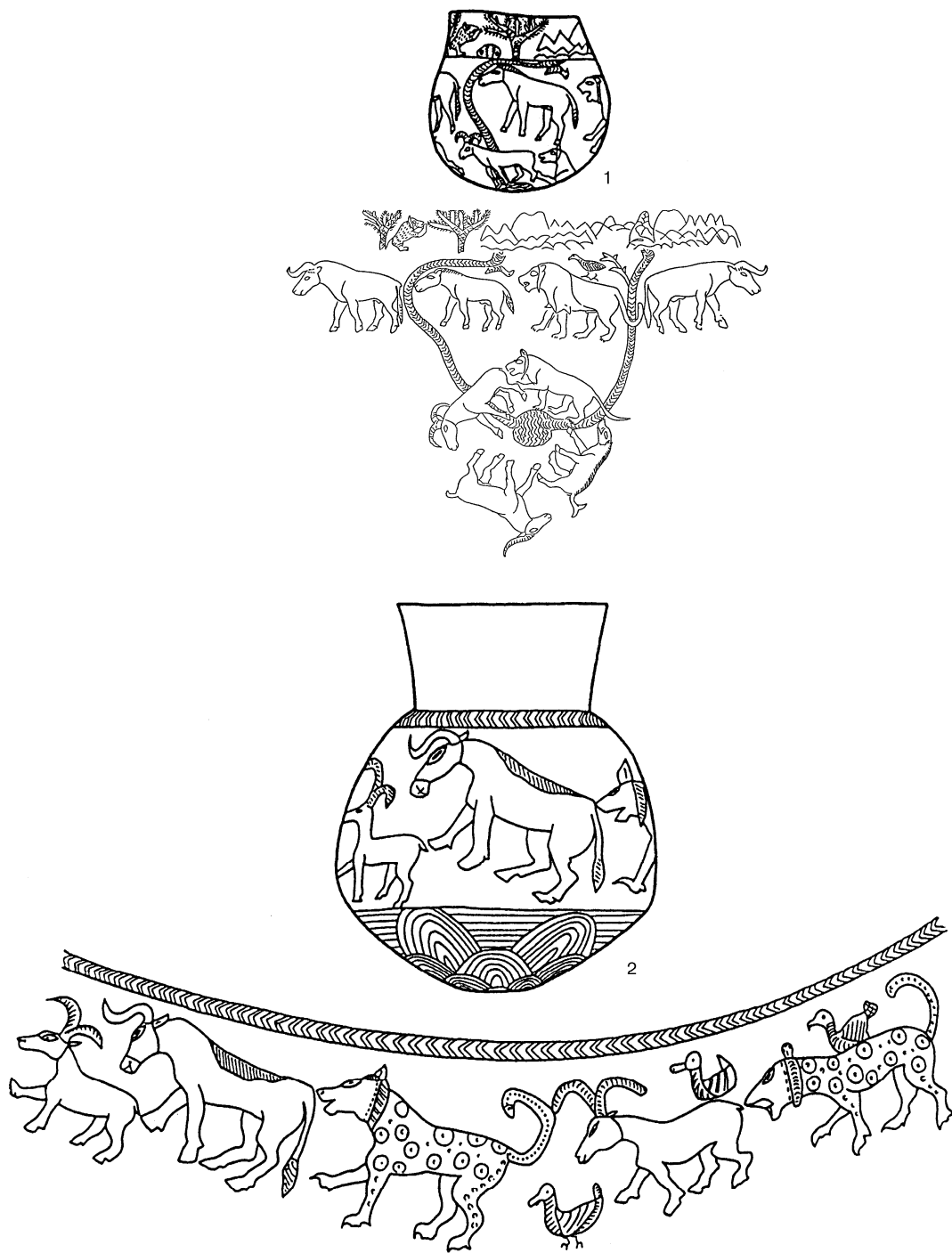

Рис. 15. Майкопская гробница. Серебряные сосуды с изображениями процессии животных.

животные порою даже различных пород. Это было своего рода эпохальное решение, бродячий сюжет от древних центров до далекой периферии раннеземледельческой ойкумены. Укажем, например, на расписной сосуд из раннеземледельческого поселения Кара-тепе в Южном Туркменистане времени Намазга Ш, т. е. практически одновременный раннему Майкопу, где воспроизведена процессия “пятнистых коров” и расположенных над ними птиц (Массон 1960: табл. XXI, 17). Так что перед нами безусловно стадиальное явление, характерное для эпохального типа культуры, не несущее хронологической или генетической нагрузки. Иначе дело обстоит с участниками этого шествия животных. Наиболее экзотична фигура льва, отнюдь не являющегося представителем местной фауны и стилистически безусловно следующего месопотамским образцам, что наиболее подробно рассмотрено в последней сводке Николаевой – Сафронова (Николаева, Сафронов 1982: 35–38, рис. 1). Едва ли эти звери попадали в майкопские зоопарки подобно тому, как это, видимо, имело место в иньском Китае с экзотическими животными юга вроде слонов и носорогов. Скорее всего перед нами прямое семантическое и стилистическое заимствование, возможно, восходящее к нашивным золотым бляшкам того же майкопского кургана, которые скорее всего являются импортными объектами, хотя и не имеют пока в Месопотамии четких типологических и хронологических привязок. Этим, пожалуй, дело и ограничивается. Все остальные персонажи: бык, козел, баран, барс, лошадь (видимо, дикая), кабан и медведь – безусловно представлены в местной фауне (рис. 10). Как небезосновательно отмечал М. И. Ростовцев, при общих стилистических аналогиях с Древним Египтом вместо египетских слонов, жирафов и змей в Майкопе мы имеем дикого кабана, медведя и дикую лошадь (Rostovtzeff 1922: 28). Отметим, что образ лошади, в данном случае скорее всего тарпана, вообще исключительно редок на древнем Востоке, где преобладали как тягловые животные онагры. На Северном Кавказе эти животные воспроизведены и в росписи на одной из гробниц в некрополе Клады (Резепкин 1987). Весьма характерна трактовка фигур пятнистых хищников-барсов. Они, как справедливо отмечают Н. А. Николаева и В. А. Сафронов (1982: 40), изображены со складкой, как бы ошейником, на шее. Это явно восходит к трактовке фигур львиц на тех же майкопских сосудах, да и в искусстве Месопотамии. Но эти “пятнистые львицы” при подобном иконографическом заимствовании в целом полостью местный образ, на Древнем Востоке нет таких изображений барсов с “ошейниками”. Что же касается сюжета, то довольно популярно предложение Б. В. Фармаковского, усматривавшего в изображении на первом из майкопских сосудов воспроизведение собственно северокавказского пейзажа. Н. А. Николаева и В. А. Сафронов (1982: 48) предпочитают видеть здесь изображение той страны, откуда пришел “майкопский народ”, выводимый ими из областей Передней Азии. Но подобные поиски природы древних пейзажистов едва ли особенно перспективны. Более удачным представляется предложение М. И. Ростовцева, усматривавшего в сюжете с горами, озером, рекой и животными картину своего рода священного парадиза, что само по себе сюжетно уникально для этой эпохи (Rostovtzeff 1922: 28). Таким образом, можно считать сцены майкопских серебряных сосудов, композиционно и стилистически отвечающих эталонам своей эпохи, в целом местным произведением, что по существу возвращает к основной концепции М. И. Ростовцева. Можно также процитировать заключение А. А. Иессена (1950: 187), который со свойственной ему интуицией писал, “что древневосточные аналогии не выходят за пределы общих сближений, иногда ярких, формальных совпадений, объясняемых стадиальной близостью идеологии

варварских обществ в разных странах”. С позиций культурогенеза можно говорить о проявлении неких черт эпохального культурного типа (о нем см.: Массон 1996: 35).

Более конкретно выступают данные, характеризующие то, что Р. М. Мунчаев назвал первым или местным компонентом майкопского археологического комплекса. Совершенно ясно, что в общем плане, в том числе и территориально, майкопская культура является наследницей скотоводческо-земледельческого культурно-хозяйственного типа, представленного на Северном Кавказе домайкопскими памятниками, столь ярко выживших после раскопок Свободного. Имеются и прямые типологические цепочки в наборах артефактов. Таковы, например, каменные “браслеты”, которые скорее всего имели утилитарное назначение как подставки под сосуды с шаровидным дном. Весьма интересно прямое типологическое, а, возможно, и семантическое продолжение использования подвесок из зубов оленя. Это старая традиция архаических обществ Восточной Европы, представленная еще в Мариупольском могильнике. Налицо такие подвески в Свободном. Имеются они и в гробнице Новосвободной, раскопанной Н. И. Веселовским. Для элитарных гробниц изготавливались престижные варианты таких подвесок из горного хрусталя, по форме имитирующие подвески из зубов оленя (Резепкин 1991: 186). Кремневая индустрия также имеет отчетливые местные истоки, уходящие в традиции более широкого круга памятников, включающих ряд стоянок Западного Кавказа. Помимо хозяйственного наследия в виде комплексной скотоводческо-земледельческой экономики, налицо и определенные традиции идеологической сферы. Образ быка был весьма популярен в Свободном, где найдено около 30 фигурок, изображающих это животное. Причем это не калька с состава стада, где крупный рогатый скот представлен весьма редко, а значение особой культовой роли этого животного. Традиции антропоморфной местной пластики в Свободном и некоторых других памятниках рисуют картинку, совершенно отличную от Закавказья, где мобильная антропоморфная скульптура удивительным образом почти не представлена. Типологически северокавказские скульптуры находят даже столь отдаленные аналогии как трипольские статуэтки. Наконец, сам погребальный обряд со скорченным положением погребенных, обильной подсыпкой охры и сооружением курганов явно тяготеет к восточноевропейским степным традициям в широком понимании и по крайней мере по двум показателям (охра и курганы) отличен от погребальных обрядов Ближнего Востока. Исследователи указывают и некоторые иные аналогии, сопоставляя майкопские традиции с тем явлением, которое А. Д. Резепкин (1991: 184, 189) обозначил как “среднеэпохально-хвалынская линия развития”.

Нет сомнений, что историческое значение феномена Майкопа заключается в том, что он представляет собой образец раннего комплексного общества, сформировавшегося вне зоны древневосточных цивилизаций. Как уже отмечалось, целый ряд культурных формопроявлений Майкопа от предметов изысканной бижутерии до сюжетов композиционных построений на серебряных сосудах могут быть вписаны в широкий круг переднеазиатских древностей. Соблазнительно было бы видеть в самом факте формирования общества столь высокой социальной стратификации и отражение прямого появления на Северном Кавказе групп культуртрегеров, возглавивших местных варваров. Однако надо прямо сказать, что, с точки зрения ближневосточной археологии, майкопский археологический комплекс, как устойчивый набор изделий, не находит прямого соответствия ни в одной из групп переднеазиатских памятников, будь это Северная Месопотамия или Сирия. Принципиально отличается погребальный обряд, этот важный показатель древних этнокультурных общностей. Не шумеры и не выходцы из Сирии погребены под курганными насыпями Северного Кавказа. Там покоятся лидеры местного населения, следующие традиционным

обрядам, столь популярным в мире степей. Все это позволяет считать, что высокие социальные структуры не были привнесены из центров ближневосточных цивилизаций, а явились естественным этапом в развитии местных обществ.

Экономику производства пищи этого общества обеспечивала система, сочетавшая скотоводство и земледелие, сложившаяся еще в домайкопские времена. Прибавочный продукт, получаемый в этой хозяйственной системе, стал подлинной основой дальнейшего развития общества. Весьма важно, что истоки металлообработки также уходят в домайкопские времена. Вместе с тем развитие специализированных производств и, в первую очередь, металлообработки стало вторым краеугольным камнем собственно майкопской экономики. В этих условиях и произошло выделение элитной верхушки, сумевшей сосредоточить в своих руках власть и богатство. Опираясь на них, она смогла организовать целенаправленный труд крупных коллективов, выразившийся в сооружении монументальных гробниц. Фактором, способствующим обособлению этой власти, могло быть расселение с целью колонизации новых территорий. Концентрация элитных гробниц по средней Кубани может свидетельствовать о том, что именно здесь находился политический центр майкопского общества. Другим важным источником власти могла быть военная функция. Механизм переднеазиатских связей, способствовавших стимулированной трансформации отдельных блоков культуры и хозяйственной деятельности, может быть объяснен как военно-торговые экспедиции в благодатные края первых цивилизаций. В литературе уже давно отмечалось, что пути таких связей, как бы ни объяснять сам их механизм, могли проходить по прибрежным районам Западного Кавказа, где в культурных слоях ряда памятников встречается керамика майкопского типа. Менее ясен вопрос восточного, прикаспийского пути, косвенным указанием на который, как справедливо отметил Р. М. Мунчаев (1975: 386), может быть появление элитной курганной гробницы в Мильской степи, явно следующее майкопским традициям освящения власти лидера, хотя и с отличным набором массовых артефактов. Такие экспедиции и получаемые в их процессе богатства в виде парадных одежд и предметов украшений могли способствовать обособлению власти майкопских лидеров, военно-аристократическому пути политогенеза. Именно социальная структура раннего комплексного общества с его возможностями концентрации власти и богатств позволила относительно бедным общинам скотоводов и земледельцев Северного Кавказа достичь столь заметных успехов в культурной и интеллектуальной сферах. Как и при феномене Стоунхэнджа, эта система, которую в британском случае прекрасно охарактеризовал К. Ренфрю (Renfrew 1973) позволила в мире малосостоятельных общинников добиться столь выдающихся достижений в культуре и архитектуре. В майкопском обществе благодаря этой социальной организации был создан значительный экономический, культурный и, видимо, политический потенциал, возвысивший его над соседями и позволявший оказывать импульсивное влияние своими культурными и технологическими эталонами на отдаленные области степного мира вплоть до Днепра.

В рамках этой же концепции следует искать объяснение постмайкопской деградации, явственно отражающей сложный исторический характер ритмов культурогенеза. Налицо явная дезинтеграция, скорее всего связанная с тем, что данная социальная структура исчерпала заложенные в ней возможности. Майкопское общество, как и раннеземледельческие образования Юго-Восточной Европы, представляет неурбанистический путь развития. Внутреннюю слабость майкопского общества составляли малая демографическая насыщенность основных экологических ниш, доминанта в горных районах скотоводческой модели развития. Майкопские поселения невелики по размерам и сравнительно редко расположены. Они явно не образуют того

мощного демографического пласта, который является исходным для дальнейшей эволюции ранних комплексных обществ к государству и цивилизации. Какие-либо предтечи урбанистических образований, хотя бы наподобие трипольских суперцентров, здесь отсутствуют. В результате концентрация власти, обеспечивающая процветание на протяжении нескольких столетий, не получила социально-экономических стимулов для дальнейшей эволюции. Определенную роль в сокращении военно-торговых связей на дальние дистанции могла сыграть и энергичная агрессия аккадских правителей шумера, изменившая политическую ситуацию в Передней Азии. Правда, судя по продолжающемуся развитию и совершенствованию типов оружия, значение военной функции в жизни северокавказских обществ в определенной мере сохранялось, но пышность и блеск майкопских лидеров угасает. На смену им в регионе идут закавказские вожди Бедени, а затем Триалети. Центр импульсивного развития все отчетливее смещается на юг. Таковы были сложные конкретные пути культурогенеза и социогенеза на крайнем юге Восточной Европы.

- АНДРЕЕВА, М. В. 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. № 1.
1979. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. № 1.
- БЕТРОЗОВ, Р. Ж., А. Х. НАГОЕВ. 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем V и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- БОБРИНСКИЙ, А. А., Р. М. МУНЧАЕВ. 1966. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108.
- БОЧКАРЕВ, В. М., Э. С. ШАРАФУТДИНОВА, А. Д. РЕЗЕПКИН, В. А. ТРИФОНОВ, Г. В. БЕСТУЖЕВ. 1982. Работы Кубанской экспедиции 1978–1980 гг. // Древние культуры евразийских степей. Л.
- ГЕЙ, А. Н. 1991. Майкопско-новосвободненский феномен в структурном и динамическом аспекте // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- ИЕССЕН, А. А. 1950. К хронологии больших кубанских курганов // СА. № XII.
1962. Майкопская культура и ее датировка // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных полевым исследованиям 1961 г. М.
- КОРЕНЕВСКИЙ, С. Н. 1981. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии // СА. № 1.
1988. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
1991. К вопросу о Майкопе на среднем Тереке // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
1996. К вопросу о локальных различиях и внутренней типологии Майкопско-Новосвободненской общности с учетом данных ее поселений // МЕА.
- КОРОБКОВА, Г. Ф., Т. А. ШАРОВСКАЯ. 1983. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи бронзы у станиц Новосвободной и Батуринской // Древняя культура евразийских степей. Л.
- КРУПНОВ, Е. И. 1957. Древняя история и культура Кабарды. М.
- ЛЕММЛЕЙН, Г. Г. 1947. Техника сверления каменных бус на Кавказе // КСИИМК. Вып. XVII.
- МАРЕТИНА, С. А. 1980. Эволюция общественного строя у горных народов северо-восточной Индии. М.
- МАССОН, В. М. 1960. Кара-депе у Артыка // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. X. Ашхабад.
1973. Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые вопросы социологической интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
1991. Майкопский феномен и концепция ранних комплексных обществ // Майкопский феномен. Л.

- 1991а. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в исторической перспективе. Л.
1996. Исторические реконструкции в археологии. Самара.
- МУНЧАЕВ, Р. М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
1994. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М.
- МУНЧАЕВ, Р. М., А. Л. НЕЧИТАЙЛО. 1966. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА. № 3.
- НЕЧИТАЙЛО, А. Л. 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.
1991. Специфика культурных групп майкопской общности // Майкопский феномен. Л.
- 1991а. Связи населения Северного Кавказа и населения степной Украины. Киев.
- НЕХАЕВ, А. А. 1986. Погребение майкопской культуры у с. Красногвардейское // СА. № 1.
1991. О периодизации домайкопской культуры Северо-Западного Кавказа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- НИКОЛАЕВА, Н. А., В. А. САФРОНОВ. 1982. Хронология и происхождение майкопского искусства // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- ПОПОВА, Т. В. 1963. Дольмены станицы Новосвободной. М.
- РЕЗЕПКИН, А. Д. 1983. Погребение вождей майкопской культуры // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. Л.
1987. К вопросу об интерпретации стеной росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободной // КСИА. Вып. 192.
1992. Курган 31 могильника Клады // Древние культуры Прикубанья. СПб.
1996. К проблеме соотношения культур эпохи энеолита – ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья // МЕА. СПб.
- САФРОНОВ, В. А. 1982. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим данным и письменным источникам // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- СЕКЕРСКАЯ, Е. П. 1991. Скотоводство и охота на Украине в эпоху палеометалла – раннего железа: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- СТОЛЯР, А. Д. 1962. Мешоко – поселение майкопской культуры // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп.
- ТРИФОНОВ, В. А. 1983. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
1987. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. Вып. 192.
1991. Особенности локально-хронологического развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
1996. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // МЕА.
- ФАРМАКОВСКИЙ, Б. В. 1914. Архаический период на юге России // Материалы по истории России. № 34. СПб.
- ЧАЙЛД, Г. 1952. У истоков европейской цивилизации. М.
- ЧЕРНОПИЦКИЙ, М. П. 1987. Майкопский “балдахин” // КСИА. Вып. 192.
- ЧЕЧЕНОВ, И. М. 1970. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике // СА. № 2.
1986. Курган 2 у селения Кишпек в Кабардино-Балкарии // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
1990. Богатое захоронение в кургане раннебронзового века у селения Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и средние века. М.
- RENFREW, C. 1973. Before civilization. Radiocarbon Revolution and prehistoric Europe. New York.
1984. Approaches to social archaeology. Oxford.
- ROSTOVITZEFF, M. 1920. L'age du cuivre dans le Caucase Septentrional et les civilisations de Sumer et de l'Egypte protodynastique // Revue archeologique. XII.
1922. Iranichs and Greeks in South Russia. Oxford.
- VASILKOV, Y. V. 1993. Some Indo-Iranian mythological motifs in the art of Novosvobodnaya (“Maykop”) culture // South Asian Archaeology. V. II. Helsinki.

**КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И
КУЛЬТУРА СТРОИТЕЛЕЙ ДОЛЬМЕНОВ НА КАВКАЗЕ**

Наиболее сложной проблемой в археологии остается изучение процессов смены археологических культур. Цель настоящей работы – анализ характера и путей культурогенеза на Северном Кавказе при переходе к эпохе средней бронзы. Мы не пытаемся установить происхождение культуры строителей дольменов Западного Кавказа, поскольку этому препятствует современное состояние источников. К тому же, согласно разделяемой нами блоковой концепции В. С. Бочкарева “культуры не появляются и не исчезают поодиночке” (1982), поэтому методически неверно выяснять происхождение отдельной культуры, и следует проанализировать процесс смены культур региона в целом.

История изучения памятников эпохи раннего металла на Западном Кавказе насчитывает почти два столетия. И все это время не ослабевает внимание исследователей к феномену мегалитических сооружений. Историография, подробно изложенная в работах В. И. Марковина (1978; 1994), насчитывает сотни названий монографий, статей и заметок. Однако несмотря на столь устойчивый интерес исследователей, проблемы культуры среднего бронзового века (далее – СБВ) Северо-Западного Кавказа далеки еще от решения. Отметим, что здесь нет недостатка в смелых гипотезах, причем одни и те же материалы рассматриваются с совершенно противоположных позиций. Прежде чем кратко остановиться на основных гипотезах, обратим внимание на принципиальное обстоятельство, препятствующее, на наш взгляд, положительному решению проблемы. Дело в том, что исследователями были ошибочно выбраны приоритеты при выделении культуры и попытках выяснения ее происхождения. В итоге, вместо культуры строителей дольменов (далее – КСД) изучалась “дольменная культура”, “культура дольменов” или даже “дольмены Западного Кавказа”, что нашло отражение в названии итоговой монографии В. И. Марковина и написанного им же раздела “Археологии России” (Марковин 1978; 1994). Поэтому, изучение культуры СБВ Западного Кавказа сводилось в основном к частной проблеме типологии и архитектуры погребальных сооружений, а происхождение всех компонентов культуры подменялось попытками выяснить происхождение дольменов путем сравнительного анализа мегалитов мира.

В результате, последние пятьдесят лет интенсивных исследований не принесли почти ничего нового для решения проблемы происхождения “кавказских дольменов”. Так, еще в конце сороковых годов Б. А. Куфтин указывал на близость культуры строителей кавказских дольменов к культурам Средиземноморья (1949). Сегодня В. И. Марковин связывает происхождение дольменов Кавказа с миграцией их строителей из Средиземноморья, из района Пиренейского полуострова (1994), причем аргументация практически не изменилась.

Неясно, какое отношение сравнительно-типологические исследования погребальных сооружений имеют к проблеме происхождения КСД Западного Кавказа, ведь ни плиточные дольмены (99,5% от всех построек), ни единичные подковообразные гробницы, ни одно из известных кавказских мегалитических сооружений не повторяют в точности пиренейские, да и какие-либо иные постройки за пределами

Кавказа. Не найдены на Кавказе и археологические материалы, позволяющие подобрать аналогии в культурах строителей мегалитов иных регионов. В то же время, одним из обязательных условий для принятия гипотезы миграции строителей дольменов на Кавказ является наличие археологических комплексов-калек исходного района такой миграции.

Именно принятый а priori тезис о миграции строителей дольменов привел исследователей к смещению приоритетов и к поиску происхождения кавказских памятников путем сравнения их с постройками других регионов.

Давно установлено однако, что мегалитическое строительство повсюду подчинялось единым закономерностям и в различных регионах обнаруживаются одни и те же основные типы сооружений: галерейные и коридорные гробницы, дольмены, цисты и т. п. Поэтому, следует, по-видимому, признать возможность полицентрического возникновения и освоения мегалитической традиции, как это уже признается многими исследователями в отношении катакомбного погребения. Дело в том, что большинство мегалитических сооружений, так же как и катакомбы, являлись формой реализации идеи склепового погребального обряда.⁴

Для выяснения происхождения мегалитической традиции Западного Кавказа решающее значение, на наш взгляд, имеет стилевое своеобразие большинства кавказских построек. Поскольку стиль не связан напрямую ни со строительным материалом, ни с функцией сооружения, то такое своеобразие может свидетельствовать об их местном происхождении.

Рассмотрим основные гипотезы, претендующие на решение вопросов типологии, происхождения и культурной принадлежности мегалитов Западного Кавказа. В основу своей типологии мегалитов В. И. Марковин положил схему Л. И. Лаврова. Все мегалитические сооружения Западного Кавказа отнесены им к дольменам. Наиболее ранние в типологическом ряду – плиточные дольмены без лаза. По сути это вовсе не дольмены, а каменные ящики (или цисты). Позднее появляются двухкамерные дольмены станицы Новосвободной с отверстием в поперечной плите. Еще позднее – дольмены с приставными порталами и, наконец, “обычные”, плиточные дольмены (Марковин 1978; 1994). Подобная схема эволюции “дольменной культуры” приводит, на наш взгляд, к нескольким противоречиям: каким образом объяснить эволюцию каменного ящика (плиточный дольмен без лаза) сначала в двухкамерную гробницу с отверстием в поперечной плите, а затем в наземный дольмен; как совместить предположения автора о принесении традиции сооружения мегалитов строителями дольменов и купольных гробниц Пиренейского полуострова, с его же утверждением, что на первом этапе на Кавказе не строили ни дольменов, ни купольных гробниц. Основное же противоречие состоит в том, что к “дольменной культуре” автор относит абсолютно все мегалитические сооружения, игнорируя стадиальные различия и различия в археологическом инвентаре. Так, ящики без лаза отнесены к энеолиту, новосвободненские “дольмены” с инвентарем майкопской культуры – к раннему бронзовому веку (далее – РБВ), а плиточные

⁴ Различные формы погребальных сооружений с камерой и входом-лазом объединяет, на наш взгляд, их семантика, то есть сходные представления о смерти-возрождении (переходе) и попадании на тот свет через поглощение тотемным животным (Пропп 1996). Мы склонны интерпретировать входное отверстие склепа (дольмена, катакомбы, гробницы) как имитацию пасти тотема, а камеру – как его чрево. Фрейдистское толкование отверстия дольмена В. И. Марковиным менее убедительно, поскольку сексуальной символике в обрядах перехода предшествует именно символика поглощения.

наземные дольмены содержали инвентарь культуры СБВ. Невозможно здесь объяснить, ни как в новосвободненские “дольмены” попал майкопский (инокультурный) инвентарь, ни почему “дольменная культура” фиксируется по своеобразному археологическому инвентарю только с эпохи СБВ, хотя по погребальным сооружениям она известна с энеолита. Ясно, таким образом, что попытка объяснения проблем археологической культуры из типологии погребальных сооружений, предпринятая В. И. Марковиным, потерпела неудачу.

Тем не менее, одновременно с В. И. Марковиным подобную попытку предпринял другой исследователь – В. А. Сафронов. Вновь отнеся к “дольменной культуре” все мегалитические сооружения Западного Кавказа, В. А. Сафронов объединил в рамках одной культуры найденный в них инвентарь (майкопский – РБВ и среднебронзовый). Далее, расширив границы культуры до реки Терек, В. А. Сафронов с легкостью подбирает “анalogии” ее обряду и инвентарю в ареале центрально-европейских культур шаровидных амфор и шнуровых керамик (Николаева, Сафронов 1974). В результате, по мнению автора, подтверждается гипотеза о миграции на Кавказ строителей дольменов из Центральной Европы. Позднее А. Н. Николаева дополняет гипотезу происхождения дольменов Западного Кавказа тезисом о средиземноморских походах кавказских носителей культуры шаровидных амфор, обогативших их культуру традицией сооружения наземных дольменов (1982). Методическая несостоятельность этой попытки также вполне очевидна.

В 80-е годы А. Д. Резепкин предложил новую типологию всех мегалитических сооружений Западного Кавказа, наиболее выверенную методически и логически обоснованную (1988). По его мнению, параллельный сравнительно-типологический анализ мегалитов Кавказа и Западной Европы должен привести к разрешению проблем происхождения и культурной принадлежности кавказских сооружений. А. Д. Резепкин предложил выделять на Кавказе две линии мегалитической архитектуры, аналогичные западноевропейским – галерейные и коридорные гробницы. Это позволило автору типологически отделить новосвободненские подкурганые сооружения (отнесенные к галерейным гробницам) от наземных построек (производных от коридорных гробниц). Поиск прототипов подкурганых гробниц ведется в Центральной Европе, в ареале культур воронковидных кубков (далее – КВК), а подковообразных гробниц (исходной формы наземных плиточных дольменов) – в Пиренеях, в ареале культуры Лос-Миларес. Гробницы и иные погребения новосвободненской группы дали богатый материал для возможных сопоставлений, в том числе и с КВК. Однако в подковообразных гробницах вообще не обнаружено инвентаря, пригодного для подобных сопоставлений, а инвентарь плиточных дольменов не имеет почти ничего общего ни с материалами культуры Лос-Миларес, ни какой-либо другой культуры с мегалитическими традициями за пределами Кавказа. Поэтому мы полностью разделяем парадоксальный, но вполне логичный вывод автора о местном, кавказском происхождении плиточных дольменов (Резепкин 1988). Зато участие культуры Лос-Миларес остается, на наш взгляд, пока не доказанным. Вызывает сомнение тезис о первичности подковообразных гробниц по отношению к порталным плиточным дольменам. На наш взгляд, этому противоречит “распыленность” немногих подковообразных гробниц по всему ареалу культуры, а также конструктивная особенность наиболее ранних (по А. Д. Резепкину) гробниц. Так, боковая плита гробницы № 330 в Гузерипле снабжена прямоугольным выступом, что привело к перекосу при установке перекрытия. Дело в том, что эта плита предназначалась для сооружения с порталными выступами. Следовательно, даже ранние подковообразные гробницы сосуществовали с порталными

дольменами, а не предшествовали им (в качестве прототипов). Имелись подобные выступы и у боковых плит наиболее ранней, по А. Д. Резепкину, подковообразной гробницы № 528 на р. Кизинке. Здесь в данной конструкции совмещены признаки пидиточного дольмена (портальные выступы, плоское перекрытие) и купольной гробницы (ложный свод, стела – опора для перекрытия). Пяточная плита имеет пазы для фасада и боковых порталных плит. Поскольку пяточных плит нет у многих дольменов с приставным порталом, эта конструктивная особенность позволяет отнести гробницу № 528 к типологически более развитым сооружениям, по сравнению с порталными дольменами. Наиболее наглядно сосуществование обеих типов построек демонстрирует мегалитический комплекс Псынако I под Туапсе (Тешев 1988). Здесь, в камере-голозе коридорной гробницы, установлен дольмен с выступами на боковых плитах.

Было бы неоправданным упрощением выстраивать все мегалиты Кавказа в одну, либо в две линии. Дело в том, что уже на раннем этапе – в РБВ – на Кавказе имелись различные типы сооружений: двухкамерные гробницы (Новосвободная – редуцированные галерейные гробницы, по А. Д. Резепкину); каменные ящики-цисты (ст. Саратовская, аул Кубина, Кишпек, Нальчик); ящик-склеп со входом (Псыбе); купольная гробница с ложным сводом (ст. Костромская). В упрощенную схему редуцирования не укладывается, на наш взгляд, и устройство гробницы Псыбе под Туапсе (Тешев 1986), ведь, по периодизации А. Д. Резепкина, это однокамерное сооружение предшествует всем остальным, в том числе двухкамерным гробницам (Резепкин 1989). Принципиальное отличие гробницы Псыбе от остальных новосвободненских гробниц состоит в том, что первая была бескурганым склеповым сооружением (с сохраняющейся возможностью повторных захоронений), а новосвободненские гробницы предназначались для одноактных элитарных погребений и не сохранили “родовой” признак, присущий всем мегалитическим погребальным сооружениям – их склеповый характер. С западноевропейскими дериватами (галерейными гробницами) новосвободненские двухкамерные сооружения нельзя соединить реальной цепочкой памятников. Примечательно, что такие гробницы характерны только для позднего этапа развития новосвободненской группы, когда социальная дифференциация затронула элиту общества (Резепкин 1989). Другими словами, мы полагаем, что процесс редуцирования галерейной гробницы в новосвободненскую двухкамерную постройку был одноактным, причем переработка старой мегалитической формы под новое содержание происходила именно в Закубанье.

Само существование гробницы-склепа Псыбе не только наглядно подтверждает тщетность попыток решить проблему происхождения мегалитов Кавказа на основании построения типологических схем, но и указывает направление дальнейших поисков решения этой проблемы. Это универсальность мышления “строителей мегалитов”, приводящая повсюду – и в Европе, и в Азии, и в Африке – к появлению сходных по конструкции монументальных склеповых сооружений. Активизация обмена и торговли в период освоения металла привела к созданию весьма протяженных сетей коммуникаций. С функционированием одной из таких сетей связано, вероятно, и распространение мегалитической традиции по средиземноморско-пантийскому бассейну. Но, поскольку нет распространявшегося вместе с мегалитическими сооружениями комплекса-кальки с какой-то из исходных археологических культур, то нет и оснований для принятия гипотезы об участии носителей этих культур в распространении традиции мегалитического строительства на

Западный Кавказ.⁵ Главное отличие в характере мегалитического строительства на Кавказе состоит в том, что в РБВ – на новосвободненском этапе – мегалиты были престижным элементом элитарной культуры (только в период краткого расцвета культуры РБВ), а в СБВ мегалитическая традиция впервые получает широкое распространение, став неотъемлемой частью общеплеменной “низовой” культуры. Что касается типологии, то нам представляется вероятным, что на раннем этапе мегалитического строительства СБВ на Западном Кавказе возводились постройки нескольких типов: плиточные дольмены с приставными порталными плитами, с порталными выступами; составные гробницы с ложным сводом; каменные ящики; гробница с шатровым перекрытием (р. Фарс) и т. п. Это был этап выработки формы и поиска оптимальных конструктивных решений. Все типы построек представлены единичными экземплярами. Позднее происходит стереотипизация погребальной архитектуры и “серийное” строительство плиточных “обычных” дольменов.

Рассмотренные нами примеры показывают, что даже самая убедительная типологическая схема оказывается несостоятельной, если с ее помощью пытаются выяснять происхождение археологической культуры, т. е. проблему, выходящую за рамки архитектуры и типологии погребальных сооружений. Дело в том, что здесь уже требуется привлекать все имеющиеся археологические материалы, не ограничиваясь одной какой-то стороной рассматриваемой культуры, в том числе погребальным обрядом. Обратимся к материалам КСД Западного Кавказа. Поскольку до сих пор эта археологическая культура находилась “в тени” своих мегалитических погребальных сооружений, необходимо заново произвести ревизию ее памятников и выделение культуры на основании всех имеющихся источников. Мы сознаем, что предпринятая нами попытка выделения КСД носит предварительный, рабочий характер.

Памятники КСД расположены в предгорной зоне и на среднегорьях с абсолютными высотами до 700 м. Поселения и стоянки приурочены к первым речным террасам притоков Кубани и к новочерноморской террасе на побережье. Известны стоянки в гротах и навесах, иногда располагающиеся на большей высоте (Гуамский грот – 1200 м над уровнем моря). Погребальные памятники располагаются на гребнях и склонах водоразделов и на поверхности высоких речных террас. Подобное расположение памятников характерно для носителей степных пастушеских культур, однако вся территория, занятая дольменами на Западном Кавказе, сегодня покрыта горными лесами. Исследователь кавказских дольменов В. И. Марковин полагает, что строители дольменов были жителями лесов (1994). По его наблюдениям, дольмены возводили в непроходимых зарослях, для передвижения по которым иногда приходится буквально прорубать путь тесаком (Марковин 1985). Такое расположение кавказских мегалитических построек противоречит отмеченному в других регионах строительству подобных памятников в условиях открытых степных ландшафтов. Однако новейшие исследования почвоведов на Западном Кавказе позволяют предполагать, что граница леса и степи в течение голоцена испытывала смещения, с чем связано обнаружение реликтов (вторых гумусовых горизонтов, палеокротовин и т. п.) в

⁵ Мигранты, хотя бы на раннем этапе, должны были воспроизводить известные им образцы построек. Однако все кавказские сооружения отличает своеобразие архитектурного облика. Более того, появление “неоправданных”, с функциональной точки зрения, конструктивных элементов, например, стелы-опоры в дольмене с плоским перекрытием на Кизинке или дольмена в толосе купольной гробницы Псынако I, подтверждает предположение о возведении дольменов именно аборигенами, осваивавшими новую и не всегда понятную им традицию.

почвах лесной зоны предгорий. Изучив почвы под древними курганами в пределах лесной зоны предгорий и среднегорий (на высотах 150–750 м над уровнем моря) и лесной подгорной равнины, А. Л. Александровский обнаружил здесь под серыми лесными почвами погребенные черноземы среднеголоценовой стадии. Это обстоятельство позволило исследователю высказать предположение, что в позднем голоцене (скифское время – V в. до н. э.) лесами оказалась покрыта широкая полоса (до 50 км) холмистых предгорий и частично подгорной равнины, ранее занятых степью (Александровский 1988). Таким образом, в атлантическую и суббореальную эпохи, соответствующие по археологической периодизации энеолиту и бронзе, нижняя граница горных лесов на Западном Кавказе проходила выше 700 м над уровнем моря. Следовательно, дольмены (как и курганы эпохи бронзы) возводили здесь в условиях открытых степных ландшафтов, обеспечивавших хороший обзор и восприятие этих монументальных построек. Верхняя граница горных лесов также испытывала в прошлом смещения за счет большего распространения зоны альпийской растительности. Поэтому немногие дольмены, расположенные на вершинах хребтов с абсолютными отметками более 1000 м (хребет Мезецу, Панавский и Чхалтинский хребты, Гузерибль, Бабук аул, Красная Поляна у горы Ачишхо) также возводились в условиях открытых ландшафтов. Сам факт строительства дольменов вне основного ареала объясняется их расположением вдоль перевальных путей, освоенных, по-видимому, уже в эпоху бронзы. Строгая ландшафтная обусловленность расселения племен строителей дольменов особенно наглядно проявляется, на наш взгляд, в совпадении верхней границы ареала дольменов с предполагаемой границей горных лесов в среднем голоцене. Трудно найти этому иное объяснение, ведь подходящий материал для строительства дольменов имелся и выше в горах. Итак, строители кавказских дольменов обитали на побережье и в холмистых предгорьях Закубанья в условиях открытых степных ландшафтов, ниже зоны горных лесов.

Дольмены – погребальные и культовые памятники КСД – обычно группируются в ряды, насчитывающие до 10–12 построек. Иногда такие ряды образуют крупные могильники. Самые грандиозные из них (дольменные поля) в Закубанье состоят из нескольких сотен памятников. Это Кизинка у ст. Баракаевской, Богатырская Поляна у Новосвободной, Дегуакская поляна у Даховской, Калмыцкая Поляна в верховьях р. Фарс. Существование таких крупных могильников предполагает высокую плотность населения КСД и определенную степень оседлости у ее носителей. Тем более, что в исследованных дольменах встречено, как правило, по 4–6 погребений, и каждый памятник мог служить семейной или родовой усыпальницей. Действительно, поблизости от крупных могильников обнаружены долговременные поселения КСД с мощностью культурного слоя 1,5–2 м. Площадь Дегуакского поселения у ст. Даховской достигает двух гектар, а разведанная площадь поселения Старчики у ст. Новосвободной – около четырех гектар. Около метра достигает средняя мощность культурных слоев эпохи средней бронзы на пещерных стоянках (в Большой Воронцовской пещере, Гуамском гроте). Культурный слой на приморских стоянках потревожен и сохранился только в многочисленных хозяйственных ямах. Но судя по их количеству и по интенсивности отложения битой керамики в ямах, эти стоянки также были долговременными. Во всяком случае, средняя мощность исследованных в Закубанье поселений КСД вполне сопоставима с мощностью исследованных там же поселений местной энеолитической культуры.

Анализ материалов из поселений и стоянок КСД свидетельствует о комплексном хозяйстве с преобладанием скотоводства и незначительной ролью земледелия (Рысин 1992). Так, трасологический анализ каменной индустрии из поселения Стар-

чики, проведенный в экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН под руководством Г. Ф. Коробковой, показал, что большинство исследованных орудий (42%) применялось для обработки продуктов животноводства. С земледелием было связано около 14% орудий (Шаровская 1985). Причем, если доля орудий для обработки продуктов животноводства в верхнем слое возрастает до 44%, то доля земледельческих орудий постоянно падает (2% в верхнем слое поселения). На поселениях не найдено сосудов для хранения зерна, единичными находками представлены вкладыши для жатвенных ножей, мотыги, зернотерки и т. п. О значительной роли животноводства свидетельствует насыщенность культурных слоев КСД осколками костей домашних животных – кухонных остатков. Судя по анализу фаунистических остатков (Марковин 1977), в стаде преобладал крупный рогатый скот (66%), на втором месте стояла свинья (24%), а на третьем – мелкий рогатый скот (10%). Единичными экземплярами костей на поселениях представлены лошадь, собака и дикие животные (тур, олень, косуля, медведь, волк, рысь, кабан и т. п.). В дольменах, в качестве жертвоприношений, встречены кости и зубы лошади, коровы, свиньи, овцы и челюсти собак. О переработке молочных продуктов свидетельствуют фрагменты керамических цедилок и маслоек из поселений КСД, а занятия рыболовством и собирание даров моря отражают грузила для сетей и створки морских раковин на приморских стоянках.

Очевидно, основные потребности в мясо-молочной пище обеспечивало разведение крупного рогатого скота и свиней в условиях придомного содержания скота. О составе стада и объектах охоты строителей кавказских дольменов дают представление также глиняные зооморфные фигурки из поселения Старчики. Они изображают быка, вола, корову, свинью, барана, бизона и кабана. Для приготовления мясной пищи предназначались, видимо, подставки-мангалы, найденные на поселениях. Значительная роль мясной пищи в рационе и в идеологических представлениях строителей дольменов косвенно подкрепляется характерным для их погребений вотивным изделием – бронзовым крюком со втулкой для рукоятки. По этнографическим параллелям установлено, что такой крюк мог использоваться для доставания мяса жертвенного животного из котла во время общественных церемоний и сопровождающих их трапез. Суммируя данные из поселений и погребальных памятников можно заключить, что носители КСД Западного Кавказа были оседлыми скотоводами, разводившими главным образом коров, свиней и в незначительном количестве – овец. Подсобная роль в их хозяйстве отводилась огородничеству и охоте, а в приморских районах – рыболовству.

Мы почти не располагаем данными о характере домостроительства племен КСД. Можно все же сказать, что это были наземные постройки прямоугольной формы с укрепленными у основания камнем турлучными стенами и перекрытием, опиравшимся на деревянные столбы. Полы были промазаны слоем глины. В помещениях обнаружены овальные и подковообразные очаги и одноярусные печи из камней и глины. На поселениях встречены обломки от очажных подставок (круглых и подковообразных), мангалов, сковород. На Дегуакском поселении исследована печь для обжига керамики и яма для отмучивания глины. Судя по характеру находок, поселения КСД являлись центрами общинного ремесленного производства.

На поселениях и стоянках КСД обнаружены сотни нуклеусов, орудий, а также отходов техники расщепления и производства орудий. В качестве сырья использовались желваки кремня коричневого, желто-коричневого, красно-коричневого и желтого (горчичного) цветов. Изредка встречаются орудия из качественного кремня

светло-серого цвета. Орудия изготовлены на отщепях.⁶ Найдены нуклеусы торцевого, призматического, призматико-пирамидального скалывания. Среди просмотренной коллекции представлены отбойники, ретушеры, долотовидные формы, скребки и скребла, серпы с прямым и зубчатым краем, ножевидные орудия, резцы, сверла, проколки, наконечники стрел, дротики. Встречаются скребки на вторично преобразованных (мустьерских?) артефактах. При изготовлении орудий из кремня применялась техника двусторонней обработки, особенно тщательно выполнены наконечники стрел, покрытые тонкой “струйчатой” ретушью. Для изготовления орудий использовались также известняки и доломиты и мелкокристаллические породы – базальты, змеевики, диабазы. Орудия из камня представлены, в первую очередь, значительной группой, связанной с металлургией и металлообработкой. Это песты и молоты для дробления руды; подставки-наковаленки; гладилки-выпрямители; наковальни дляковки; пассивные и активные абразивы; молоточки легкого и среднего действия для проковки и разгонки металла; оселки, в том числе с отверстием для привязывания; шарики для выдавливания ювелирных изделий из листового металла и т. п. Другая группа орудий из камня включает песты, терочники-абразивы, зернотерки, мотыги, шлифованные тесла, молоты с перехватом, грузила. Из камня также изготавливали полированные топоры-молоты, наконечники булав, бусы и подвески (из хрусталя, сердолика, розового кварца, мергеля). Каменные орудия изготовлены при помощи пикетажной техники с последующей шлифовкой; отверстия проделаны двусторонним сверлением с использованием станкового сверла. О высоком уровне мастерства каменотесов и строителей свидетельствуют тщательно обработанные и подогнанные плиты дольменов с пазами для стыковки. При обработке поверхностей плит применялась пикетажная техника, терочники-абразивы, а в отдельных случаях зафиксировано применение металлических орудий типа стамески или зубила. Трасологический анализ орудий из камня и кремня из нижнего слоя поселения Старчики дал следующую картину распределения их по функциям: для обработки дерева использовалось 25% от общего числа орудий; для обработки кости – 19%; для кожевенно-скорняжных работ – 16%; для разделки туш – 7%; для металлообработки – 7%; для земледельческих работ – 14% (Шаровская 1985). Наблюдения над каменной индустрией КСД позволяют прийти к выводу о высокой степени специализации в этой отрасли деятельности. Можно выделить мастеров “стрелочников”, изготовителей парадных топоров и булав, ювелиров, каменотесов, строителей мегалитических сооружений. Поскольку наблюдается стилистическое единство дольменов на обширной территории, поддерживаемое длительное время, должны были существовать “архитекторы”, планировавшие работу и руководившие строительством.

Металлурги КСД, скорее всего, использовали местные месторождения. Хотя древние рудники пока не обнаружены археологами, но косвенные данные, например, состав микропримесей в металле изделий (Галибин 1991), каменные орудия для обогащения руды (молоты, песты) свидетельствуют о добыче и первичной переработке руды на Западном Кавказе. Это подтверждается концентрацией памятников на маршрутах, ведущих к месторождениям цветных металлов (верховья Лабы, Белой, Зеленчука, Кяфара, горные районы Абхазии). Источники по металлообработке КСД включают данные из поселений, немногочисленную коллекцию из погребений, случайные находки и отливки орудий из долины р. Сочи. Последние, скорее всего про-

⁶ Предварительный типологический анализ коллекции из поселения Старчики произведен И. И. Коробковым.

исходят из клада, т. к. включают в основном бракованные отливки бронзовых топоров и тесел. Большая часть металлических изделий из дольменов найдена в Абхазии. Эти находки не дают представления о всем спектре продукции, кроме того, часть изделий была изготовлена в сачхерском центре металлообработки и отличается от закубанских по морфологическим признакам и по составу металла (Корневский 1981; 1983). Проанализированные выше орудия из камня указывают на сложность технологических процессов, использовавшихся в металлообработке, о существовании в СБВ специализации труда горняков, металлургов и кузнецов. Применялись различные, дифференцированные по составу сплавы. Мастерами КСД было освоено литье орудий по утрачиваемой восковой модели и литье в глиняные разъемные литейные формы. Проушина отливалась при помощи вставного глиняного сердечника. Применялась холодная и горячая ковка, волочение проволоки и разгонка листового металла. Ювелиры КСД изготавливали полусферические колпачки из листового металла, применяли технику пуансона и плакировки золотой фольгой.

В дольменах чаще всего встречаются височные подвески в 1,5 оборота, однако, ведущим изделием металлообработки КСД, как и для всего Кавказа в эпоху бронзы, является бронзовый проушной топор (Корневский 1981). Обломки от двух створок форм для отливки топора найдены на Дегуакском поселении (Марковин 1977). Из поселения Старчики происходят несколько фрагментов и одна целая створка формы для отливки топора. Несколько бракованных отливок проушных топоров найдено в долине р. Сочи (Воронов 1979). Бронзовые проушные топоры найдены в дольменах: ст. Абадзехская (вотивная модель?), сел. Отхара, сел. Верхняя Эшера, сел. Хуап. Топоры принадлежат к двум разновидностям: отлитые в форму со стороны брюшка (р. Сочи; сел. Эшери, дольмен № 5; сел. Хуап, дольмен № 1); отлитые в форму со стороны спинки. Топоры первой разновидности принадлежат к типу Сочи-Корца, по классификации С. Н. Корневского (Корневский 1981), а среди второй разновидности выделяется четыре типа орудий: тип Хабаз (Старчики; Дегуакское поселение), тип Привольное (Эшери, дольмен № VI, 1936 г.; отливки из р. Сочи), тип Начеркезеви (Эшери, дольмен № VI, 1937 г.), тип Корети (Отхара у дольменов; Эшери, дольмен № IV). Орудия типа Корети-импортные, произведенные в сачхерском центре металлообработки (Корневский 1983); топоры типа Начеркезеви изготавливались как на Западном, так и на Центральном Кавказе; орудия типов Сочи-Корца, Хабаз и Привольное являются продукцией северокавказских центров металлообработки.

Известно два плоских тесла. Одно, найденное в каменном ящике, в кургане № 8 могильника Клады имеет прямоугольную форму, а по пропорциям занимает промежуточное положение от новосвободненских к привольненским теслам. Другое тесло (вотивная модель?) происходит из дольмена ст. Абадзехской. Оно имеет удлиненные пропорции (по сравнению с привольненским) и слабо зауженную пятку. По пропорциям и по форме это изделие напоминает закавказские орудия (Марткопи, Сачхери).

Хотя в инвентаре КСД не встречаются бронзовые долота, резцы и стамески, об их существовании свидетельствуют следы от работы подобными орудиями на плитах дольменов (Марковин 1978). Следы работы позволяют реконструировать орудия с различной шириной рабочей части: 1,7 см; 2,5–3 см; 3–4 см. Встречаются на плитах параллельные канавки от орудия с зубчатой рабочей частью, наподобие “троянки” современных скульпторов (Марковин 1978). Следы на костях животных из поселения Старчики позволили Г. Ф. Коробковой предполагать использование долота или стамески с шириной рабочего края 0,8 см и бронзовой пилы.

Черенковые ножи и кинжалы представлены двумя разновидностями: с овальным, расширенным к закругленному концу клинком; с листовидным клинком. Среди орудий второй разновидности функционально выделяются ножи и кинжалы, а по морфологическим параметрам можно выделить несколько типов. Наиболее распространены узкие листовидные орудия с плоским сечением клинка. В Эшери и Отхаре найдены широкие листовидные орудия с ромбовидным сечением и боковыми желобками вдоль клинка. В дольмене могильника Клады обнаружены кинжалы с узким листовидным клинком, зауженным ниже плечиков. Почти все перечисленные типы ножей и кинжалов являются характерной продукцией северокавказских очагов металлообработки, распространенной также на обширных пространствах предкавказских и причерноморских степей. Лишь кинжалы с зауженным под плечиками клинком не известны на Северном Кавказе и являются аналогом закавказских и малоазийских орудий (Амиранис Гора, Сачхери, Соли, Текекёй, Икизтепе и т. п.).

Так называемые шилья – металлические обоюдоострые стержни квадратного или круглого сечения – встречаются и в погребениях, и на поселениях. Выделяются орудия с утолщением-упором. Шилья с утолщением найдены в нижнем слое поселения Старчики, погребении кургана № 8 на Кладах, у дольменов Эшери.

Втульчатые крюки считаются характерным изделием КСД. Выделяются крюки двух разновидностей: с литой втулкой (отлитые по восковой модели), с раскованной и свернутой втулкой. Втулки крюков, отлитых по восковой модели, украшены рельефным декором и насечками. Один такой крюк из Эшери был трезубый, а два других – однозубые. Крюки с раскованной втулкой украшены пуансонным декором. Недавно опубликован отлитый по восковой модели крюк из Успенского на Кубани (Лопатин 1993). Втулка его, как и у крюков из дольменов Эшери, украшена рельефными змейками, шишечками, спиралями. На наш взгляд, близость декора не случайна, ведь подобный орнамент часто встречается на другом вотивном изделии, характерном для инвентаря центральных районов Северного Кавказа и Предкавказья – бронзовой молоточковидной “булавке”. За близостью сюжетов орнаментации вотивных изделий стоит определенная близость идеологических представлений соседних племен.

Амулеты-“украшения”. Чаще всего в погребениях встречаются подвески в 1,5 оборота из круглой проволоки или из прута. Сечение подвесок круглое или овальное. Концы иногда слегка раскованы. В Эшери и в погребении на поселении Мешоко встречены спиральные пронизки из металлической ленты. Встречаются литые круглые бронзовые бусы. В дольменах Азанты найдены спиральная пронизка из проволоки, грибовидные и якоревидная подвески, булавка с биволютной головкой. В дольмене на Кладах найдены полусферические бронзовые кованые колпачки с пуансонным орнаментом. В каменном ящике на Кизинке (№ 215) найдено кольцо в один оборот с несомкнутыми концами из бронзового прута, плакированного золотой фольгой. По мнению В. И. Марковина, это сооружение является одним из наиболее архаичных в рамках дольменной культуры, как и найденное здесь височное кольцо (Марковин 1978), но на это можно возразить, что в эпоху ранней бронзы височные подвески обычно изготавливали из цельнолитого золотого прута или проволоки, а техника плакировки золотой фольгой более характерна для кавказских ювелиров СБВ. Височное кольцо из золотой проволоки найдено в многогранном дольмене на реке Фарс Н. Л. Каменевым (Куфтин 1949). Одно из украшений, дисковидная подвеска с ушком и литым шнуровым орнаментом из дольмена № 1/26 Кожжохской группы у ст. Каменноостской, может являться импортом из

соседних областей Центрального Предкавказья. Импортом из районов Северо-Восточного Кавказа может являться также булавка с биволлютной головкой, обнаруженная в дольмене сел. Азанта. Напомним, что памятники с подобными “чужеродными” находками располагаются вдоль удобных перевальных путей, связывающих различные регионы Кавказа. Втульчатый наконечник дротика (литой) с коротким листовидным пером найден в дольмене № 2 сел. Солоники (Марковин 1978). Судя по малому диаметру втулки (1,2 см), это был наконечник дротика (а не копья, как полагает В. И. Марковин). В составе металла этого орудия обнаружено 1,5% олова, поэтому следует быть осторожным при его культурной атрибуции. На наш взгляд, погребение в дольмене сел. Солоники с наконечником дротика скорее всего совершено в эпоху поздней бронзы, уже после угасания КСД (как и погребения в верхних слоях эшерских дольменов).

Примечательны находки металлического мерного слитка и литейных форм для их изготовления. Слиток в форме параллелепипеда найден в дольмене на левом берегу реки Фарс, напротив поселения Старчики (раскопки А. Д. Резепкина). Формочка для отливки дисковидного слитка происходит из погребения кургана № 8 мог. Клады. Эта формочка была обнаружена на перекрытии каменного ящика, содержавшего в составе инвентаря бронзовый крюк, нож, шило, каменное и бронзовое тесла и каменные орудия для металлообработки.⁷ На поселении Старчики найдены фрагмент от дисковидного слитка и несколько фрагментов форм для отливки веретенообразных мерных слитков, подобных формочкам из погребений литейщиков в Приазовье (Малая Терновка, Лебеди и т. п.). Такие слитки могли служить в качестве гирек-разновесов при торгово-обменных операциях по импорту сырья для металлообработки. Система подобных разновесов, в основе которой лежал весовой эквивалент-сикль, сложилась на Древнем Востоке и через малоазиатских и южнокавказских посредников могла достичь Северного Кавказа. Использование подобной весовой системы установлено для Приазовья и предкавказских степных районов (Кубышев, Черняков 1985). Однако очевидно, что в дальние торговые связи должен был быть включен и Северный Кавказ, ведь именно этот регион являлся поставщиком сырья и технологий для окружающей степной зоны в эпоху раннего металла. Находки слитков и литейных форм для их производства в ареале КСД позволяют замкнуть цепочку торгово-обменных связей Древнего Востока и Причерноморья через Западный Кавказ. Вхождение Кавказа в систему древневосточной торговли подтверждается, на наш взгляд, также явным предпочтением, отдаваемым серебру при изготовлении амулетов-“украшений” с начала СБВ (как известно, именно серебро служило основным мерилем стоимости товаров на Древнем Востоке).

Основу для выделения керамического комплекса КСД составляют материалы из поселений, а не из погребальных памятников. Дело в том, что большинство из 160 раскопанных дольменов были ограблены либо ритуально очищены и содержали лишь разрозненные материалы, относящиеся к периоду существования КСД. В немногих неограбленных дольменах и погребениях иного типа также почти не найдено сосудов, что связано с особенностями обрядовой практики. Целые сосуды обычно встречаются у входного отверстия дольмена и связаны с ритуалами жертвоприношений. Здесь представлен ограниченный набор типов посуды, в основном состоящий из кружки, кубка, горшка, миски или чаши. Иногда встречаются вотивные миниатюрные сосуды, специально предназначенные для жертвоприноше-

⁷ Выражаю признательность А. Д. Резепкину за разрешение использовать этот неопубликованный материал из его раскопок 1980 и 1990 гг.

ний. На поселениях, напротив, представлен весь спектр типов бытовавшей посуды, к тому же стратиграфические наблюдения позволяют здесь проследить эволюцию керамического комплекса КСД. Сопоставление материалов из дольменов и поселений позволяет также выявить представленную в инвентаре погребений импортную, чужеродную керамику. Ранее предпринятые сопоставления керамики из погребальных и бытовых комплексов подтверждают их однокультурность (Марковин 1977; 1978; Рысин 1992а; 1992б; 1994).

Рассмотрим керамический комплекс КСД по трем параметрам: технологическому, морфологическому, декоративному. Все сосуды вылеплены вручную (по способу донного начина) и были плоскодонными. Применялся жгутовой метод формовки. Стенки сосудов наращивались на блоковидно изогнутый край донца. При изготовлении крупных сосудов применялся плетеный каркас из прутьев, оставлявший глубокие бороздки на внутренней поверхности горшков. Сосуды снабжались петельчатыми ручками и ручками-выступами. Ручка прикреплялась при помощи глиняного шпенька, продетого в отверстие стенки сосуда наподобие металлической заклепки. В качестве отошителей применялись дресва (дробленый кварцит), известняк (мергель, кальцит), редко – дробленые раковины или речной песок.⁸ Частицы слюды, входящие в состав отошителя, придают поверхности посуды нарядный блеск. Выделяется группа керамики с ракушечником в качестве отошителя и особой технологией обжига, создающей черную поверхность при светлом бежевом черепке. Это так называемая керамика со светлой подкладкой. Ее поверхность обычно до блеска залощена. Сосуды обжигались костровым способом или в примитивных печах. Обжиг средний, в центре черепка часто заметна серая прослойка. Встречаются сосуды с хорошо обожженным черепком. Особенно прочный черепок у сосудов с кварцевой дресвой в качестве отошителя. Цвет посуды черный, темно-серый, коричневый либо светло-серый, охристый, бежевый, красно-коричневый, желтый. Поверхность посуды выравнивалась “гребенкой”, заглаживалась, реже тщательно полировалась. Встречаются фрагменты от сосудов, покрытые ангобом коричневого, красного, желтого цветов.

Комплекс насчитывает три десятка типов сосудов. К наиболее распространенным типам относятся следующие: кружка, кубок, горшок, “амфора”, кувшин, миска, чаша. Выделяются также более редкие типы: реповидный горшок, чайник, бокал, курильница, цедилка, миниатюрный сосуд. Сосуды закрывались дисковидными керамическими крышками. *Характерные морфологические признаки:* подчеркнутый желобком или валиком переход от шейки к плечикам; утолщение края венчика на лепным “воротничком”; отогнутый наружу край венчика реповидных горшков (иногда снабжался бортиком для установки крышки); завернутый внутрь край венчика мисок и чаш; дно сосуда слабо выгнуто внутрь; сдвоенные петельчатые ручки; дольчато-разделенные ручки-выступы, напоминающие ручки в виде “флейты Пана” средиземноморских культур; на приморских стоянках зафиксированы трубчатые ручки и ручки с подтреугольной площадкой сверху (анalogии последним известны из новотитаровского погребения в Приазовье, Гинчинского могильника в Дагестане и “беденского” слоя поселения Бериклдеби в Закавказье); характерно подражание в керамике металлической столовой посуде.

⁸ Намечаются локальные особенности керамического комплекса КСД. Так, нами зафиксировано, что на поселениях у Геленджика и Новороссийска в качестве отошителей керамического теста применялись только известняки – мергель, кальцит, изредка раковина(?) и мелкий песок. Применение же дробленого кварцита здесь не отмечено (Рысин 1992а).

Декоративные параметры. Декор встречается на 40% сосудов. Орнаментировались обычно плечики, ручки сосудов и край венчика мисок и чаш. Изредка встречаются пышно орнаментированные сосуды (средних размеров горшки) с декором, покрывающим все тулово и шейку. Приемы нанесения орнамента различны: накол, налеп, прочерченный, желобчатый, каннелюры, штамп, пуансон (так называемый жемчужный орнамент). Характерно сочетание двух, трех приемов нанесения орнамента, например, накол и прочерченный; штамп и накол; налеп, накол и прочерченный и т. п. Наиболее распространенный мотив – пояс наколов под шейкой горшков со спускающимися на плечики треугольниками, “полотенцами” или зигзагами. Иногда поверхность небольших горшков и кружек целиком покрыта расчесами “гребенки”, создающими своеобразный декоративный эффект. Только на чернолощенных сосудах со светлой подкладкой встречается рельефный орнамент из желобков, налепных валиков и шишечек. Прослеживается определенная эволюция керамического комплекса. Так, для раннего этапа характерно подражание металлической посуде, гладкая поверхность сосудов скупо орнаментирована, петельчатые ручки украшены каннелюрами. На среднем этапе характерен “пышный” декор, применение различных способов нанесения орнамента, покрывающего большую часть тулова сосуда. На позднем этапе заметна небрежность в нанесении декора, встречаются “перевернутые” сюжеты, преобладает накол и гребенчатый штамп.

Керамический комплекс КСД отличает оригинальный набор типов, характерные технологические приемы формовки, своеобразие способов нанесения и мотивов орнаментации. Характерная черта керамического комплекса – изготовление миниатюрных сосудов. Встречаются культовые сосуды – курильницы на поддоне и на отдельных ножках.

Характерная особенность декора керамики КСД – разнообразие деталей орнаментации однотипных сосудов. При этом отличия распространяются на способы нанесения, элементы и мотивы орнамента, не затрагивая его композиции. Можно предположить, что именно композиционная схема, повторяющаяся на множестве сосудов, несла семантическую нагрузку. Такой общей схемой являлся горизонтальный пояс под шейкой со спускающимися на плечики зигзагами или треугольниками. Эта композиция при взгляде на сосуд сверху представляет собой солярный символ, обрамленный зигзагом, который обычно трактуется применительно к древним семантическим системам как символ воды и змеи. Подобная символика отражена в декоре металлических украшений СБВ Северного Кавказа. С декором металлических вотивных предметов перекликается и рельефный декор из валиков и шишечек и выдавленные “жемчужины” на посуде КСД. Сопоставляя стиль декора керамики КСД Западного Кавказа с декором металлических изделий и керамической посуды соседних регионов, можно высказать предположение, что в эпоху СБВ существовал единый стилиобразующий канон для всего Северного Кавказа. Это изображение веревочки (тесьмы) и зигзагообразно изогнутой змеи (реже – спирально закрученной). Этот канон был понятен и жителям прилегающих к Кавказу степных районов, где распространялись кавказские вотивные металлические изделия. Другая характерная особенность посуды КСД – высокая степень индивидуализации в деталях исполнения, обработке поверхности и орнаментации. В коллекции керамики нет двух полностью идентичных сосудов (однотипных). Скорее всего это связано с домашним характером производства керамики.

Среди поселенческой и дольменной посуды выделяется чужеродная, импортная керамика. Так, курильницы (у фасада дольмена № 497 на Кизинке и в дольмене

на р. Фарс,⁹ напротив пос. Старчики) отличаются от посуды КСД и по характеру глиняного теста, и по орнаментации. Подобные курительницы встречаются в погребениях соседних племен к востоку и северо-востоку от ареала КСД (степное Закубанье, Ставрополье, Кавминводы). Сам факт использования подобных вотивных сосудов в обряде погребения КСД свидетельствует о родственном характере связей древних племен. Тем более, что миниатюрные курительницы на ножках найдены и на поселении Старчики. К импортной посуде, либо к подражаниям можно также отнести керамику с редким для КСД декором: оттисками веревочки, спирального и треугольного штампов, наколами ногтем, “елочным” декором, нанесенным гребенчатым штампом. Такая посуда или ее фрагменты, изредка встречаемые на поселениях и в дольменах, могли попасть на памятники КСД из ареала соседних племен западной и центральной частей Предкавказья, где она обнаруживается в погребениях, а в последнее время и на поселениях СБВ (Кавминводы, Ставрополье, верхнее Закубанье).

Кроме сосудов различного бытового назначения керамисты КСД изготавливали иную продукцию. Это “культовая” керамика: курительницы, миниатюрные сосуды, модели колес повозок и мелкая пластика. Из глины формовались также очажные подставки, мангалы, сковороды и керамика производственного назначения: тигли, льячки, литейные формы, пряслица и т. п.

Статуэтки животных из пос. Старчики отличаются как по размерам, так и по мастерству исполнения. Видимо, они были изготовлены разными людьми (что, как и в случае глиняной посуды, может свидетельствовать о рассредоточенности керамического производства). Объединяет зооморфные статуэтки Старчиков стиль (канон), которого придерживались все изготовители. Он складывался из следующих признаков. Это, во-первых, схематизм и лаконичность скульптурок: туловище обычно удлиненное, овальное в сечении, ноги переданы короткими коническими выступами. Во-вторых, акцент в передаче видовых признаков перенесен на морду – она исполнена в натуралистической манере, с деталями (рога, нос, уши), подчеркивающими видовое сходство. Еще одна деталь, придающая скульптуркам сходство с оригиналом – хвост в виде налепа или защипа. Наконец, к формирующим признакам можно отнести передачу половых признаков животных. Итак, стиль зооморфной пластики из Старчиков можно определить как схематичный в целом при натуралистической передаче деталей. В морде фигурки вола проделано сквозное отверстие для “запряжки” в модель повозки (?). Это предположение подкрепляют найденные на поселении модели колес с выступающими ступицами. Все фигурки повреждены или разбиты, по-видимому, при совершении каких-то обрядов. На Дегуакском поселении найдена головка от антропоморфной глиняной статуэтки (Ростунов 1983). Головка уплощена, нос передан защипом, глаза – наколами. По моделировке головы статуэтка из Дегуакского поселения не отличается от антропоморфных скульптур из Катарагач-Тапа, Серженьюрта и Великентского поселения. Аналогичная статуэтка происходит из Малой Азии (Троя II–V). Из дольмена № 3 сел. Хуап в Абхазии происходит сидящая женская фигурка, стилистически близкая ульской статуэтке (Цвинария 1990). Последнюю традиционно связывают с Восточным Средиземноморьем, Малой Азией и Балканами (Веселовский 1910; Пиотровский 1984). Особое значение для избранной нами темы имеет стилистическая близость антропоморфных статуэток (и обнаружение их в составе погребального инвентаря) Западного Кавказа, Предкавказья и эгейско-малоазийского регио-

⁹ Раскопки А. Д. Резепкина, 1990 г.

на. Данная параллель не может быть случайной и, как мы попытаемся показать ниже, отражает пути формирования культур СБВ на Северном Кавказе.

Погребальный обряд КСД. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но погребальный обряд КСД сегодня относится к наименее освещенной стороне этой культуры. Дело в том, что изучались до сих пор в основном сами погребальные сооружения, а данные об обряде и инвентаре были неполными. Из известных сегодня около 3000 дольменов археологически изучено не более 6%, причем методика раскопок далека от совершенства. Из дольменов было получено менее двух десятков закрытых комплексов с инвентарем и информацией об обряде. Поэтому выводы об обрядовой практике племен КСД имеют пока предварительный характер. Прежде всего, следует уточнить, что захоронения в дольменах были не единственными типами погребения у носителей КСД Западного Кавказа. К такому выводу можно прийти уже только потому, что в дольменах почти не встречаются детские погребения. Применение более совершенной методики раскопок – исследование площади вокруг дольменов – позволило изучать ряд из дольменов как архитектурный комплекс и привело к обнаружению перед дольменами безинвентарных костяков, лежавших скорчено на боку (Цвинария 1990). В полностью исследованном могильнике Клады у ст. Новосвободной А. Д. Резепкин обнаружил кроме захоронений в дольменах, иные типы погребений СБВ: подкурганые в каменных ящиках (на боку скорчено и вторичное погребение декарнированных костей); в грунтовой яме (вытянуто на спине). Подобное погребение было введено здесь и в курган, исследованный Н. И. Веселовским (Попова 1963). Вытянутые на спине погребения в грунтовых ямах обнаружены на поселении Мешоко (Формозов 1972). Грунтовый могильник СБВ со скорченными на боку костяками (на гальке), под каменными обкладками исследован А. В. Дмитриевым и П. А. Кононенко на морском побережье под Новороссийском (могильник Дюрсо).¹⁰ А. В. Дмитриевым недавно под Новороссийском была обнаружена вырубленная в меловом грунте скальная гробница-катакомба. В этой катакомбе найдены два скорченных на боку костяка, сопровождавшихся крупным двуручным сосудом, характерного для поселений КСД типа.

В Красной Поляне в каменных гробницах круглой и овальной формы найдены как индивидуальные погребения скорченных на боку костяков, так и коллективные вторичные погребения декарнированных костей. В гротах и навесах на побережье встречены одиночные скорченные на боку костяки с инвентарем (“украшениями”) СБВ (Соловьев 1960). Можно констатировать, что для носителей КСД был характерен бескурганый способ погребения. Превалирует обычай вторичного погребения декарнированных костей. Кроме погребений в дольменах встречаются захоронения в каменных ящиках; гробницах с ложным сводом, наземных либо углубленных в грунт (Красная Поляна);¹¹ в грунтовых ямах. Вне дольменов встречаются как вторичные погребения, так и труположения (скорченные на боку, выпрямленные на спине). Характерна подсыпка из гравия или гальки на дне могил; охра встречается в небольших количествах; обычно в могилах встречаются следы огня и угольки. Инвентарь редок; чаще всего это “украшения” (подвески, пронизки, бусы, пуговицы), реже встречаются глиняные сосуды (кружка). В склепе Красной Поляны с вторичными

¹⁰ Благодарю А. В. Дмитриева и П. А. Кононенко за сведения об этом памятнике.

¹¹ Нам представляется не случайной конструктивная близость круглоплановых склепов с ложносводчатым перекрытием в Красной Поляне, Азанте, Гинчинском могильнике в Дагестане с постройками из Восточного Средиземноморья, в частности, с Кикладских островов.

погребениями найдены миниатюрные сосуды. Только в каменных ящиках могильника Клады найдено оружие (кинжал) и другой инвентарь.

В самих дольменах, как правило, совершались вторичные погребения декарнированных костей. Кости складывались кучкой (в мешке),¹² без анатомического порядка, часть костей посткраниального скелета отсутствует. Часто можно проследить тенденцию укладывать череп поверх длинных костей конечностей (видимо, такое расположение костей привело к распространенному заблуждению, что в дольменах погребены “сидячие” костяки). Иногда в дольменах встречается галечная или гравийная подсыпка, каменный пол из плиток; зафиксированы крупинки охры; как правило, встречаются угольки. Вторичные погребения встречаются в дольменах различных типов – с приставным порталом, в плиточных без портала, в составных и корытообразных. Обычно в дольмене погребены кости 4–6 покойников, иногда их число достигает до 30 (Эшери, дольмен № VII). В. И. Марковин предполагает, что на раннем этапе развития дольмены использовались для индивидуальных, скорченных погребений (1978). Однако в качестве примера им приведены “дольмены” Новосвободной, содержащие погребения совершенно иной культуры и эпохи. Другой его пример – одиночное погребение в “дольмене” № 215 на Кизинке, также несостоятелен, ведь сооружение № 215 это не дольмен, а каменный ящик. Как уже отмечалось выше, главное отличие каменных ящиков от дольменов мы видим в склеповом характере погребений в последних. Индивидуальные погребения обнаружены в подкурганых дольменах мог. Клады (раскопки А. Д. Резепкина). Эти памятники были предназначены для элитарных погребений и использовались в качестве культовых центров, как и мегалитический подкурганный комплекс Псынако I под Туапсе.

В немногих, не подвергавшихся ограблению или ритуальному очищению дольменах представлен скудный инвентарь. Причем собственно сопровождающий инвентарь следует отделять от жертвоприношений и посвященных даров. Вместе с декарнированными костями встречаются височные кольца, пронизки, бусы, шило. В качестве жертвоприношений можно рассматривать размещенные возле передней плиты сосуды (обычно один, два), нож, шило и кости животных (челюсти собаки). Встречаются вотивные изделия – курильницы, жаровни. Для погребальной практики, по-видимому, характерна символическая замена реальных предметов вотивными моделями. Так, в дольмене ст. Абадзехской обнаружены модели бронзового топора, тесла и крюка; встречается в погребениях КСД миниатюрная посуда и специально изготовленная низкокачественная керамика – тоже как вариант вотивной модели. Число сосудов и металлических изделий всегда меньше количества костяков. Например, на 30 костяков в дольмене № VII сел. Верхняя Эшера приходится 4 сосуда; на 6 костяков в дольмене № 84 Дегуакской поляны – 3 сосуда и т. д. К индивидуальному инвентарю, кроме амулетов-“украшений” можно отнести единичные экземпляры металлического оружия (топоры, кинжалы) и втульчатые крюки. Эти находки маркируют погребения лидеров общин. Если предположить, что каждый дольмен является усыпальницей большой патриархальной семьи, то присутствие крюков и металлического оружия лишь в нескольких дольменах может указывать на принадлежность подобного статусного инвентаря лидерам наиболее

¹² Фиксируемое археологически и этнографически завертывание покойника в шкуру (одевание в меховую одежду) или зашивание в шкуру при вторичном погребении мы интерпретируем как символическое поглощение погребенного тотемным животным (превращение в тотемное животное) при переправе его на тот свет.

знатных и почитаемых семей (родов, кланов, линиджей), образующих элиту КСД. Неполнота данных не позволяет установить, фиксировал ли обряд КСД производственную специализацию погребенных. Инвентарь производственного назначения обнаружен в двух погребениях (курган 8 мог. Клады, каменный ящик; дольмен V под курганом № 39, напротив поселения Старчики). Однако особенности обряда и характер погребального сооружения, а также вхождение в состав инвентаря статусных предметов (крюк, кинжал) позволяют интерпретировать эти погребения как элитарные. Их инвентарь отражал не профессиональную специализацию, а высокий прижизненный статус погребенного. Здесь, как и в погребениях новосвободненских вождей (Бочкарев и др. 1983), в инвентаре сочетаются оружие, орудия производства, votивные предметы, атрибуты торговцев (форма для отливки мерного слитка и сам такой слиток) и украшения. Скучность сопровождающего инвентаря в дольменах отражает, видимо, своеобразные представления об обрядах перехода в иной мир. Кстати, в соседних районах Предкавказья, судя по наблюдениям С. Н. Корневского на Кавминводах, наблюдается сходная тенденция – мужские погребения высокого социального статуса сопровождал скудный инвентарь (височное кольцо, резе – каменный топор). Часто они были безинвентарные. Но при этом они всегда занимают центральное место в кургане и отличаются характером погребального сооружения – глубокая яма, перекрытая камнем или бревнами, каменный ящик. Такие погребения сопровождалась каменной насыпью или досыпкой (Корневский 1989). Очевидно, высокий социальный статус погребенного отражался здесь не обилием инвентаря, а большими трудозатратами на погребальное сооружение. Эта тенденция фиксируется и на материалах ямной КИО, что отражает, по-видимому, эпохальные представления, а, возможно, свидетельствует об усилении степных влияний в культурах Северного Кавказа на начальном этапе СБВ. Погребальный обряд КСД позволяет выделить следующие группы (взрослых) погребенных с различным прижизненным статусом: 1) безинвентарные погребения на площади возле дольменов; 2) погребения в дольменах без инвентаря; 3) погребения в дольменах, сопровождаемые амулетами-“украшениями” (височное кольцо, бусы, подвески), шилом; 4) погребения в дольменах с “украшениями” и статусным инвентарем (крюком, кинжалом, топором, теслом). Особый статус имели, видимо, погребенные в каменных ящиках. По сопровождающему инвентарю их можно приравнять к четвертой группе. Погребения в гробницах Красной Поляны и в могильнике Дюрсо по статусу сопоставимы со второй группой. Определяющий признак – отсутствие здесь металлических изделий.

По данным археологических источников можно составить лишь самое общее представление о социальной организации племен КСД Западного Кавказа. Все же, косвенные признаки позволяют предположить, что это было общество с оформившейся социальной элитой. Прочная оседлость, продуктивное скотоводческо-земледельческое хозяйство, высокая плотность населения (резко выросшая по сравнению с предшествующей эпохой, судя по количеству погребальных памятников), большая площадь ареала культуры (более 20000 км²), осуществление массового мегалитического строительства на протяжении нескольких веков (при сохранении единого канона и стиля), наконец, само сохранение культурной целостности и своеобразия – все это предполагает наличие надобщинных организационных структур. К функции предполагаемой элиты можно отнести также стимулирование ремесленной специализации, подтверждаемой анализом металлообработки и каменной индустрии КСД. Только оформившаяся социальная элита могла осуществить экспансию КСД в горные районы Абхазии и Верхнего Закубанья для контроля

над транскавказскими перевальными путями и дальними торгово-обменными операциями. Существование развитой социальной стратификации у племен КСД подтверждается обнаружением индивидуальных погребений со статусным инвентарем (группа 4 по нашей классификации) и культовых центров. Такие центры найдены во всех районах ареала КСД, отличающихся локальными особенностями архитектуры погребальных памятников (Дмитриев 1992). Если судить только по редкости погребений с оружием, военная функция в обществе КСД была очень низкой. Однако, на наш взгляд, реальная значимость военной функции скорее не находила отражения в погребальном обряде в силу особенностей идеологических представлений. Мы уже пытались продемонстрировать это на примере бронзовых проушных топоров, ведь этот ведущий тип оружия СБВ почти не встречается в погребениях, хотя на Западном Кавказе об изготовлении топоров свидетельствуют находки литейных форм и бракованных отливок. В погребениях лиц с высоким статусом найден другой вид специализированного оружия – бронзовый кинжал. К оружию ближнего боя относятся также каменные топор-молот и булава. Оружием служили также лук и дротик. Косвенно существование военной элиты подтверждают и другие наблюдения, например, упомянутая экспансия в горные районы Закубанья и Абхазии; установление тесных взаимоотношений с племенами соседних регионов (маркируемое импортами), в первую очередь, Имеретии, являвшейся крупнейшим центром металлургии, металлообработки и производства оружия на Кавказе в эпоху бронзы. В качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение, что на Западном Кавказе в эпоху средней бронзы сложилось социальное устройство предгосударственного уровня – вождество (Бочкарев 1991; 1995; Массон 1991). Во всяком случае, здесь фиксируются некоторые признаки, характеризующие общества подобного типа: социальное ранжирование; выделение элиты с военными функциями, контролировавшей торгово-обменные операции и соответствующую инфраструктуру; ремесленная специализация; массовое строительство монументальных сооружений; существование культовых центров. К этому можно добавить, что племена Западного Кавказа в эпоху средней бронзы осуществляли трансляцию элементов своей культуры в обширном регионе, что также свидетельствует о сравнительно высоком уровне социальной организации.

До сих пор остается открытым вопрос о культурной принадлежности памятников Западного Кавказа, предшествующих КСД. Поэтому сравнительный анализ материалов КСД и памятников РБВ необходимо предварить кратким экскурсом в проблему относительной периодизации и культурной атрибуции памятников эпохи раннего металла Северного Кавказа. А. А. Иессен впервые обосновал выделение майкопского и новосвободненского этапов РБВ Северного Кавказа (1950). В дальнейшем эта точка зрения эволюционировала в направлении создания более дробной периодизации и выделения третьего промежуточного этапа (Формозов 1965; Мунчаев 1975). Анализируя материалы многослойного поселения Мешоко, А. Д. Столяр (1964, 1996) сформулировал гипотезу о двуприродности культуры раннего металла Северного Кавказа, выделив в ней автохтонный (новосвободненский) и инокультурный (передневожесточный?) компоненты. Заметим, что А. А. Иессен (1950) также склонен был интерпретировать снижение качества керамической посуды из погребений новосвободненского этапа, по сравнению с керамикой из майкопского кургана, как свидетельство усиления автохтонного компонента в культуре РБВ. Исследование поселений в Закубанье и появление гипотезы А. Д. Столяра инициировали новое направление в изучении эпохи РБВ Северного Кавказа. Появилась работа В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой, в которой по результатам сравнительного анализа керамики и

погребального обряда полярно разведены майкопский-древневосточный и новосвободненский-центральноевропейский компоненты, а для автохтонного компонента вообще не нашлось места (Николаева, Сафронов 1974). В 80-е годы в результате активизации археологических исследований на Кавказе и в прилегающих областях были получены новые данные о поселениях и погребениях эпохи раннего металла, анализ которых усилил позиции сторонников многокомпонентности майкопской культуры.¹³ Исследование могильника Клады в Закубанье позволило А. Д. Резепкину обосновать выделение новосвободненской группы памятников РБВ, включаемой им в блок культур воронковидных кубков (Резепкин 1989). Другой компонент – передневосточный, выделяется на материалах поселений и могильников подгорных равнин Предкавказья (Корневский 1993; 1996; Мунчаев 1975). На основании изучения поселения Свободное на Кубани А. А. Нехаев обосновал гипотезу о домайкопском характере поселений Свободное, Замок и всей свиты поселений в долине р. Белой (1992). Эта точка зрения нашла поддержку и у других исследователей (Корневский 1993; 1996а; Трифонов 1987; 1996б). Утверждение такого подхода создает ситуацию, когда из памятников РБВ Северного Кавказа как бы выпадает автохтонный, собственно кавказский компонент, что нашло отражение и в новом названии майкопской культуры: майкопско-новосвободненская общность (Корневский 1994). Наиболее развернутая аргументация предмайкопского характера поселений с “накольчатой жемчужной керамикой” представлена в работах С. Н. Корневского (1994; 1996а). Однако ряд фактов не менее убедительно свидетельствует о сосуществовании автохтонных и инокультурных памятников эпохи раннего металла (Формозов 1994; Резепкин 1989; 1991; 1993; 1996; Рысин 1991; 1994). Вывод очевиден: если факты не соответствуют принятой концепции, следует изменить концепцию, а не пытаться отвергать или игнорировать факты. В нашем случае ошибочна сама постановка вопроса, относятся ли поселения с “накольчатой жемчужной керамикой” к энеолитической предмайкопской стадии или к периоду майкопской культуры РБВ (Корневский 1996а).

Учитывая стратиграфические наблюдения на поселениях долины р. Белой, в первую очередь, на многослойном поселении Мешоко; находки майкопских импортных на поселениях с накольчатой жемчужной керамикой; находки каменных браслетов в новосвободненских погребениях;¹⁴ майкопскую керамику в заполнении погребений Нальчикского могильника, мы предложили для автохтонных памятни-

¹³ Гипотеза о многокомпонентности майкопской культуры может быть подтверждена только анализом массового материала. Такая работа уже начата (в частности, С. Н. Корневским, А. А. Нехаевым, А. Д. Резепкиным, В. А. Трифоновым). Автора к принятию этой гипотезы привело наблюдение, сделанное им в начале 80-х гг. Участвуя в работах А. Д. Резепкина на могильнике Клады, я обратил внимание на отличие в орнаментации посуды из погребений у ст. Новосвободной и поселений долины р. Белой. Дело в том, что на посуде из новосвободненских могил не встречаются выдавленные изнутри “жемчужины” (как на поселенческой керамике), а есть только наклепные шишечки. Традиционно именно “жемчужины” считались характерным приемом орнаментации керамики позднего (новосвободненского) этапа майкопской культуры. В то же время, присутствие на посуде из погребений и поселений идентичного по композиции, но выполненного в различной технике декора свидетельствует, вероятно, о синхронности и разнородности памятников.

¹⁴ Отвечая на замечание С. Н. Корневского (Корневский 1996а), уточняем, что обнаружение 30 сланцевых браслетов в погребении у хут. Важного вместе с керамикой типа Костромская-Иноземцево зафиксировано в описи находок, сданных Х. Х. Биджиевым в Краеведческий музей г. Черкесска.

ков Закубанья, Кавминвод и Кабардино-Балкарии название – субстратные энеолитические памятники (Рысин 1991). В этом названии отражены и субстратный характер автохтонных памятников, и стадильный уровень культуры их носителей. Эти памятники входили в круг кавказских энеолитических культур (домайкопских). В частности, наша точка зрения подтверждается сопоставлением орнамента сосудов из нижних горизонтов поселения Мешоко с декором керамики из раннеземледельческих поселений (а не куро-аракских, как полагал А. А. Формозов) Южного Кавказа. Сосуществование кавказских энеолитических культур подтверждается сопоставлением материалов Закубанских и западногрузинских энеолитических стоянок (Формозов 1965; Пхакадзе 1987; 1993), а также параллелями в инвентаре нижних горизонтов Мешоко и поселений Шулавери – Шомутепинской группы IV–V ступеней развития, по Т. В. Кигурадзе. Параллели Мешоко и энеолитических памятников Центральнокавказской группы включают керамику со скупым налепным декором и каменную индустрию. Сближает памятники обилие орудий из камня; архаичный облик индустрии, включающей геометрические микролиты, орудия, выполненные на пластинах; применение вкладышевой техники изготовления орудий; обилие шлифованных клиновидных топоров; использование обших источников обсидиана (закавказских). Многочисленны на сравниваемых памятниках орудия из кости и рога. В качестве аналогии отметим четырехугольные просверленные пластины из клыков кабана, обнаруженные в Шулаверисгори и в Мешоко (Кигурадзе 1976; Формозов 1965). Поздние слои энеолитических памятников Южного Кавказа по находкам расписной керамики и оттисков печатей синхронизируются с северобейдским и урукским периодами в Месопотамии – V и IV тыс. до н. э. (Мунчаев 1994; Андреева 1987; Кушнарева, Чубинишвили 1970; Кушнарева 1993). Как известно, для майкопской культуры Северного Кавказа пока может быть предложена только приблизительная хронология, с учетом синхронизаций общего плана от конца IV до середины III тыс. до н. э. (Пиотровский 1991; Корневский 1984; Резепкин 1989; Мунчаев 1994).¹⁵ Таким образом, ранние памятники субстратной энеолитической культуры действительно предшествуют начальному этапу майкопской культуры РБВ Северного Кавказа. Однако в дальнейшем субстратные памятники сосуществуют и взаимодействуют в качестве автохтонного компонента с памятниками инокультурных компонентов – майкопского и новосвободненского. Автохтонные памятники с “накольчатой жемчужной керамикой” занимают особую экологическую нишу в холмистых предгорьях и среднегорьях Северного Кавказа, где и доживают, по-видимому, до финала майкопской культуры, сохраняя пережиточный энеолитический характер. Более того, скорее всего ранние памятники новосвободненской группы стадильно (так же, как и субстратная группа) относились к энеолиту, а раннебронзовая культура сложилась уже на территории Северного Кавказа, в процессе их развития, чему, вероятно, способствовал высокий уровень ремесленной специализации соседей майкопцев и доступность источников сырья в

¹⁵ Кажется, для более ранних датировок пока нет убедительных оснований. Например, ошибочна синхронизация печати из Красногвардейского кургана со штампами из Гавры XI, ведь цилиндрические печати появляются в Северной Месопотамии позднее, в протописьменном периоде. Неубедительна синхронизация майкопского копья (Псекупс) с орудиями из слоя VI A Арслантепе, поскольку копьё близких пропорций известны и в памятниках середины III тыс. до н. э. – Тиль-Барсиб, Кархемьш. Майкопские горшки и миски также непригодны для хронологических построений, в том числе для синхронизации “Майкопа” и Урукского периода в Месопотамии, ведь подобные керамические формы могли существовать длительное время, например, в долине Балиха их изготовляли от Халафа до рандинастического периода.

горах Кавказа. Важную роль в развитии металлургии и металлообработки сыграло мастерство обработки камня. Так, результаты экспериментально-трассологического исследования каменных орудий, применявшихся для металлообработки показали, что население майкопской общности максимально использовало техническое наследие предшествующей эпохи, включая неметаллический инструментарий. Последний был трансформирован в новые модели, которые внедрены в старые и новые производства (Коробкова 1993). С фактом перехода к раннебронзовой стадии уже собственно на Северном Кавказе согласуется представление о своеобразии майкопской металлообработки (Кореневский 1988; Резепкин 1989). Предложенный нами термин “энеолитические субстратные памятники” нашел одобрение у В. А. Трифонова и использован в его работе (1996). Соглашаясь с А. Д. Резепкиным и С. Н. Кореневским в том, что майкопский, новосвободненский и субстратный компоненты, вероятно, имели различное происхождение и облик культуры, все же, учитывая факт их сосуществования на определенном этапе РБВ на Северном Кавказе, предлагаем использовать в качестве рабочего термина наименование майкопская культурная общность, что позволяет учесть субстратный характер местного компонента культур РБВ.

Сопоставим ведущие признаки КСД и предшествующих культур Западного Кавказа и попытаемся выяснить характер процесса культурурогенеза. В период ранней бронзы на Западном Кавказе располагались памятники майкопской общности (далее – МО). Собственно майкопские памятники занимали подгорную равнину, располагаясь, главным образом, на хорошо дренированных участках в поймах и на первых террасах Кубани и Терека; памятники новосвободненской группы занимали подгорную равнину и холмистые предгорья до высоты 400–700 м над уровнем моря; а памятники субстратной энеолитической группы – среднегорья высотой 600–800 м над уровнем моря. Известны памятники субстратной группы на большей высоте (Гуамский грот – 1200 м над уровнем моря) и на приморских террасах (Мысхако).

Хозяйство племен **майкопской** группы было смешанным с преобладанием земледелия, о роли которого говорят топография поселений и инвентарь: крупные сосуды для хранения зерна, мотыги, зернотерки, вкладыши от жатвенных ножей и т. п. Судя по небольшой мощности культурного слоя на поселениях (в среднем около 0,6 м), земледелие майкопцев было экстенсивным, что приводило к истощению полей и к необходимости перенесения стоянок на новое место. В стаде майкопцев преобладала свинья, на втором месте – крупный рогатый скот, а на третьем – овца (Мунчаев 1994; Кореневский 1993). Жилища были саманные, овальной формы. Погребения совершались в ямах. Покойников укладывали скорчено на боку и посыпали охрой. Известны курганы и грунтовые могилы (Псекупский могильник). Укрепленные поселения не обнаружены.¹⁶

¹⁶ Яркость двух уникальных памятников (курган Ошад и Старомышастовский “клад”) приводит к искаженной, завышенной оценке всей майкопской культуры, которая, на наш взгляд, не может считаться северным “форпостом” передневожосточной цивилизации (Трифонов 1987). Дело в том, что здесь не существовало долговременных поселений; не известны монументальные культовые постройки; нет здесь следов опечатывания, то есть нет важнейшего элемента древневожосточной цивилизации – категории собственности. Не следует преувеличивать и уровень прогресса в производстве майкопской керамики. Все достижения майкопских керамистов – ремесленный характер производства, медленный гончарный круг и двухъярусная печь – были известны и мастерам трипольской культуры, причем при более развитом формотворчестве (Ремесло ... 1994). Поэтому мы разделяем мнение Ю. Ю. Пиотровского, что “единичные майкопские памятники с

Предварительный анализ остеологических материалов из недавно открытого и исследуемого А. Д. Резепкиным поселения новосвободненской группы на берегу р. Фарс, напротив пос. Старчики, позволяет предположить, что основу хозяйства **новосвободненцев** составляло оседлое скотоводство с превалированием разведения крупного рогатого скота (45%). Свиноводство и разведение овец и коз имело подчиненное значение (по 19% костей). На долю охотничьей добычи приходится 15% от определенных костных остатков. Среди диких видов присутствуют кости зубра, лошади, благородного оленя (Спасовский 1996). О преобладании скотоводства в хозяйстве новосвободненцев можно судить и по косвенным данным: курганные могильники новосвободненцев располагаются на вершинах водоразделов и на краях высоких речных террас, что характерно для степных скотоводов. В инвентаре новосвободненцев не встречены пифосы для хранения зерна и мотыги, редко встречаются вкладыши от жатвенных ножей; в составе инвентаря найдены изображения коровы, баранов, собак. Если предположить, что новосвободненские гробницы с двускатной крышей повторяли форму жилых построек, то жилища новосвободненцев были прямоугольными (каркасно-столбовыми). Укрепленные поселения не обнаружены. Погребения в основном были подкурганными, хотя не исключено, что практиковался и обряд грунтовых погребений (Клады, Псыбе). Покойников укладывали скорчено на боку и посыпали охрой. Часто дно могил посыпалось галькой или песком. Погребения устраивались в ямах или на горизонте – в срубах, каменных ящиках и в мегалитических гробницах. Как правило, погребения окружались каменным кромлехом. Камень использовался также в виде наброски над могилой, крепиды или панциря поверх насыпи. Характерна изоляция могилы слоем водоупорной глины. Иногда курганные насыпи имели форму усеченного конуса (курганы с плоской вершиной).

Хозяйство **субстратных** племен также было смешанным с преобладанием скотоводства. Поселения расположены на высоких плато и речных террасах в условиях лесного и лесостепного ландшафта. Местное население разводило в основном свиней (более 50% фаунистических остатков), чему благоприятствовали распространенные здесь широколиственные леса. На втором месте – крупный рогатый скот (28%), а на третьем – овца (18%) (Формозов 1965; Цалкин 1970). Встречаются стоянки в гротах и пещерах, что продолжает местную неолитическую традицию. На поселениях найдены цедилки для переработки молочных продуктов, очажные подставки, сравнительно небольшое количество зернотерок и вкладышей от жатвенных ножей. Жилища были прямоугольными в плане, каркасно-столбовой конструкции с турлучными стенами, что продолжает местную традицию домостроительства (Нижняя Шиловка). Характерная отличительная черта субстратной группы памятников – укрепленные поселения, расположенные в местности, удобной для обороны (на останцах плато, на краю высоких террас и т. п.). Фортификация включает валы, рвы и стены из ломаного камня. Такие укрепленные поселения были, вероятно, окружены несколькими неукрепленными стоянками (Формозов 1965). Однако укрепленные поселения характерны только для раннего этапа развития культуры (Свободное, низ Мешоко, Ясенова поляна, Скала, Замок). На развитом этапе укрепления потеряли свое значение, например, верхние горизонты культурного слоя в Мешоко распространяются за пределы стен укрепления, а неукрепленные поселения располагаются на низких речных террасах (Хаджохские навесы).

древневосточными импортами неоднородны, представляют “конгломерат вещей” и являются, вероятно, погребениями “варварских” вождей” (1993).

Погребения субстратной группы были, по-видимому, грунтовыми (Нальчикский могильник, погребение на стоянке Скала). Покойников укладывали скорчено на боку или на спине и посыпали охрой. На стоянке Скала погребение совершено в каменном ящике, а в Нальчикском могильнике – в грунтовых ямах.

Тесные взаимоотношения трех описанных групп МО документируются распространением импортов: майкопские и новосвободненские импорты найдены на поселениях субстратной группы, а субстратные и майкопские изделия – в новосвободненских погребениях.

Сопоставление ареалов распространения памятников показывает, что КСД перекрывает в предгорьях ареал новосвободненской группы, а в приморских районах Западного Кавказа – субстратной группы. В ареале собственно майкопской группы памятники КСД не обнаружены. Памятники субстратной группы расположены обычно выше, чем памятники КСД, хотя в гротах и пещерах культурные слои, оставленные носителями КСД, иногда перекрывают культурные слои субстратной группы МО. Поскольку КСД на Западном Кавказе занимает место новосвободненской и отчасти субстратной групп (культур) МО, следует сопоставить с КСД параметры именно этих памятников, а не всей МО. Ландшафты сопоставляемых культур совпадают. Сопоставление их хозяйственной деятельности показывает, что племена КСД, как и население предгорий Западного Кавказа в предшествующую эпоху, практиковали смешанное хозяйство с превалированием животноводства. Отличия в составе стада – уменьшение доли свиньи – объяснимы с учетом различий в ареалах (племена КСД занимали степную зону, а субстратные племена – лесную). Сохраняется придомный характер животноводства при низкой доле овцы в стаде. Сходство хозяйства субстратных племен и строителей дольменов подкрепляют находки на поселениях глиняных цедилок для переработки молочных продуктов и различных очажных подставок. Учитывая результаты предварительного анализа остеологических материалов из первого поселения новосвободненской группы, можно констатировать особую близость по составу стада и облику хозяйства у носителей КСД и новосвободненцев – сохраняется превалирующая роль крупного рогатого скота в стаде при подчиненном значении свиньи и овцы. Отличия в остеологических материалах связаны с уменьшением доли охотничьей добычи в рационе носителей КСД, хотя ее видовой состав не претерпел изменений. Следов фортификации на памятниках КСД не обнаружено, хотя поселения Дегуакское и Старчики расположены на мысах высоких речных террас в естественно защищенных местах.¹⁷ Сопоставление каменной индустрии показало, что мастера КСД сохранили прежние предпочтения при выборе сырья и технику раскалывания, используемую субстратными неолитическими племенами МО. Из орудий особенно близки скребки на отщепах, долотовидные орудия, скобели, ножи для мяса, резцы, вкладыши от жатвенных ножей с зубчатым краем, черенковые наконечники дротиков. Совпадают традиции изготовления орудий на отщепах и комбинированных орудий, применение тщательной двусторонней ретуши при изготовлении наконечников стрел и дротиков. Новосвободненские памятники пока не дали материалы для сопоставления. В обработке камня КСД прослеживается явная преемственность от индустрии новосвободненской и субстратной групп МО по используемому сырью и по приемам (скалывание, пикетаж, шлифовка, пиление, сверле-

¹⁷ Возможно, в эпоху бронзы эти поселения располагались на низких террасах у самой воды (как, например, Хаджохские навесы). О подобном расположении поселений КСД свидетельствуют речные наносы, зафиксированные в культурном слое пос. Старчики (Рысин 1992а).

ние). Близки клиновидные шлифованные тесла субстратной группы и КСД. Особую близость демонстрируют наборы каменных орудий для металлообработки из новосвободненских погребений и поселений КСД. Полностью совпадают наборы орудий кузнецов и ювелиров, в том числе абразивы, песты, наковальни, молоточки, точильные бруски, дисковидные матрицы с углублением и шарики для выдавливания полусферических украшений из листового металла. Совпадает применяемая ювелирами архаичная техника двустороннего сверления при изготовлении каменных бус и подвесок. Близки каменные полированные топоры-молоты новосвободненской группы и КСД.

О наследовании строителями дольменов от местных племен навыков обработки камня предполагали А. Д. Столяр (1961, 1964) и А. А. Формозов (1965). Наглядный пример этому – преемственность владения техникой точечного выбивания (пикетажа). Субстратные племена изготавливали таким способом даже тонкостенные каменные браслеты. Новосвободненцы обрабатывали в пикетажной технике плиты своих гробниц и изделия из камня (например, скульптуру коровы из кургана № 31 на Кладах), а строители дольменов – стены своих наземных построек. Очевидно, мастерство КСД в обработке камня и строительстве мегалитических сооружений базируется на вековом опыте предшествующих культур, о котором свидетельствуют и гробницы Новосвободной, и каменные стены вокруг поселений субстратных племен в долине Белой.

Следы металлообработки на памятниках субстратной группы не обнаружены, несмотря на их сравнительно хорошую изученность. Находки изделий из металла единичны: несколько бусин, шилья, нож-бритва и нож с широким подтреугольным черенком (последний, скорее всего, является импортом майкопской или новосвободненской группы). Мы полагаем, что племена субстратной группы МО стояли на начальной, энеолитической стадии освоения металлообработки и процесс этот стимулировался контактами с населением майкопской и новосвободненской групп МО. Сопоставление металлургии и металлообработки КСД и новосвободненской группы позволяет установить следующее: во-первых, полное совпадение состава сплавов (следовательно, сохранение прежних источников сырья и технологий производства металлических изделий); во-вторых, поразительное сходство каменных орудий, применявшихся для металлообработки, подтверждаемое трасологическим анализом инструментария (Коробкова, Шаровская 1983; Коробкова 1993). Особенно близки инструменты, применяемые кузнецами и ювелирами: различные молоточки, наковаленки, абразивы, точильные камни, оселки, шарики и матрицы для изготовления полусферических бляшек из листового металла. Сходства каменного инструментария свидетельствует о совпадении технологии изготовления орудий. Наконец, совпадает большинство категорий производившихся металлических изделий: оружие (топор, кинжал), орудия (тесло, долото, стамеска, шило), votivное изделие (крюк), амулеты-“украшения” (височное кольцо, пронизка, полусферическая бляшка). Из изготавливавшихся прежде изделий в ареале КСД не найдены только металлические сосуды, наконечники копий и так называемые псаии. Прямая преемственность металлообработки ранней и средней бронзы на Западном Кавказе позволила А. А. Иессену предложить схему ее эволюции со сменяющимися друг друга новосвободненским и привольненским этапами (1950). Введение в научный оборот новых материалов сделало возможным дополнить схему А. А. Иессена еще одним этапом, непосредственно следующим за новосвободненским и предшествующим привольненскому (Рысин 1996). Этот этап мы предлагаем назвать **успенским**, по кладу из сел. Успенское на Кубани (Лопатин 1993). Изделия успенского

этапа наглядно подтверждают типологическую (и технологическую) преемственность металлообработки СБВ Западного Кавказа от новосвободненской металлообработки РБВ. Хотя типы изделий МО не переживают финала ранней бронзы, их измененные варианты продолжают бытовать и после смены культур в эпоху средней бронзы. Сравнительно-типологический анализ демонстрирует не только преемственность, но и прогрессивное развитие металлообработки КСД по сравнению с новосвободненской.¹⁸ Такой прогресс заключается для ведущего типа изделий – проушного топора – в усилении втулки валиками, а в дальнейшем в освоении литья топоров со стороны спинки. Другая прогрессивная новация СБВ – освоение орудий с раскованной и свернутой втулкой. Недавно получены новые данные, свидетельствующие об архаичном характере майкопской металлообработки. Дело в том, что большинство металлических изделий были уникальными, отлитыми по утрачиваемой восковой модели (Минаян 1996). Лишь изредка в РБВ используются разъемные литейные формы, позволявшие тиражировать продукцию, а их широкое применение связано с эпохой средней бронзы. Отмеченная преемственность металлообработки СБВ от новосвободненской тем более примечательна, что, по наблюдениям В. С. Бочкарева (1995), именно преемственностью в области ведущей технологии обеспечивалась непрерывность культурного развития и сохранение его прогрессивного вектора. Сравнивая продукцию металлообработки КСД и новосвободненской группы МО следует отметить сохранение преемственности и по отношению к орудиям для обработки дерева. Среди металлических орудий центральное место принадлежит плотницким инструментам: топору, теслу, долоту, стамеске. Их значимость подчеркивается включением в состав инвентаря погребений лиц с высоким прижизненным статусом. Напомним, что трасологический анализ каменного инвентаря пос. Старчики продемонстрировал особенно высокий процент орудий для обработки дерева (до 25%). Открытие остатков деревянной повозки в новосвободненском погребении (Кондрашев, Резепкин 1988) делает преемственность в области деревообработки еще более обоснованной, поскольку именно обладаниепряженными волами, деревянными повозками сделало возможным освоение предкавказских степей (особенно в условиях усилившейся суббореальной аридизации климата) и трансляцию достижений кавказских культур вплоть до Поволжья и Приуралья. Косвенным свидетельством изготовления повозок мастерами КСД служат находки глиняных моделей колес с выступающей ступицей и фигурки вола с отверстием в морде (для соединения с моделью повозки?). Вероятно, навыки изготовления транспортных средств, как и соответствующий инструментарий, были восприняты среднебронзовым населением Западного Кавказа от мастеров предшествующей эпохи. Не следует преуменьшать также значимость контроля носителей КСД над сырьевой базой в виде горных лесов. Об экспорте кавказской древесины свидетельствуют находки изделий из каштана в погребениях ямной культуры (Бидзиля, Яковенко 1973).

¹⁸ Прогресс в сфере металлообработки в эпоху средней бронзы очевиден в особенности при сопоставлении материалов из поселений МО и КСД. Не только на субстратных памятниках, но и на поселениях майкопской группы почти не встречаются следы металлообработки. На поселениях КСД обнаружены многочисленные свидетельства металлообработки – прежде всего остатки льячек и литейных форм, капли и слитки бронзы и т. п. При этом, исследованная площадь майкопских поселений превышает площадь, вскрытую раскопками на поселениях КСД. Конечно, окончательные выводы можно будет сделать только после изучения поселений новосвободненской группы.

Немногие имеющиеся данные о домостроительстве позволяют предварительно говорить о возможной преемственности наземных каркасно-столбовых построек прямоугольной формы КСД от жилищ субстратной группы МО. Сходство дополняется устройством очагов и одноярусных печей с глиняной обмазкой на основании из камней и гальки, и применением различных очажных подставок (кольцевидных и подковообразных).

Сопоставляя керамическое производство КСД с производством новосвободненской и субстратной групп МО следует предварительно заметить, что применение медленного гончарного круга и двухъярусной печи для обжига посуды являлись достижениями гончаров только одной майкопской группы МО. Следы использования медленного круга при формовке сосудов зафиксированы лишь для поздних новосвободненских памятников, сменивших майкопские в Центральном Предкавказье (Кабардино-Балкария, Чечня). Однако на Западном Кавказе большинство новосвободненских сосудов и вся керамика субстратной энеолитической группы МО были сформованы без применения гончарного круга (ленточным способом) и обожжены на костре либо в одноярусной печи. Таким образом, по способу формовки и по качеству обжига керамика КСД вполне сопоставима с посудой новосвободненской и субстратной групп МО. Сравнительный анализ по трем основным параметрам позволяет установить следующие соответствия посуды КСД и новосвободненской группы. Технология: совпадает способ формовки (донный начин, жгутовая лепка); отошители (песок, известняк, дресва); приемы обработки поверхности (лощение, ангоб, “чернение”, создающее эффект темной поверхности посуды со светлой “подкладкой”); прикрепление петельчатых ручек при помощи глиняных шпеньков, продетых в отверстие стенки сосуда. Морфологические признаки: соответствие по отдельным типам сосудов (“реповидный” горшок, миска и чаша со слегка завернутым внутрь краем венчика, “амфора” с петельчатыми ручками на переходе от плечика к шейке); по деталям моделировки сосудов (узкое, слегка вогнутое внутрь донце, выделение уступом или желобком места перехода от плечика к шейке, завернутый внутрь край венчика мисок и чаш, короткая прямая шейка с отогнутым наружу краем венчика у горшков). Орнаментация: соответствие в месте расположения декора на сосудах (горизонтальный пояс на плечиках горшков, на петельчатых ручках, на краю венчика мисок); в композиционном решении (горизонтальный ряд из наколов, прочерченных бороздок, наlepных шишечек со спускающимися на плечики дополнительными элементами, образующими при взгляде на сосуд сверху солярную композицию); в применяемых приемах нанесения декора (накол, прочерченный, желобчатый, наlep). Все же, более детальное сопоставление керамических комплексов невозможно до получения информации о посуде из новосвободненских поселений, поскольку набор керамики в погребениях ограничивался требованиями ритуала.¹⁹

Для керамики КСД и субстратной группы установлены следующие соответствия. По технологическим параметрам: совпадает набор отошителей (песок, кальцит, мергель, кварцитовая дресва); жгутовой способ формовки; характер обжига; некоторые приемы обработки поверхности (лощение, расчесы “гребенкой”). По морфологическим признакам: единственные элементы, сближающие посуду КСД и субстратной группы – наlepной “воротничок” на наружном краю венчика горшков и выступы-ручки различной формы. Орнаментальные признаки: соответствие по

¹⁹ Сопоставление затрудняется также отсутствием данных о керамике начального этапа СБВ.

приемам нанесения декора (налеп, накол, выдавленные изнутри шишечки – “жемчужины”); по мотивам и композиционному решению (радиально расположенные на плечиках налепные валики, гладкие и с наколами; горизонтальный пояс из выдавленных изнутри шишечек на плечиках; ряд наколов на краю венчика мисок). Итак, при несомненной оригинальности сопоставляемых керамических комплексов, посуда КСД обнаруживает определенную преемственность с керамикой новосвободненской группы МО. Особенно примечательно, на наш взгляд, соответствие по ведущему типу новосвободненских сосудов позднего этапа (тип 3А, по А. Д. Резепкину) – “реповидным” горшкам, а также совпадение таких признаков как: известняк в качестве отошителя, технология темнолощенной посуды со светлой “подкладкой”, узкое вогнутое донце, завернутый во внутрь край венчика миски, прикрепление ручки на шпенье, отделение шейки от плечика желобком, декор из ряда налепных шишечек под шейкой горшка. Значительно меньше соответствий прослеживается у посуды КСД и субстратной группы МО. Здесь наиболее важным мы считаем совпадение применяемых отошителей, различных ручек-выступов, налепов и наиболее распространенного приема орнаментации для субстратной керамики – выдавленных изнутри “жемчужин”. На стоянках субстратной группы, как и на поселениях КСД, обнаружены глиняные конические пряслица, просверленные кружки из стенок сосудов, а также фигурки животных, выполненные в предельно схематизированной манере.

Наиболее неожиданный вывод из сравнительного анализа керамических комплексов состоит в том, что на Западном Кавказе, в ареале новосвободненской и субстратной групп МО не наблюдается сколько-нибудь значительный регресс в сфере керамического производства при переходе к эпохе средней бронзы. Традиционно декларируемый регресс в керамическом производстве был связан только с исчезновением памятников майкопской группы МО с традицией применения медленного гончарного круга и двухъярусной печи для обжига керамики. Новосвободненская и субстратная посуда (за исключением импортной – майкопской) обычно сформована вручную и обожжена на костре либо в одноярусной печи; степень обжига ее – слабая или средняя, так что по своим качествам (по прочности, способу обжига) керамика КСД не уступает новосвободненской, а тем более субстратной посуде. Однако в эпоху СБВ не было забыто и такое прогрессивное приспособление майкопских гончаров как медленный гончарный круг. В последние годы обнаружены свидетельства его применения мастерами-керамистами СБВ центральной части Северного Кавказа (Кавминводы, Чечня). На наш взгляд, такие факты убедительно доказывают преемственность керамического производства ранней и средней бронзы в регионе.²⁰

Почти не удастся зафиксировать преемственность в сфере погребальной обрядности. Это может быть связано с катастрофическим характером процесса смены культур, вызвавшим изменение всей парадигмы древнего общества, прежде всего сферы идеологических представлений и обрядов перехода. Сопоставление погребальных обрядов показывает, что в отличие от резко ранжированного обряда новосвободненской группы (с отчетливо выделяющимися по наборам инвентаря погребениями верхушки социальной элиты), обряд КСД носит эгалитарный характер и скорее сопоставим в этом с обрядом субстратной группы МО. Погребения социальной элиты

²⁰ Для подтверждения преемственности керамического производства на Северо-Западном Кавказе большое значение приобретает наблюдение А. Н. Гея, что в керамических массах целого ряда археологических культур – от предмайкопской до позднекатакомбных – присутствует примесь белой минеральной дресвы (Гей 1995).

КСД, так же как и у новосвободненцев, отличаются по характеру от основной массы погребений, однако это выделение в эпоху средней бронзы достигалось, главным образом, за счет резкого возрастания трудозатрат на создание погребальных сооружений, а не расточительностью погребального инвентаря, как в новосвободненских “княжеских” погребениях или в Большом майкопском кургане. Можно предположить, что подобная перемена в отношении к “материальным ценностям” свидетельствует о своеобразном прагматизме элиты строителей дольменов,²¹ во всяком случае, это не служит показателем социальной деэволюции и регресса, традиционно постулируемых по отношению к племенам средней бронзы Северного Кавказа. Все же можно заметить элементы преемственности, связывающие обряды КСД и предшествующих культур Западного Кавказа. Так, присутствие в инвентаре элитарных погребений втульчатых крюков отражает преемственность общественных церемоний (тризна-жертвоприношение, приобщение к тотемному животному), в которых могли применяться такие крюки,²² судя по этнографическим параллелям, а кроме того за крюками сохраняется роль символа высокого прижизненного статуса владельца. Сохраняют свою статусную роль также бронзовые топоры, кинжалы, височные кольца, кремневые наконечники стрел. Еще один элемент преемственности мы видим в присутствии в инвентаре погребений социальной элиты орудий производства. Соответствие прослеживается и по отдельным элементам погребальных обрядов новосвободненской группы и КСД: совершение индивидуальных элитарных погребений в каменных наземных сооружениях, перекрытых насыпью в виде усеченного конуса (с плоской вершиной); подсыпка дна могил галькой или песком; применение охры и огня (угольки на дне могил); стремление изолировать тело погребенного от земли – наземные погребальные сооружения, каменные конструкции, замазывание щелей глиной, слой глины над перекрытием могилы; каменные конструкции-кромлехи, крепиды, контрфорсы, каменные “панцири”; кенотафы; жертвенные комплексы и т. п. Наконец, сохраняется преемственность в близости “сакральной” орнаментации на керамике и изделиях из металла у племен КСД и новосвободненцев (шишечки и насечки в “елочку”). Конечно, перечисленные параллели не всегда отражают родство рассматриваемых археологических культур. За ними может стоять родство или общность более высокого уровня, например, общность мировоззрения индоевропейских культур или культур строителей мегалитов. Возможность подобных параллелей мы упоминали выше, анализируя сходство мегалитических построек в различных регионах.

Несомненная преемственность прослеживается в социальной организации племен КСД от новосвободненских: это социальное ранжирование; выделение элиты, контролирующей торгово-обменные операции и их инфраструктуру; ремесленная специализация (прежде всего, в металлообработке, деревообработке и ювелирном деле); строительство монументальных погребальных памятников (в том числе мегалитических сооружений под насыпями с плоскими вершинами). Хотя в эпоху СБВ в могилах почти не встречается оружие и нет “княжеских” погребений, отли-

²¹ Подобное отношение к сопровождающему инвентарю характерно, например, для элиты древневосточных общин, где “царские” могильники являются скорее исключением.

²² Мы не согласны с трактовкой крюков только как символа бычьих рогов. В частности, предполагаемая функция крюков в обряде – тянуть, тащить, вытаскивать часть тела тотемного животного – вовсе не указывает на какую-либо их связь с рогами быка. На наш взгляд, здесь скорее прослеживается аналогия с когтями хищной птицы. Орудие в виде когтистой птичьей лапы могло возникнуть из представлений о птицеобразных тотемах, птицеобразности жрецов-шаманов, о терзании и поглощении тела тотема хищной птицей и т. п.

чающихся “пышностью” сопровождающего инвентаря, на наш взгляд, это означает не социальную деэволюцию по сравнению с новосвободненской группой МО, а изменение представлений о загробном мире у племен КСД.²³ Не всегда определяет социальный прогресс и количество оружия в погребениях. Так, почти нет оружия в погребениях под курганами Марткопи, Бедени и Триалети на Южном Кавказе, хотя устройство грандиозных погребальных сооружений, состав инвентаря и даже “сопровождающие” погребения зависимых лиц отражают далеко зашедший процесс дифференциации и, вероятно, более высокий уровень социальной организации, по сравнению с новосвободненскими племенами Северного Кавказа.

Подведем итог сравнительного анализа памятников ранней и средней бронзы Западного Кавказа.

1) Майкопская культура представляет собой многокомпонентное образование из собственно майкопской, новосвободненской и субстратной групп или культур с особыми ареалами, типами хозяйства, керамическими комплексами, погребальными обрядами и т. п.

2) Племена КСД заняли территорию новосвободненской и отчасти субстратной групп МО, поэтому целесообразно проводить дифференцированное сопоставление КСД с памятниками этих групп, а не всей МО.

3) Наибольшее соответствие наблюдается у КСД и новосвободненской группы МО. Преемственность демонстрируют ландшафт и тип хозяйства, каменная индустрия, металлургия и металлообработка, деревообработка и, в значительно меньшей степени, керамический комплекс и сфера идеологических представлений.

4) Отдельные элементы преемственности удалось проследить у КСД и субстратной группы МО – в хозяйстве, каменной индустрии, домостроительстве, керамическом комплексе и т. п.

5) Сравнение показывает несомненные местные “корни” КСД: так прямая преемственность наблюдается в металлообработке, в каменной индустрии и строительстве из камня, в деревообработке, в хозяйственной деятельности и т. п.

6) При дифференцированном подходе к МО не удастся подтвердить постулируемого многими исследователями регресса культуры и социальной деэволюции при переходе к эпохе средней бронзы. Представления о подобном регрессе связаны, очевидно, с исчезновением майкопской группы МО и с изменениями в сфере идеологических представлений, выразившимися в повышении эгалитарности погребального обряда. Не общий регресс культуры, а, напротив, прогрессивное развитие хозяйства и культуры племен КСД, наследованный ими опыт предшественников в обработке камня, металлургии, металлообработке, строительной технике сделал возможным блестящий и непревзойденный за всю древнюю историю Кавказа феномен массового мегалитического строительства на Западном Кавказе.

7) Судя по своим погребальным сооружениям, КСД представляет более высокую стадию в культурном развитии, по сравнению с новосвободненской и субстратной группами МО. В самом деле, трудозатраты на возведение тысяч мегалитических сооружений и ряда больших курганов намного выше усилий, затраченных на возведение двух сотен известных новосвободненских курганов и немногих гробниц. А сами наземные дольмены, как первые рассчитанные архитектурные сооружения явно превосходят новосвободненские гробницы, являющиеся по сути ка-

²³ Как отмечает В. М. Массон (1973), расточительность погребений свойственна для раннего этапа социальной дифференциации, но с развитием социальных институтов общество в более разумных пределах расходует силы на их пропаганду через погребальный обряд.

менными ящиками, сохраняющими целостность только за счет окружающего каменного керна и курганной насыпи. Наконец, сотни дольменов, покрывающих гребни и склоны холмов, создавали на территории Западного Кавказа качественно новое явление – археологический ландшафт.

Таким образом, смена культур при переходе к эпохе средней бронзы на западном Кавказе являет не регресс и упадок, а прогресс и основанный на прямой преемственности взлет культуры, ознаменовавшийся феноменом массового мегалитического строительства.

Сопоставив КСД с предшествующими культурами, попытаемся определить возможный механизм смены культур. Прямая преемственность, связывающая различные стороны культур ранней и средней бронзы Западного Кавказа (прежде всего металлообработку, каменную индустрию, хозяйство, домостроительство) позволяет отвергнуть предположение о миграции и значительной смене населения, и рассматривать как наиболее вероятную гипотезу культурную трансформацию. Яркие новации в керамическом комплексе и в сфере погребального обряда доказывают, что такая трансформация была стимулированной (Массон 1990).

Для выяснения факторов, стимулировавших смену культур, следует рассмотреть изменения, произошедшие во всем кавказском регионе. При этом обнаруживается синхронность смены культур на обоих склонах Кавказа и кризисных явлений в Причерноморье, Средиземноморье, Малой Азии и на Переднем Востоке. На наш взгляд, такая синхронность объяснима только в том случае, если трансформация культур была стимулирована экологическим кризисом. Экологический кризис мог быть связан с аридизацией климата, которая для начала суббореального периода подтверждается данными естественных наук, хорошо согласующимися с археологическими источниками (Абрамова, Турманинов 1983; Варущенко и др. 1980; Долуханов 1989; Иванов 1992). Поскольку земледельческие культуры сменяются скотоводческими синхронно на обоих склонах Кавказа, роль в этом экологического фактора представляется вполне вероятной (Арешян 1991; Массон 1991). О катастрофическом характере процесса смены культур свидетельствует и то, что памятники МО исчезают в период своего максимального расцвета, как бы на взлете культуры. В Закавказье кризис привел к исчезновению куро-аракской культурной общности, на Северном Кавказе и в Предкавказье перестала существовать майкопская общность, а в Северном Причерноморье и в Поднепровье – трипольская. В кавказском регионе экологические изменения вызвали деструкцию земледельческих обществ и усиление роли скотоводства, что привело в конечном счете к некоторому регрессу в культуре. С другой стороны, усиление скотоводческого сектора на Кавказе и на соседних территориях стимулировало развитие отдельных сторон жизни. Скотоводство давало возможность относительно быстрого накопления прибавочного продукта и концентрации властных функций в руках племенной элиты. Усилению племенной верхушки способствовала также неизбежная нестабильность в период кризиса военной ситуации. Эти же факторы стимулировали развитие добычи и обработки металла, в первую очередь, для изготовления оружия и престижных предметов, и привели в конечном счете к оформлению слоя профессиональных ремесленников, работавших на заказ. Неравномерность в распределении сырьевых запасов и потребность элиты в престижных атрибутах вызвали активизацию торгово-обменных связей. Эти достижения эпохи средней бронзы особенно ярко реализовались в “княжеских” погребениях Южного Кавказа (Марткопи, Бедени, Цнори, Триалети, Карашамб) и в мегалитических архитектурных комплексах Западного Кавказа: Псынако; Серебряный курган; Клады, курганы 39, 40.

Таким образом, адаптация к экологическому кризису стимулировала развитие социальных отношений, обмена и торговли, а также металлургии и металлообработки, что в конечном счете выразилось в сложении ярких и динамичных культур СБВ. Особенно наглядно опровергает принятый априори тезис о регрессе культуры в эпоху СБВ по сравнению с предшествующей эпохой обзор культурного развития в соседнем Закавказье и в Анатолии. Развитие металлообработки на Южном Кавказе в эпоху СБВ носило “взрывной” характер, количество металлических изделий всех категорий в памятниках курганных культур (Сачхери, Марткопи, Бедени) в десятки раз превышает коллекцию металлических изделий из памятников куро-аракской общности РБВ (Кушнарева 1993). Погребения элиты под курганами Марткопи и Цнори превосходят по трудозатратам на возведение погребальных сооружений и по пышности погребального инвентаря (а также по количеству сопровождающих погребений) не только куро-аракские, но и майкопские и новосвободненские элитарные погребения. Аналогичные процессы (взрывное развитие металлургии и металлообработки, появление ярких элитарных погребальных комплексов, развитие торгово-обменных связей) отмечены для СБВ Анатолии (Авилова, Черных 1989). Мы полагаем, что на Западном Кавказе также происходил расцвет металлообработки, однако редкость закрытых комплексов подобных эшерским дольменам не дает возможности адекватно оценивать ее уровень.²⁴

Анализируя процесс смены культур на региональном уровне, отметим, что в погребальном обряде и в металлообработке культур СБВ на Северном Кавказе фиксируются как традиционные элементы, так и принципиальные новации. Перечислим важнейшие традиции и новации и попытаемся локализовать источники новаций. В погребальном обряде к традиционным элементам относим следующие: “эмбриональная” поза погребенных (скорченное положение на боку либо на спине); прямоугольные грунтовые ямы с перекрытием из дерева или из камня; деревянные срубы или различные каменные конструкции (обкладки и ящики с плоским либо ложноводчатым перекрытием), установленные на древнюю поверхность или углубленные в грунт; разнообразные каменные надмогильные конструкции – кромлехи, керны, вымостки, крепиды, “панцири”; курганные насыпи с плоской вершиной; слой речной гальки или песка на дне могилы; замазывание щелей в конструкции могилы глинистым раствором; посыпание дна могилы и тела “охрой”; угли в могиле; кенотафы; тризны; жертвенные комплексы; повозка или ее части в могиле; орудия труда в составе инвентаря лиц с высшим социальным статусом. К новациям обряда относятся: положение погребенного выпрямлено на спине; обряд вторичного погребения костей в “шкуре” (в мешке); склеповый обряд (с подхораниванием останков) в различных сооружениях со входом-дромосом – купольных гробницах, дольменах, катакомбах; “огненные ритуалы”, в том числе частичное сожжение тела и деревянных конструкций могилы, угли в жаровне, в курильнице; антропоморфные статуэтки в могиле; фиксация в инвентаре профессиональной специализации погребенных; бескерамичность инвентаря на начальном этапе СБВ.

²⁴ В качестве примера неадекватного отражения источниками прогресса металлообработки СБВ на Северном Кавказе можно привести Дагестан. Здесь до недавнего времени было известно сравнительно немного находок металлических изделий в погребениях культур средней бронзы. Однако обнаружение только одной катакомбы великентского могильника значительно увеличило фонд источников по металлообработке СБВ, ведь в этой катакомбе было найдено более 1500 изделий из металла.

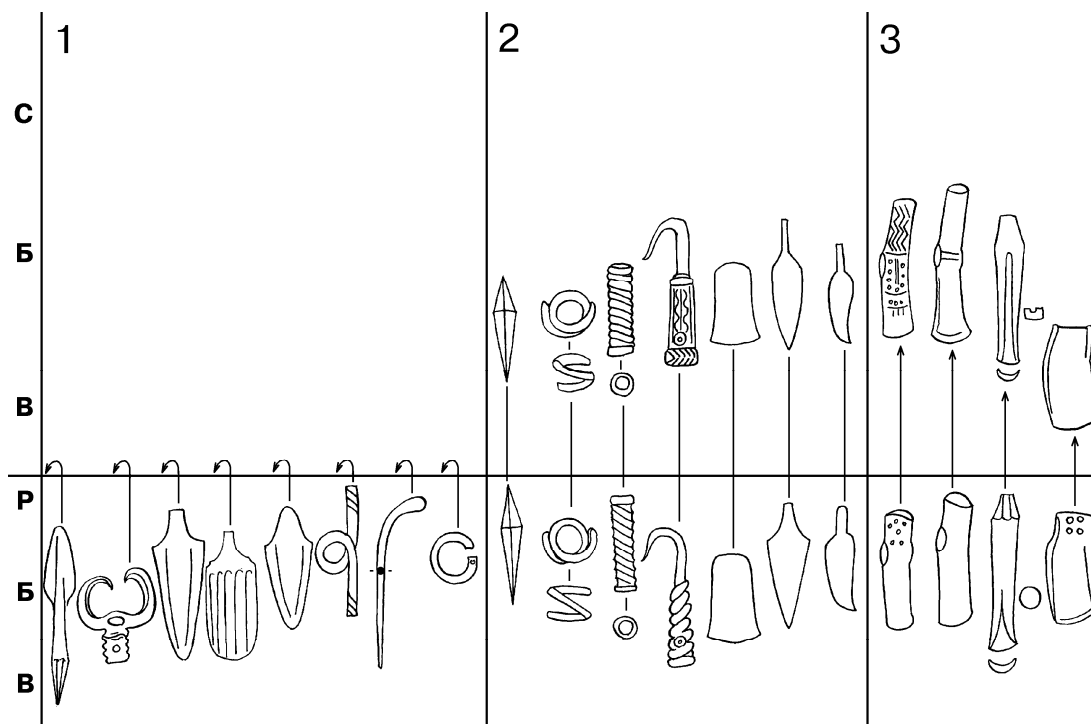

Рис. 16. Эволюция металлообработки на Северном Кавказе:
 1 – отрицательная инновация; 2 – абсолютная традиция;
 3 – относительная традиция; 4 – абсолютная инновация

Положение погребенного выпрямлено на спине, а, возможно, редкость керамической посуды и фиксация в инвентаре прижизненной специализации мастеров-ремесленников могут, на наш взгляд, связываться с распространением на Северном Кавказе традиций, практиковавшихся ранее населением степных районов (Приазовье, Подонье, Поднепровье). Погребения в склепах, мегалитическое строительство, обряд вторичного погребения мы связываем с воздействием из круга восточносредиземноморских культур. На наш взгляд, при сравнении мегалитов Кавказа и других регионов акцент следует перенести на сопоставление стиля архитектуры. Здесь выясняется, что при несомненном своеобразии стиля кавказских построек, целый ряд признаков: симметричность конструкции; рассчитанное соотношение несущих и покоящихся частей; тщательная отделка поверхности плит; выделение фасада со входом, обрамленным “пилонами”; апсидное завершение камеры так называемых подковообразных гробниц; стела-опора ложносводчатого перекрытия; оформление стен дромоса в виде “крыльев” из горизонтально уложенных плит и т. п., – позволяет относить кавказские мегалиты к восточносредиземноморской архитектурной традиции. Частичное сожжение погребенных и конструкций могилы; угли в жаровне, курильнице (аналог очажной подставки-алтаря); помещение в могилу антропоморфной статуэтки мы также связываем с традициями эгейско-малоазийских культур.²⁵

²⁵ Помещение в могилу так называемого мясного крюка тоже связывает Кавказ с Восточным Средиземноморьем. Трезубый крюк, аналогичный крюку из дольмена в сел. Эшери,

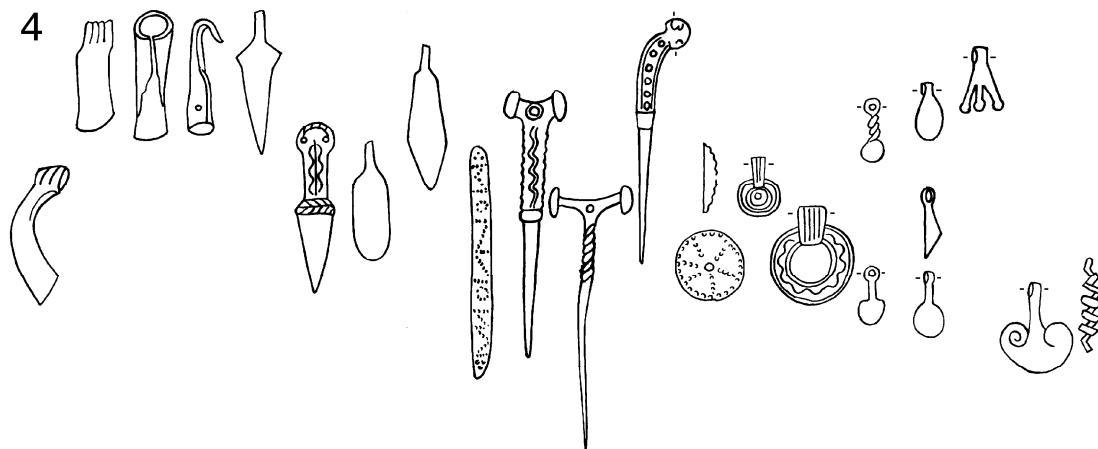

Рис. 16. (продолжение)

В металлообработке СБВ Северного Кавказа, как уже упоминалось выше, наблюдается преемственность и эволюция основных типов орудий и votивных предметов. Сохраняются в СБВ также ведущие типы амулетов-“украшений” предшествующей эпохи: височные кольца и 1 и 1,5 оборота, пронизки-трубочки, биконические и боченовидные бусы, полусферические колпачки (рис. 16).²⁶ К числу новых металлических инвентаря следует отнести: черенковые ножи с клинком листовидной формы; ножи-“бритвы”; кинжалы с зауженным под плечиками клинком; шилья с утолщением-упором на корпусе; вислообушные топоры с узким планом клина. Принципиальные перемены произошли в комплексе амулетов-“украшений”. Именно амулеты и votивные “булавки”²⁷ новых, неизвестных на Кавказе ранее типов, служат маркирующими изделиями для инвентаря погребений СБВ.

обнаружен Д. Мюри в склепе эпохи бронзы на Кипре еще в 1913 г. Вызывает удивление, что исследователи кавказских мегалитов до сих пор не замечали подобную параллель в обрядовой практике.

²⁶ Принципы построения таблицы и терминология разработаны В. С. Бочкаревым (1990).

²⁷ Нам кажется убедительным предположение Г. М. Бурова об использовании части так называемых булавок и рогаток в качестве ритуальных трещоток. “Булавка” при этом выполняла роль штока музыкального инструмента, к которому подвешивались металлические либо деревянные элементы (Буров 1996). В Восточном Средиземноморье были широко распространены подобные музыкальные инструменты, которые могли послужить прототипами кавказским трещоткам. Особый интерес, на наш взгляд, представляют “рогатые” трещотки из Аладжи и Хорозтепе.

Большинство перечисленных новаций в металлическом инвентаре СБВ и, в первую очередь, все без исключения новации в наборе вотивных изделий, амулетов мы связываем с культурами Малой Азии. То, что малоазийские изделия послужили именно прототипами для кавказских, а не являются типологическими параллелями, дериватами последних, как это представляют сторонники существования так называемой циркум-понтийской зоны металлообработки (Черных 1978; Авилова, Черных 1989), подтверждают, на наш взгляд, следующие обстоятельства. Во-первых, хронологический приоритет малоазийских образцов. Во-вторых, тот факт, что амулеты-“украшения” в Малой Азии являются серийной продукцией крупных ювелирных мастерских и изготовлены, в основном, из золота. Кавказские же амулеты изготовлены из бронзы (золотые и серебряные образцы встречаются здесь в единичных случаях). Наконец, кавказские мастера копировали в литье более совершенную технику – зернь, филигрань – малоазийских ювелиров. Истоки новаций стиля декора металлических изделий и керамики Северного Кавказа также обнаруживаются в декоре изделий из Малой Азии и Луристана периода РБВ.

В обряде перехода в иной мир, в амулетах и вотивных предметах отражены основы идеологии догосударственных обществ, следовательно, процесс культурной трансформации сопровождался на Северном Кавказе заменой и обновлением “идеологического каркаса” общества, его мировоззрения. Причем установлено, что новая элита, лидеры консолидирующихся после кризиса и деструкции общин искали и находили “образцы для подражания” главным образом в эгейско-малоазийском регионе. Это предположение мы можем объяснить глубинным родством культур, уходящим в палеолит, а главное тем, что Малая Азия заняла к середине III тыс. до н. э. лидирующее положение в металлургии, металлообработке и в ювелирном производстве на Древнем Востоке. Именно лидерство в области ведущей технологии (Бочкарев 1995) позволило Малой Азии распространять свои культурные стандарты на тесно связанный с ней в сфере металлообработки Кавказ. Возвращаясь к КСД Западного Кавказа, добавим, что в малоазийско-эгейском регионе обнаруживаются истоки целого ряда характерных форм и элементов керамического комплекса этой культуры: курильница; сосуд на ножках и выделенной подставке; бокал; чайник; кубок и кружка с ручкой, поднятой над краем венчика; чаша со сливом-носиком; чаша с ручкой (расположенной над краем венчика), концами прикрепленной к наружной и к внутренней поверхности корпуса; сосуд с каннелированной поверхностью; крышка для сосуда; “трубчатая” или “катушечная” ручка; крепление ручки с помощью глиняного шпенька, продетого в отверстие на корпусе сосуда наподобие заклепки и т. п. (рис. 17). С Малой Азией мы связываем также происхождение характерной для керамики КСД традиции копирования в глине металлической посуды. Дело в том, что западноанатолийские гончары, пережившие на заре РБВ, по выражению Ф. Шахермейра, “металлургический шок”, подражая престижной и популярной металлической посуде стали изготавливать так называемую чернополированную керамику. Позднее традиция подражания металлической посуде (в первую очередь, серебряной) распространилась на острова эгейского бассейна и материковую Грецию, а в начале СБВ достигла Кавказа (культура ранних курганов в Закавказье и КСД Западного Кавказа).

Отдельную проблему представляет анализ связей с Южным Кавказом в процессе культурной трансформации. Здесь имело место как распространение элементов центральнокавказских культур на север (например, чернолощенная со светлой подкладкой посуда, очажные подставки, бронзовые вислобушные топоры с узким планом клина), так и трансляция через Закавказье достижений малоазийских культур (Ростунов 1985; 1996; Кушнарева, Рысин 1996).

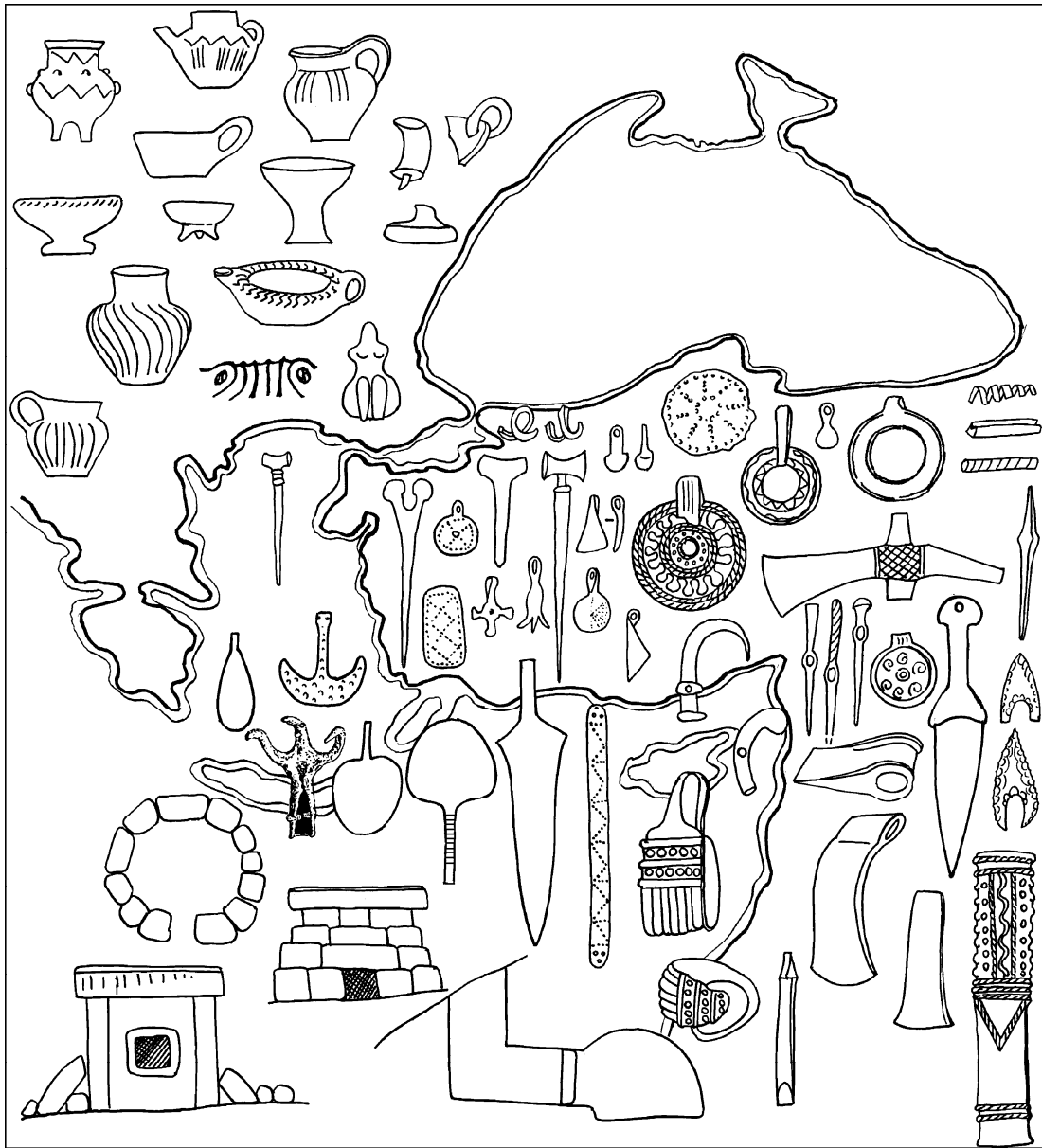

Рис. 17. Истоки новаций в культурах Кавказа эпохи средней бронзы

В заключение перечислим основные результаты анализа процесса культурогенеза на Северном Кавказе.

1. Смена культур при переходе к эпохе средней бронзы произошла в результате стимулированной культурной трансформации.

2. Трансформация культур в обширном регионе была стимулирована усилением аридизации климата в начале суббореального периода голоцена. Аридизация

вызвала системный кризис ориентированных на неполивное земледелие общностей юга Восточной Европы и деструкцию культур от Средиземноморья до Каспия.

3. Культурная трансформация на Северном Кавказе сопровождалась заменой “идеологического каркаса”, то есть идеологических представлений, ценностей и стереотипов поведения древнего населения. Поэтому принципиальные новации охватывают, прежде всего, погребальный обряд, комплекс амулетов-“украшений” и стиль орнаментации культур СБВ.

4. Элита социума, лидеры (чья роль, по-видимому, чрезвычайно возрастает в периоды общественных кризисов), консолидировавшие кавказские племена после хаоса культурной трансформации, “нашли”, “заимствовали” новую “идеологическую систему” в малоазийско-эгейском регионе. Так, комплекс амулетов-“украшений” (маркирующий северокавказские памятники СБВ) целиком восходит к малоазийским образцам эпохи ранней бронзы. В малоазийско-эгейском регионе обнаруживаются истоки целого ряда новаций погребального обряда и керамического комплекса кавказских культур СБВ и, в первую очередь, культуры строителей дольменов Западного Кавказа.

- АБРАМОВА, Т. А., В. И. ТУРМАНИНОВ. 1983. Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое. М.
- АВИЛОВА, Л. И., Е. Н. ЧЕРНЫХ. 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественные научные методы в археологии. М.
- АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, А. Л. 1988. Эволюция почв Восточной Европы на границе между лесом и степью // Естественная и антропогенная эволюция почв. Пушкино.
- АНДРЕЕВА, М. В. 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. № 1.
1987. Рец. на кн.: Кавтарадзе Г. Л. “К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии” // СА. № 4.
1991. Майкопские и куро-аракские сосуды в роли культурных знаков: опыт сравнительного анализа // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- АРЕШЯН, Г. Е. 1991. Соотношение типов хозяйства и развитие культур в раннем и среднем бронзовом веке армянского нагорья и Южного Кавказа // Мировая культура. Традиции и современность. М.
- БИДЗИЛЯ, В. И., Э. В. ЯКОВЕНКО. 1973. Рало из позднеямного погребения конца III – начала II тыс. до н. э. // СА. № 3.
- БОЧКАРЕВ В. С. 1982. О соотношении сейминского и турбинского могильников // Докл. на археол. совещ. по проблемам срубной культурной общности в г. Куйбышеве в 1982 г.
1990. Процесс культурогенеза и развитие металлообработки на юге Восточной Европы в эпоху поздней бронзы // Доклад на Конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. А. Латынина. Л.
1995. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы средней и восточной Европы. СПб.
- БОЧКАРЕВ, В. С., Э. С. ШАРАФУТДИНОВА, А. Д. РЕЗЕПКИН, В. А. ТРИФОНОВ, Г. Н. БЕСТУЖЕВ. 1983. Работы Кубанской экспедиции 1978–1980 гг. // Древние культуры Евразийских степей. Л.
- БУРОВ, Р. М. 1996. К вопросу о назначении молоточковидных булавок // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей. Материалы международной конференции. Ч. 1. Донецк.
- ВАРУЩЕНКО, А. Н., С. И. ВАРУЩЕНКО, Р. К. КЛИГЕ. 1980. Изменение уровня Каспия в позднем плейстоцене – голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ, Н. И. 1910. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах южной России и на Кавказе // ИАК. Вып. 35. СПб.

- ВОРОНОВ, Ю. Н. 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.
- ГАЛИБИН, В. А. 1991. Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа // Древние культуры Прикубанья. Л.
- ГЕЙ, А. Н. 1995. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. Армавир.
- ДМИТРИЕВ, В. А. 1992. Малая мера дольменов Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- ДОЛУХАНОВ, П. М. 1989. Аридная зона Старого Света: экономический потенциал и направленность культурно-хозяйственного развития // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- ИВАНОВ, И. В. 1992. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.
- ИЕССЕН, А. А. 1950. К хронологии “Больших кубанских курганов” // СА. № XII.
- КОНДРАШЕВ, А. В., А. Д. РЕЗЕПКИН. 1988. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. Вып. 193.
- КОРЕНЕВСКИЙ, С. Н. 1981. Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
1983. О металле эпохи бронзы эшерских дольменов // КСИА. Вып. 176.
1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии. Нальчик.
1988. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
1993. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М.
- 1996а. Проблема стадияльного соотношения поселений с накольчатой жемчужной керамикой и поселений майкопской культуры // XIX КЧ. М.
- 1996б. К вопросу о локальных различиях и внутренней типологии Майкопско-Новосвободненской общности с учетом данных ее поселений // МАЕ. СПб.
- КОРОБКОВА, Г. Ф. 1993. Техничко-технологический аспект в изучении производств майкопской культуры // Вторая кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- КОРОБКОВА, Г. Ф., Т. А. ШАРОВСКАЯ. 1983. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы у станиц Новосвободной и Батуринской // Древние культуры евразийских степей. Л.
- КУБЫШЕВ, А. И., И. Т. ЧЕРНЯКОВ. 1985. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы // СА. № 1.
- КУФТИН, Б. А. 1949. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси. Т. I.
- КУШНАРЕВА, К. Х. 1993. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. СПб.
- КУШНАРЕВА, К. Х., М. Б. РЫСИН. 1996. Роль Кавказа в системе межрегиональных связей в древности // XIX КЧ. М.
- КУШНАРЕВА К. Х., Т. Н. ЧУБИНИШВИЛИ. 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.
- ЛОПАТИН, А. П. 1993. Успенский клад эпохи средней бронзы // Первые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир.
- МАРКОВИН, В. И. 1973. Составные дольмены с ложным сводом на Западном Кавказе // КСИА. Вып. 134.
1977. Дегуакско-Даховское поселение дольменной культуры в Прикубанье // СМАА. Майкоп.
1978. Дольмены Западного Кавказа. М.
1985. Испун – дома карликов. Краснодар.
1994. Дольмены Западного Кавказа; Северокавказская культурно-историческая общность // Археология России. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М.
- МАССОН, В. М. 1973. Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые аспекты социологической интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
1989. Первые цивилизации. Л.
1990. Феномен культуры и культуригенез древних обществ // Археологические культуры и культурная трансформация. Л.

1991. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.
- МИНАСЯН, Р. С. 1996. Литейное производство на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы // МАЕ. СПб.
- МУНЧАЕВ, Р. М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
1994. Куро-аракская культура // Археология России. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М. Гл. I.
- НЕХАЕВ, А. А. 1992. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. № I. СПб.
- НИКОЛАЕВА, Н. А. 1981. Периодизация кубано-терской культуры: Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- НИКОЛАЕВА Н. А., В. А. САФРОНОВ. 1974. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // Сообщения НМС по охране памятников культуры. Вып. 7. М.
- ПИОТРОВСКИЙ, Ю. Ю. 1984. Комплекс антропоморфных изображений Ульского аула и вопросы контактов населения Северного Кавказа в эпоху средней бронзы // Археологический сборник. Вып. 25. Л.
1991. Датировка археологического комплекса Майкопского кургана (Ошад) и проблемы хронологии "майкопской" культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
1993. "Майкоп" и Древний Восток // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб.
- ПРОПП, В. В. 1996. Исторические корни волшебной сказки. СПб.
- ПХАКАДЗЕ, Г. Г. 1987. К вопросу о взаимосвязи западно-грузинской раннебронзовой и майкопской культур // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.
1993. Западное Закавказье в III тыс. до н. э. Тбилиси.
- РЕЗЕПКИН, А. Д. 1988. Типология мегалитических гробниц Западного Закавказья // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
1989. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
1991. Культурно-хронологические аспекты происхождения и развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
1993. К относительной хронологии энеолитических и бронзовых памятников Северного Кавказа // Вторая кубанская археологическая конференция. Краснодар.
1996. К проблеме соотношения хронологии культур эпохи энеолита – ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья // МАЕ. СПб.
- Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. 1994. Киев.
- РОСТУНОВ, В. Л. 1983. О куро-аракских элементах в керамике дольменной культуры // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе.
1985. Куро-аракская культура на Центральном Кавказе // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.
1996. Определяющие признаки куро-аракской культуры на Центральном Кавказе по материалам погребальных памятников // XIX КЧ. М.
- РЫСИН, М. Б. 1991. Майкопская общность и генезис культуры строителей дольменов // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
1992а. Закубанье в эпоху средней бронзы (По материалам поселений предгорной зоны): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.
1992б. Керамика из поселения строителей дольменов в Майкопском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
1994. Дольмены Западного Кавказа и поселения // XVIII КЧ. Кисловодск.
1996. Начальный этап эпохи средней бронзы на Северном Кавказе // МАЕ. СПб.
- СОЛОВЬЕВ, Л. Н. 1960. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Тр. АБИЯЛИ. Вып. 31. Сухуми.
- СПАСОВСКИЙ, Ю. Н. 1996. Предварительный анализ фаунистических остатков из энеолитического поселения Новосвободное // XIX КЧ. М.
- СТОЛЯР, А. Д. 1961. Мешоко – поселений майкопской культуры // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. 2. Майкоп.

1964. Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам работы Гос. Эрмитажа за 1963 г. Л.
1996. О реалиях Майкопского кургана как свидетельствах драматургии энеолитической истории Кубани // МАЕ. СПб.
- ТЕШЕВ, М. К. 1986. Гробница Псыбе – памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
1988. Мегалитический архитектурный комплекс Псынако I в Туапсинском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- ТРИФОНОВ, В. А. 1983. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
1987. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. Вып. 192.
1991. Особенности локально-хронологического развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
1996. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // МАЕ. СПб.
- ФОРМОЗОВ, А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.
1972. Поселения Адыгеи эпохи раннего металла // СМАА. Т. III. Майкоп.
1994. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья // СА.; № 4.
- ЦВИНАРИЯ, И. И. 1990. Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси.
- ЦАЛКИН, В. И. 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
- ЧЕРНЫХ, Е. Н. 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4.
- ШАРОВСКАЯ, Т. А. 1985. Производственная деятельность обитателей поселения Старчики // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тез. докл. Всесоюз. археол. конференции. Баку.

**КАВКАЗСКИЙ ПУТЬ К ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ВОПРОСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Нам уже приходилось отмечать, что вхождение ряда областей Закавказья в состав державы Урарту с ее классическими формами сложившейся древневосточной цивилизации как бы подводило итоговую черту процессам, давно начавшимся в среде местного общества (Массон 1970: 93). Исследователи неоднократно обращали внимание на высокий уровень развития этого общества на разных этапах его существования, хотя в конкретных определениях и были скованы ограниченной понятийной сеткой формационного эволюционизма. Характерно заключение М. Г. Гаджиева, одного из исследователей, тонко чувствующих сложность и многообразие исторического процесса. В одной из последних работ, так и озаглавленной “Северо-Восточный Кавказ на пути к ранней цивилизации”, он пишет про период, предшествующий упадку и определенному откату назад: “Уровень экономического, социального и культурного развития населения Северо-Восточного Кавказа в раннебронзовом веке вполне соответствует уровню развития древних обществ, находящихся на определенном этапе становления раннеклассового общества, у порога цивилизации” (Гаджиев 1996: 38). Здесь, в рамках традиционной для советских исследователей понятийной сетки, вполне адекватно освещены процессы, происходившие в майкопское время с последующим, постмайкопским перепадом.

Представляется, что на данном этапе методологических разработок концепция ранних комплексных обществ наиболее адекватно характеризует феномен майкопского общества и взлет южнокавказских структур в пору существования культур триалетского типа. Вместе с тем отход от прямолинейности формационного эволюционизма позволяет представить более реальное освещение сложного пути, который прошли древние народы Кавказа, с его ритмами и перепадами, со стагнацией и даже деградацией.

В начале этого пути мы застаем на Кавказе, как и во многих других регионах Старого Света, архаическое раннеземледельческое общество, совершившее скачок от присвоения продуктов питания к их производству. Судя по исследованиям в горной пещере Чох, это была в значительной мере спонтанная трансформация, хотя на Южном Кавказе и ощущаются определенные переклички и даже связи с высокоразвитыми переднеазиатскими культурами этой эпохи. Комплексы культуры Шому-тепе – Шулавери, относящиеся в основном к VI–V тыс. до н. э., несут определенные черты, присущие раннеземледельческой эпохе: прочные стационарные дома, благоустроенный быт и в какой-то мере начальные ступени прикладного искусства, включая зооморфную пластику. Вместе с тем достаточно отчетливы и признаки культурной самобытности. Устойчивая традиция длительного сохранения круглопланных строений заметно отличает южнокавказские поселки от ближневосточных современников, довольно быстро отошедших от подобной планировки, несущей традиции овальных жилищ и полуземлянок. Не затронули южнокавказские общины и некоторые стандарты раннеземледельческой эпохи Ближнего Востока, в частности строительная традиция устройства известковых полов, окрашенных в красный и черный цвета. Крайне бедна антропоморфная скульптура, наход-

ки женских фигурок буквально единичны. В наиболее южных областях заметно взаимодействие с основным ареалом ближневосточной ойкумены. Высококачественная импортная расписная керамика халафского стиля представляла своего рода предмет роскоши в скромных обиталищах южнокавказских общинников. Тонкостенная расписная посуда достигала и северных окраин региона, как об этом свидетельствуют раскопки дагестанского поселения Гинчи.

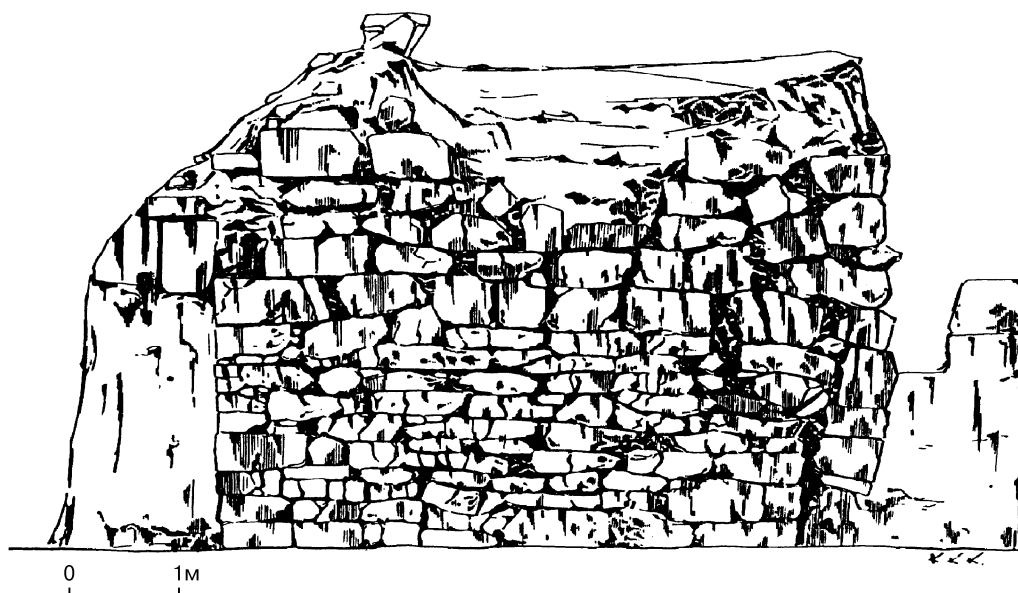

Рис. 18. Мохраблур. Каменная платформа алтаря

Если южнокавказские культуры представляли собой хотя и бедную, но все же часть большого ареала культур древневосточного типа, то на севере, видимо, преобладали черты развития, характерные для степных культур Восточной Европы. При переходе к производящей экономике весьма заметную роль играл скотоводческий уклад. Иными были и культурные ориентации в керамике и домостроительстве, хотя, как показывают раскопки поселения Свободное, такая особенность эпохи как мелкая пластика представлена достаточно ярко. Правда, и она стилистически ближе скорее не ближневосточным, а европейским, в частности трипольским традициям.

Как бы то ни было, как и повсюду в ближневосточном макрорегионе, раннеземледельческие культуры стали исходным пластом для последующего прогресса. В этом отношении весьма показателен комплекс куро-араского типа по всем показателям, характеризующий уже развитое раннеземледельческое общество. Здесь налицо явные признаки качественно нового состояния. Благоустроенный быт, при котором в частности начинается смена типа круглопланных жилищ прямоугольными, сопоставим, особенно по качеству глиняной посуды, с высокоразвитыми раннеземледельческими обществами балканского ареала. Появляются святилища, развивается фортификация, процветает общинное ремесло.

Вместе с тем, достаточно сложны вопросы культурологической (особенно культурогенетической), да и социологической оценки куро-араского общества.

Для куро-аракских комплексов характерно поразительное культурное, а если говорить об артефактах, то и типологическое единообразие на огромной территории. Это явление, решаемое традиционно на основе концепции “прародины” или центра происхождения, вызвало к жизни обширную литературу, но в рамках традиционных разработок не нашло пока убедительного объяснения. С точки зрения культурогенеза, понимаемого в общем плане, очевидно, что культуры типа Шому-тепе – Шулавери являли собой культурный, да и экономический субстрат куро-аракской общности. Вместе с тем, видимо, огромную роль играли процессы культурной интеграции, распространение и быстрое восприятие культурных стандартов и эталонов, образующих своего рода “моду эпохи”.

Определенные соответствия такое заключение находит при социологической оценке куро-аракского общества. Здесь прежде всего обращают на себя внимание изменения в системе расселения. Формируется иерархическая структура поселений, где первую группу составляют поселки площадью в 1–1,5 га, вторую – от 3 до 5 га и третью – центры площадью около 10 га (Кушнарева 1993: 56, сл.). Характерна гнездовая группировка, когда, как, например, в районе Элара, центральный памятник занимает площадь в 12 га, а вокруг него располагаются селения менее значительной величины. Иерархия поселений, скорее всего, восходит к сложной иерархической структуре самого общества. Происходит развитие фортификации – появляются стены циклопической кладки. Такова стена с контрфорсами Элара. Стена с башнями окружала и другое крупное поселение – Шенгавит. Совершенно четко выделяются строения, несущие функцию святилищ, причем некоторые из них, как, например, Мохраблур, характеризуют зачатки монументальной архитектуры (рис. 18). Там каменный алтарь располагался на платформе четырехметровой высоты, сооруженной из каменных плит (Арешян, Кафадарян 1975). Можно считать, что крупные центры имеют тенденцию развития по урбанистическому пути. Правда в них, как и в балканских поселках, еще не выражена функция идеологического лидерства, характеризуемая в Шумере возведением монументальных храмовых строений. Идеологическая деятельность, как и на Балканах, рассредоточена по нескольким небольшим святилищам. Фортификационные сооружения также отражают, в первую очередь, функцию защиты и убежища – внутри циклопических крепостей в горах, начало сооружения которых восходит к поре Куро-Аракса, отсутствуют постройки и значительный культурный слой. Сравнительно слабое развитие оружия также отражает ограниченное значение наступательной военной функции в обществе. Это кстати характерно для многих раннеземледельческих обществ балканского типа, прежде всего трипольского. Видимо, в частности поэтому при начавшихся внутренних трудностях оно не выдержало натиска воинственных степняков.

Социальная структура в пору Куро-Аракса в той мере, в какой ее отражают типы строений и погребений, выглядит более монотонной. Только единичные захоронения выходят за рамки, характерные для эгалитарного общества. Лишь к концу периода эта монотонная картина начинает несколько нарушаться (Кушнарева 1993: 271). Относительно богатые мужские захоронения содержат наборы из кинжала, булавы, иногда копья и немногих золотых украшений. Женское погребение в могильнике Квацхелебе, видимо, связано с особой, выполнявшей культовые функции – помимо браслета и ожерелья из сердоликовых бус там найдена медная диадема с изображением оленей, птицы и астральных знаков (рис. 2: 11). Возможно, куро-аракское общество в социальном плане уже продвигалось по пути, ведущему к формированию структуры раннего комплексного общества, но зримые свидетельства крупномасштабного организованного труда здесь еще слабо представле-

ны. Сооружение святилища в Мохраблуре вполне могло быть делом рук отдельной общины. Можно заключить, что начинающееся развитие раннеземледельческого общества по урбанистическому пути, как об этом свидетельствует концентрация населения и экономического потенциала в крупных центрах, способствовало развитию процессов культурной интеграции, давших столь поразительное культурное единообразие куро-аракских археологических комплексов.

Определенным контрастом с таким градуалистическим развитием является картина, наблюдаемая на Северном Кавказе. Здесь формируется майкопский феномен, как один из наиболее ярких примеров ранних комплексных обществ в столь древний период. Его символизирует стремление к возвеличиванию общественных лидеров, отраженное в возведении монументальных погребальных сооружений. Богатые и разнообразные приношения характеризуют многообразие управленческих функций, осуществлявшихся или приписываемых этим лидерам. Монументальный курган богатого вождя становится своего рода символом ранних комплексных обществ кавказского типа. Наряду с бесспорно исходной подосновой местных скотоводческо-земледельческих общин типа Свободной здесь безусловна стимулирующая трансформация. Не касаясь в данном случае вопроса ее конкретного формопроявления, отметим, что миграционная модель представляется наименее вероятной ввиду отсутствия на Северном Кавказе комплексов с устойчивым широким набором артефактов переднеазиатского происхождения. Стимулированная трансформация сказалась, видимо, в первую очередь, на производственной сфере и бесспорно послужила катализатором для социологических процессов.

И в это время, хотя, видимо, с определенным разрывом, на севере и на юге мы наблюдаем первый социологический и культурологический перепад в эволюционном развитии, отчетливое проявление ритмического характера исторического процесса. Майкопское общество, как это было характерно для обществ неурбанистического пути развития, исчерпав внутренние ресурсы, деградирует и распадается. Возможно, в этом определенную роль сыграла и меняющаяся военно-политическая ситуация, позволявшая суверенным лидерам устойчиво взаимодействовать с переднеазиатскими цивилизациями. На южном Кавказе начавшееся развитие раннеземледельческих обществ по урбанистическому пути, что было столь типично для месопотамского пути развития, также прерывается. Основные центры куро-аракской общности запустевают, судя по всему даже происходит демографический перепад. Причины этого и не вполне ясны, и по-разному объясняются исследователями. Но совершенно ясно одно – теперь центр импульсивного развития перемещается из низменных районов в предгорные и горные равнины, причем новый прогресс был возглавлен лидерами, социологически близкими майкопским владыкам.

Начало указывающим на это выдающимся открытиям положили раскопки Б. А. Куфтина в Триалети (1941), давшие всему археологическому комплексу наименование триалетская культура. Затем раскопки были продолжены во все возрастающих масштабах как в Грузии (Гобеджишвили 1981; Джапаридзе 1960; Джапаридзе и др. 1980), так и в Армении (Оганесян 1990). Постепенно отдельные открытия все более начинали обретать конкретную плоть археологической систематики. Устанавливается хронологическое развитие комплексов с выделением двух или даже трех этапов, предшествующих периоду великих курганов (Джапаридзе 1996; Махарадзе 1996). При этом для раннего этапа (младшая группа по О. М. Джапаридзе) характерно сохранение куро-аракской керамической традиции и явные свидетельства культурных связей с северным миром степняков, откуда, видимо, был позаимствован уже на поздних этапах Куро-Аракса и сам обычай сооруже-

ния надмогильных насыпей. О. М. Джапаридзе справедливо указывает на степные традиции в обычае использовать подвески, сделанные из клыков или зубов животных, не говоря уже о молоточковидных булавах, со всей очевидностью свидетельствующих о постмайкопской эпохе. Сами грузинские археологи склонны относить начало триалетской традиции к XXIV–XXIII вв. до н. э. или, как более осторожно говорит О. М. Джапаридзе (1996: 78), к середине второй половины III тыс. до н. э. Судя по распространению могильников, объединяющихся в несколько локальных группировок, горные и предгорные равнины были освоены достаточно широко. Уже при первых оценках курганных гробниц триалетского круга отмечалось, что существует определенная иерархия по их размерам, что могло бы указывать на известную ранговую систему в рамках верхушечной элиты (Массон 1973). В дальнейшем подобные наблюдения подтвердились, хотя полный статистический анализ в этом плане массового материала еще не произведен. Во всяком случае, налицо определенные группировки.

Уже на ранних этапах развития культуры триалетского типа четко выявились основные особенности престижного погребального обряда – сооружение просторных ям или наземных погребальных камер, перекрываемых каменно-земляными насыпями. К поре расцвета культур масштабы этих сооружений возрастают, достигая оптимально гигантизированных размеров. Сами насыпи высотой в 11–13 м имеют в диаметре почти 140 м. Наземные гробницы, складываемые из камня, превращаются в подлинники памятники монументальной архитектуры с главным залом площадью до 175 м² и длинным дромосом. Трудовые усилия, затраченные на возведение этих гробниц, сопоставимы со строительством монументальных храмов Месопотамии поры ранней урбанизации. Обязательной особенностью погребального обряда становится наличие повозки или парадных носилок. Несмотря на ограбленность большинства гробниц не остается сомнений в масштабных жертвоприношениях, в том числе, видимо, порой и человеческих, и в богатстве помещаемых с усопшим объектов. Среди последних значительное место занимает церемониальное оружие, например, серебряные клинки кинжалов. Нередки и находки первоклассных произведений тореvтики.

Социологически едва ли могут быть сомнения в том, что подобная практика требовала огромной концентрации организованного труда и сосредоточения общественных богатств, нацеливаемых на возвеличивание усопших лидеров. Как и майкопско-новосвободненские гробницы, это является свидетельством взлета системы раннего комплексного общества, позволившего осуществлять подобную концентрацию власти и организованного труда. Эта исключительная ориентация на лидеров, начавшаяся еще в пору Майкопа, составляет характерную черту кавказского типа ранних комплексных обществ. Она тем более поразительна, что при роскошных элитных гробницах мы с трудом улавливаем невзрачные следы рядовых поселений, среди которых явно отсутствуют крупные центры протогородского облика. Как и в случае со степными и балканскими обществами, перед нами явно один из вариантов неурбанистического пути развития.

Налицо и свидетельства усложняющейся идеологической системы по сравнению с тем же Майкопом. Это хорошо видно по предметам тореvтики (Н. О. Джапаридзе 1988). Не приходится сомневаться во влиянии на тореvтику культур хеттского круга, но это отнюдь не исключает их внехеттского, в том числе, возможно, и южнокавказского производства, как это отмечал еще Б. Б. Пиотровский (1949: 45). Вместе с тем уже само их помещение в гробницы лидеров, возможно осуществлявших и жреческие функции, достаточно показательно. Г. Е. Арешян (1988)

справедливо отмечает, что эти предметы были либо специально изготовлены для целей погребального культа, или были включены в погребальный ритуал и выполняли в нем определенную символическую функцию. Налицо заметные изменения по сравнению с наивным архаизмом майкопской торевтики, ограниченной зооморфным репертуаром. И на предметах торевтики, помещаемых в триалетские гробницы, налицо процессии животных, занимающих определенные фризны на сосудах. Но вместе с тем имеется и геральдическое противостояние тех же львов, скажем, на кубке из Кировакана или на золотой подставке из Триалети. Кстати, на кубке из Карашамба воспроизведены те же основные хищники, что на сосуде из Майкопа – львы и барсы. Но более важно наличие сложных сцен с участием антропоморфных персонажей, будь то воины в батальных сценах или ряженные мужчины в сценах ритуального возлияния. Троны центральных персонажей подобных сцен вполне могли быть художественными аналогами престижных седалищ, на которых при жизни восседали лидеры, помещаемые после смерти в монументальные гробницы. Сложные идеологические системы и представления вполне соответствуют развитому обществу среднебронзовой эпохи на Южном Кавказе. Торевтика и ювелирное дело скорее всего были ответом на социальный заказ, который выдвигало возвышающаяся элита.

Гробницы триалетских владык вкуче с майкопскими курганами характеризуют один из своеобразных путей развития ранних комплексных обществ, который, пожалуй, можно даже именовать кавказским. Каждое раннее комплексное общество было по своему индивидуально. Сказывались различия в культурных традициях, разный экономический потенциал и био-психологические особенности различных популяций, находящие отражение в нормативах менталитета. Вместе с тем ряд общих черт этой конкретной мозаичной картины позволяет говорить о некоторых основных направлениях развития данного исторического феномена.

Рис. 19. Типы развития ранних комплексных обществ.

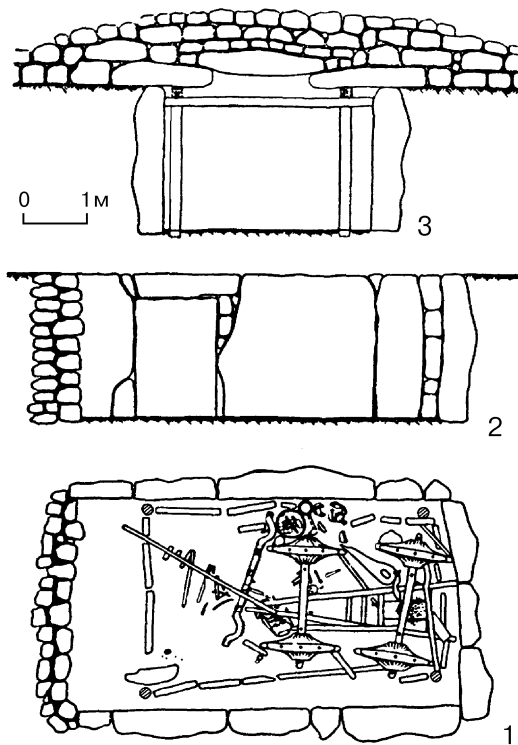

Рис. 20. Лчашен. Подкурганная гробница с повозкой

Достаточно четко обозначаются два основных пути – урбанистический и неурбанистический. При более детальном анализе особое значение приобретают формы политогенеза. Они представлены в двух основных вариантах – организационно-управленческом и военно-аристократическом. Разумеется, функции организационно-хозяйственные и военного лидерства порой персонифицировались в одном лице или одном общественном органе. Но доминанта той или иной функции безусловно накладывала зримый отпечаток на все развитие ранних комплексных обществ (рис. 19).

Исключительную значимость функция организационно-управленческого лидера приобретает в раннеземледельческих обществах. Раннеземледельческие общества, идущие по этому пути политогенеза, впечатляюще представлены балканским путем развития и на ранних этапах эволюции Месопотамии. Здесь структуры обеспечивали устойчивую стабильность и высокий уровень жизни с ярко выраженной тенденцией к эгалитарности. Необходимость осуществления широкомасштабных, одновременных хозяйственных мероприятий в Месопотамии обуславливалась созданием и поддержанием крупных ирригационных систем. В Мезоамерике – проведением в сжатые сроки циклов, связанных с подсечно-огневым земледелием. При месопотамском пути развития эта функция на первых порах воплощалась руководящим персоналом храмовых организаций. Иная ситуация складывалась в обществах балканского типа, где процветавшая эгалитарность становилась фактором слабости на пути общественного прогресса.

Военно-аристократический путь политогенеза хорошо известен по многочисленным примерам. Ярво выраженный военный лидер с когортой преданных воинов становился важнейшим фактором институализации власти. Это достаточно ярво охарактеризовано Ф. Энгельсом, использовавшим для этого феномена понятие военной демократии, которое на определенном этапе эволюции отечественной методологии подвергалось едва ли обоснованным сомнениям. Именно военно-аристократический путь политогенеза в значительной степени стимулировал становление ранних комплексных обществ кавказского или степного пути развития. Однако эти общества в конкретной исторической ситуации оставались вне рамок активной урбанизации, что и определило последующую стагнацию. Более благоприятно складывалась ситуация в Центральной Европе. Там после упадка и дезинтеграции ранних земледельческих обществ балканского типа налицо интенсификация военной функции общества, повсеместное становление военных лидеров и страт. Одновременное развитие оседлых поселений по пути урбанизации, происходившее не без влияния греко-римского мира, вкуне со стратой военных лидеров завершилось формированием кельтской цивилизации.

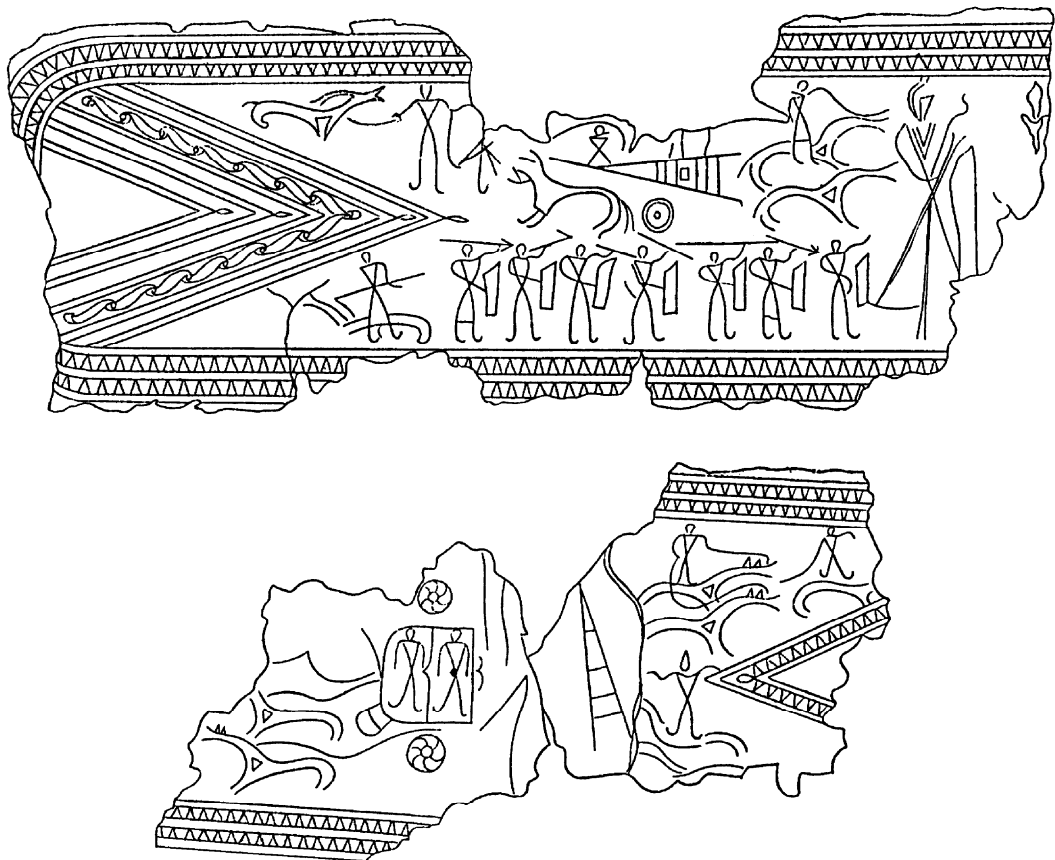

Рис. 21. Степанаван. Изображение военной дружины и колесничих на бронзовом поясе

Фактически это мы наблюдаем и в истории Южного Кавказа. Как бы ни выстраивать цепочки типологических соответствий в керамике и металлических изделиях, совершенно ясно, что общество, столь ревностно возвеличивавшее своих лидеров, дезинтегрирует и сходит на нет подобно майкопскому феномену. Закончилось безумство грандиозных гробниц. Видимо, как и во многих других случаях, ранние комплексные общества, идущие по неурбанистическому пути, на определенном этапе развития полностью исчерпали социальные и организационные возможности. Гипертрофированный погребальный обряд мог в конечном итоге подорвать производительные силы общества, у которого не было надежных ресурсов, подобных ирригационному земледелию древневосточных цивилизаций.

Начинается новый период возвращения в долинному земледелию. В предуартское время развиваются крупные поселения, вполне могущие дать преемственную линию для становления урбанистических центров. В них концентрируются и значительное население, и ремесленные производства. Таковы, например, Мецамор и крупное поселение у Лчашена, которое А. А. Мартиросян (1969) считал возможным сопоставлять с центром области Кисхуне, известной уже по клинописным источникам урартского времени. Лидеры по-прежнему подчеркивают свою значимость престижными гробницами (рис. 20), в которые, как и прежде, помещаются колесные экипажи, как видно и по некрополю Лчашена (Мнацаканян 1957; 1961) и по более ранним раскопкам кургана в Адиамане. Но такой безудержной траты трудовых ресурсов и общественных богатств, как это было в триалетское время, уже нет. Это общество иных ценностных ориентаций и иного менталитета. Зато отчетливо выступают черты своего рода милитаризации, выделения устойчивой группы вооруженных воинов, на что справедливо обратил внимание Б. Б. Пиотровский (1949: 57). Воины, вооруженные колющим мечом, копьем и стрелами, носящие престижные широкие пояса с бронзовой обкладкой, украшенной сложными рельефными сценами, были надежной опорой новой власти, идущей по пути военно-аристократического политогенеза (рис. 21). В какой-то мере этот процесс переключается с ситуацией, наблюдаемой в материковой Европе в пору поздней бронзы и раннего железа. Там на основе этих и иных процессов постепенно формировалась кельтская цивилизация, использовавшая на основе интеграции ряд моделей средиземноморского античного мира. На Южном Кавказе подобный естественный процесс был осложнен урартской экспансией, хотя, судя по всему, и продолжался вне зоны прямого урартского подчинения, дополнительно создавшей военно-политической обстановкой. Этот долгий путь развития, начавшийся как и повсюду в истоках раннеземледельческих культур, завершается формированием синтетических цивилизационных систем Грузии, Армении и Албании.

При подобной генерализированной социологической оценке исторических процессов не следует забывать, что культурные и социальные инновации в реальной жизни воплощались конкретными народами и племенами. Однако этническое опознание этих древних народов, хотя этому и посвящено немало усилий (Меликишвили 1965), дело крайне непростое и явно осложнено прямолинейными построениями, не лишенными политизированных установок. Совершенно ясно, что кавказский регион, подобно Малой Азии, с расчлененным рельефом представлял довольно сложную картину сосуществования и взаимодействия разноязычного и разноэтнического населения, которое в пору усиления интеграционных процессов включалось в поток доминирующих культурных стандартов и эталонов. Исследователи не без основания подчеркивают пестроту населения уже на основании погребальных обрядов, этого довольно устойчивого показателя этнокультурной ориенти-

рованности. Об этом писал почти полвека назад Б. Б. Пиотровский: “Могильники эпохи бронзы представляют громадное разнообразие по своим формам, лишней раз подчеркивают территориальную ограниченность и обособленность населения” (1949: 56). Новые исследования не упростили, а скорее усложнили картину реальной истории и взаимодействия различных народов и племен. Пришлые и местные племена постоянно давали сложные симбиозные и синкретические формы (см., например, Гаджиев 1974: 14; 1996). Огромный общий пласт культурного наследия народов Кавказа подлежит в этом отношении отдельному и достаточно осторожному, методологически строго выверенному изучению.

- АРЕШЯН, Г. Е. 1975. Железо в древней Западной Азии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
1988. Индоевропейский сюжет в мифологии населения междуречья Куры и Аракса II тысячелетия до н. э. // ВДИ. № 4.
- АРЕШЯН, Г. Е., К. К. КАРАДЕРЯН. 1975. Рождение монументальной архитектуры Армении // Памятники культуры. Новые открытия. М.
- ГАДЖИЕВ, М. Г. 1974. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Дагестан в древности. Махачкала.
1996. Северо-Восточный Кавказ на пути к ранней цивилизации // МЕА.
- ГОБЕДЖИШВИЛИ, Г. Ф. 1981. Бедени – культура курганных погребений. Тбилиси.
- ДЖАПАРИДЗЕ, О. М. 1960. Археологические раскопки в Триалети в 1957–1958 гг. Тбилиси.
1996. Культура ранних курганов на территории Закавказья // МЕА.
- ДЖАПАРИДЗЕ, О. М., Я. А. КИКВИДЗЕ, Г. Б. АВАЛИШВИЛИ, А. Т. ЦЕРЕТЕЛИ. 1980. Отчет Кахетской (Марткопской) экспедиции за 1978–1979 гг. // Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси.
- ДЖАПАРИДЗЕ, Н. О. 1988. Ювелирное искусство эпохи бронзы в Грузии. Тбилиси.
- КУФТИН, Б. А. 1941. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси.
- КУШНАРЕВА, К. Х. 1993. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. Л.
- МАРТИРОСЯН, А. А. 1969. Погребения и могильники эпохи поздней бронзы Армении. Ереван.
- МАССОН, В. М. 1970. Среднеазиатско-кавказский социологический параллелизм // Тезисы докладов Сессии, посвященной итогам археологических исследований. Тбилиси.
1973. Древние гробницы вождей на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- МАХАРАДЗЕ, З. Э. 1996. Поселение Чихиагора и проблема периодизации культур эпохи бронзы на территории Грузии // МЕА.
- МЕЛИКИШВИЛИ, Г. А. 1965. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа, Ближнего Востока // ВДИ. № 1.
- МНАЦАКАНЯН, А. Д. 1957. Раскопки курганов на побережье озера Севан в 1956 г. // СА. № 2.
1961. Лчашенские курганы // КСИА. Вып. 85.
- ОГАНЕСЯН, В. Э. 1990. Культура первой половины II тыс. до н. э. в среднем течении р. Раздан: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван.
- ПИОТРОВСКИЙ, Б. Б. 1949. Археология Закавказья. Л.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БПАС	Башкапсарский полевой археологический семинар “Медные рудники Западного Кавказа III–I тыс. до н. э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения”. Сухуми.
ВГМГ	Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси.
ВГО	Всесоюзное геологическое общество.
ВДИ	Вестник древней истории. Москва.
ВГУ	Вестник Ереванского Государственного университета. Ереван.
ИАН АрмССР	Известия Академии наук Арм. ССР. Ереван.
ИФЖ	Историко-филологический журнал.
ИФР	Историко-филологические исследования.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва.
КЧ	Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа.
МАЕ	Между Азией и Европой (Кавказ в IV–I тыс. до н. э.). Материалы конференции, посвященной 100-летию рождения А. А. Исесена. СПб. 1996.
ОАК	Отчеты Археологической комиссии.
ПИДО	Проблемы истории докапиталистических обществ.
СА	Советская археология. Москва – Ленинград.
САГУ	Среднеазиатский Государственный университет. Ташкент.
САН ГССР	Сообщения Академии наук Груз. ССР. Тбилиси.
СМАА	Сборник материалов по археологии Адыгеи.
ТД	Тезисы докладов.
ТДК	Тезисы докладов конференции.
Тр. АБИЯЛИ	Труды Абхазского Института языка, литературы и истории. Сухуми.

В. М. МАССОН

ВВЕДЕНИЕ: ДОУРАРТСКИЕ ДРЕВНОСТИ Кавказа – пути познания и проблемы
ИНТЕРПРЕТАЦИИ 5

К. Х. КУШНАРЕВА

Ранние комплексные общества Южного Кавказа 11

Отчет Н. И. Веселовского о раскопках Майкопского кургана в 1897 г. 44

Н. А. БЕЛОВА

Николай Иванович Веселовский – видный деятель
РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ 49

Э. ШЕРЕТ

Троя, Майкоп, Алтын-депе: урбанизм раннего бронзового века и
ЕГО ПЕРИФЕРИИ 50

В. М. МАССОН

Майкопские лидеры ранних комплексных обществ на Северном Кавказе..... 60

М. Б. РЫСИН

Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе..... 85

В. М. МАССОН

Кавказский путь к цивилизации:
ВОПРОСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ..... 124

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 134

CONTENTS

V. M. MASSON

INTRODUCTION: PREURARTIAN CAUCASIAN MONUMENTS – THE WAYS OF COGNITION
AND THE PROBLEMS OF INTERPRETATION 5

K. KH. KUSHNAREVA

EARLY COMPLEX SOCIETIES OF SOUTHERN CAUCASUS 11

N. I. VESELOVSKY'S REPORT ON THE EXCAVATIONS OF THE MAYKOP KURGAN IN 1897 44

N. A. BELOVA

NIKOLAY IVANOVICH VESELOVSKY – THE EMINENT MAN
OF RUSSIAN HUMANIAN SCIENCE..... 49

A. SHERET

TROJA, MAYKOP, ALTYN-DEPE: EARLY BRONZE AGE URBANISM AND ITS PERIPHERY 50

V. M. MASSON

THE MAYCOP LIDERS OF EARLY COMPLEX SOCIETIES AT NORTHERN CAUCASUS 60

M. B. RYSIN

CULTURAL TRANSFORMATION AND THE CULTURE OF CAUCASIAN DOLMENS BUILDERS..... 85

V. M. MASSON

THE CAUCASIAN WAY OF CIVILIZATION: THE QUESTIONS OF SOCIO-CULTURAL
INTERPRETATION 124

LIST OF ABBREVIATIONS 134